

Эмиль Габорио

Раббы Парижа

Эмиль Габорио
Рабы Парижа

«Public Domain»

1868

Габорио Э.

Рабы Парижа / Э. Габорио — «Public Domain», 1868

«Зима в Париже 186... года была очень холодной. Но в тот февральский день столбик термометра (о ужас!) показывал 20° ниже нуля. Мрачные снеговые тучи заволокли небо. Накануне прошел дождь, и сейчас на мостовых была такая гололедица, что ездить в экипажах становилось попросту опасно. Город казался очень угрюмым. О, этот Париж, город роскоши, блеска и откровенной, бьющей в глаза нищеты! В такие зимы, когда замерзает даже Сена, невольно вспоминаются те забытые Богом углы, где холодно и нет дров, где звучат жалобы и стенания, где ожесточаются сердца...»

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	73
Глава 12	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Эмиль Габорио

Рабы Парижа

Текст печатается по изданию: Габорио Э. Рабы Парижа. С.-Петербург, 1873 г.

Часть 1

Шантаж

Глава 1

Зима в Париже 186... года была очень холодной. Но в тот февральский день столбик термометра (о ужас!) показывал 20° ниже нуля.

Мрачные снеговые тучи заволокли небо. Накануне прошел дождь, и сейчас на мостовых была такая гололедица, что ездить в экипажах становилось попросту опасно. Город казался очень угрюмым.

О, этот Париж, город роскоши, блеска и откровенной, бьющей в глаза нищеты! В такие зимы, когда замерзает даже Сена, невольно вспоминаются те забытые Богом углы, где холодно и нет дров, где звучат жалобы и стенания, где ожесточаются сердца...

Именно в тот хмурый февральский день содержательница отеля «Перу» мадам Лупиас, грубая и жадная овернка, неожиданно для бедных жильцов резко взвинтила плату за комнаты, а деньги потребовала немедленно.

– Ну, что за медвежий холод! – проворчала мадам Лупиас, помешивая угли в низенькой печи своей конурки и, распрямившись, сказала своему мужу: – Ты знаешь, мне как-то не по себе. В такой холод кто-нибудь из этих бродяг еще, чего доброго, повесится. Помнишь, как в ту зиму, когда нашли одного наверху... Нам это стоило тогда больше пятидесяти франков. Ты бы сходил на чердак посмотреть...

– Да ну их! – отмахнулся супруг мадам Лупиас. – Все они забились по щелям, чтобы согреться. Старик Тантен убрался еще ранним утром, а чуть погодя я видел, как уходил Поль Виолен. Стало быть, наверху осталась одна Роза...

– Ну, об этой я и не забочусь, – раздраженно заметила мадам. – Помяни мое слово, она непременно бросит этого Поля. Девочка слишком хороша, чтобы оставаться в этой жуткой норе.

Итак – отель «Перу» по улице Гюше, в двадцати шагах от площади Пети-Пон... Сам вид этой трущобы никак не был похож на нормальное человеческое жилище. Подобные приюты все реже встречаются в обновленном Париже. Но – встречаются... Несчастный, униженный бедняк ищет и находит за свои последние пять су в таком приюте свой временный кров и жалкую постель. Как утопающий хватается за соломинку, так эти люди, загнанные жизнью, спешат сюда. Их гонит инстинкт самосохранения. Но через день-другой, едва набравшись сил, они спешат прочь отсюда.

Весь отель сверху донизу с помощью тряпок и старой бумаги был разгорожен на множество крошечных клетушек, которые мадам Лупиас пышно именovala – комнатами. Подвижные стены этих клеток непрерывно рвались, лопались, уничтожались самими жильцами, превращавшими этот жалкий отель в сплошной вертеп.

Только у счастливиц тут было сносное помещение: маленькая келейка с покатым потолком и окошком под самой крышей, чем-то напоминающая табакерку. Распрямиться во весь рост тут было просто невозможно.

Всю мебель тут составляли постель с матрасом, набитым стружками, простой грязный стол и два стула. За такого сорта «табакерку» супруги Лупиас брали не меньше двадцати двух франков. Они объясняли столь высокую плату наличием в комнате камина. Камин, правда, был ничем иным, как дырой в стене, уносившей из комнаты последнее тепло. И все же, и все же... Комнатки-табакерки никогда не пустовали.

Теперь в одной из них дрожала от холода молодая, удивительно красивая женщина. Ей было не более девятнадцати лет. Натуральная блондинка с кожей редкой белизны, густые длинные ресницы, смягчавшие суровый, чуть металлический блеск голубых глаз... Казалось, этот нежный алый рот создан для вечной улыбки счастья, а роскошные блестящие волосы, падавшие на античные плечи, должны быть украшены царственной диадемой. Но жалкий гребень в четыре су, перехватывавший на затылке это золотое великолепие, свидетельствовал о суровой прозе жизни.

Закутавшись в некое подобие шали поверх легкого платья и накинув на плечи старое и грязное постельное одеяло, молодая женщина сидела на полу, глядя на огонь.

Впрочем «огонь» – это слишком сильно сказано. Не нагрев комнатуху ни на йоту, очаг догорал, и только две головни с кулак еще тлели в нем, давая жару не более, чем дымящаяся сигарета.

Но, ничего не поделаешь! Скорчившись на жалком половичке, который мадам Лупиас величала каминным ковром, Роза извлекла из кармана засаленные карты и принялась гадать. Она так увлеклась, что, видимо, забыла о холоде. Полукругом раскинув перед собой карты, осторожно, боясь ошибиться, красавица принялась кончиком пальца отсчитывать по три карты. Каждая карта, которой касался ее палец, имела для нее особый, тайный смысл – благоприятный или пагубный. В зависимости от этого лицо Розы то гасло, то озарялось улыбкой.

– Вот этот молодой блондин, – бормотала девушка, – это, должно быть, Поль. Вот деньги, а вот и препятствие... Боже мой, девятка пик! Всюду эта проклятая девятка пик! Прямо рок какой-то!

Впрочем, девушка вскоре утешилась. Смешав колоду, она раскинула ее еще раз и тщательнейшим образом перетасовала, потом левой рукой сдвинула карты...

При этом вторичном опыте карты оказались милостивее и сулили явное благополучие.

– Ты любима! – говорили они на своем чародейском языке, – любима глубоко и страстно, тебя ждет богатство и счастье, о тебе много думают и вскоре ты получишь письмо, где один молодой человек, брюнет, с огромным состоянием... – Огромное состояние изображалось в образе трефового валета.

– Опять он! – пробормотала Роза, – воистину сама судьба того желает! – она торопливо достала из своего маленького тайника за печкой небольшую скомканную записку и уже, наверное, в двадцатый раз со вчерашнего дня принялась медленно и с наслаждением ее перечитывать:

«Мадемуазель!

Я вас видел и уже люблю. Честное слово! А потому хочу сказать вам: вы не созданы для той мерзкой норы, где прячете свою красоту. Роскошные палаты, украшенные палисандрами и цитронатами, ожидают вас на улице Дуэ. Я с утра до ночи занят делами и потому квартира – в вашем распоряжении.

Я еще не владею вполне своим состоянием, но через пять месяцев и три дня буду введен в права наследства после своей матери. Я смогу распоряжаться им по своему усмотрению. Тем более, что отец мой стар и его можно склонить к чему угодно.

Итак, позвольте ли вы мне пришкать для вас портниху?

Даю вам на размышление пять дней, считая сегодняшней. Даже шесть, если вам покажется мало. В течение этого времени буду ждать вашего решения на углу площади Пети-Пон.

Гастон де Ганделю».

Это непристойное, игривое послание, безусловно, было обидным для любой женщины. Но это, очевидно, нисколько не смущало Розу. Напротив, именно его грубая материальная сторона и туманила ей мозг, казалась упоительной музыкой.

– О, если бы моя воля! – прошептала она страстно, – если бы только моя воля!

На шаткой лестнице слышались чьи-то решительные шаги.

– Он! – испуганно прошептала девушка, – Поль! – и по-кошачьи шмыгнула от очага к стене, поспешно спрятав письмо в щель. Поль Виолен уже входил в комнату. Молодой человек лет двадцати трех, Поль был по-настоящему красив. Классически овальное лицо его было подернуто той матовой бледностью, что свойственна южанам. Небольшие тонкие усики прикрывали несколько крупноватые губы, придававшие лицу мужественный и энергичный характер. Светлые выющиеся волосы обрамляли высокий и гордый лоб, а большие темные глаза горели удивительным огнем.

Красота Поля была даже ярче красоты Розы. В Поле было какое-то особое достоинство и природное величие, свойственное кровным аристократам. Даже супруги Лупиас не могли не заметить, что их странный жилец даже своему чердаку способен придавать некое величие, точно какой-то принц крови, вынужденный скрывать свое происхождение.

Но принц был крайне жалок в эту минуту. Невзирая на отчаянную нищету, его одежда была подчеркнута опрятна. Но в ней чувствовалась бедность, что стыдится самое себя, молчит и прячется от всех.

Панталоны, жилет и сюртук из черного драпа, основательно потертые, не в состоянии были защитить беднягу от поистине сибирского холода, что свирепствовал в тот день. Добавьте к этому наряду еще и светло-серую накидку, что была не толще паутины, и потому согревать никак не могла. Зато ботинки на нем были тщательно вычищены, но, увы, именно это обстоятельство и подчеркивало трагическое, поистине отчаянное положение финансов Поля.

Войдя, Поль швырнул на постель сверток белой бумаги, что держал под мышкой.

– Ничего! – произнес он с мрачной безнадежностью, – опять ничего!

Роза, подняв голову от карт, взглянула на него, и ее хорошенькое лицо стало злым.

– Что? – презрительно и удивленно спросила она. – Ничего?! И это после того, что ты говорил мне сегодня утром, уходя?

– Сегодня утром, Роза, я еще надеялся. Но меня обманули. Вернее, я сам обманулся. Поверил пустым обещаниям. У здешнего народа даже не хватает доброты прямо сказать «нет». Они выслушивают тебя с видом явного интереса, даже искренне сочувствуют. Но через минуту тут же о тебе забывают...

Воцарилось молчание. Поль был слишком удручен, чтобы заметить косой презрительный взгляд Розы. Этот вид наивного отчаяния вкупе с угрюмой покорностью судьбе особенно бесил ее.

– Нечего сказать, завидное теперь у нас положение, – заметила она наконец, – и что же дальше?

– Ах, я уже голову потерял...

– В таком случае пора положить этому конец. Вчера, когда тебя не было, здесь была эта противная Лупиас. Так вот она объявила, что, если в течение трех дней мы не внесем за квартиру требуемые одиннадцать франков, она нас непременно выгонит. Да, да, и она сделает это, мерзкая дрянь, только ради удовольствия видеть меня на мостовой, она ненавидит меня!

– Один во всем мире, без родственников, без друга, совсем один, – бормотал Поль.

– У нас ни сантима, – упрямо вела свое Роза, – на прошлой неделе я продала свои последние юбки, нет дров. И ко всему прочему мы со вчерашнего утра ничего не ели.

Несчастный молодой человек схватился за голову и отчаянно сжал руками виски.

– Ну, вот еще, – желчно заметила Роза, – я ему толкую, что необходимо искать любые средства, любой способ, а он...

Не дав ей договорить, Поль судорожно сорвал с себя накидку и бросил на стул.

– На, возьми и отнеси в залог, – произнес он глухо.

– И это все, чем ты в состоянии помочь себе и мне? – спросила молодая женщина.

– За накидку, наверное, дадут три франка; наверное, за них можно купить немного хлеба и дров.

– Ну, а потом?...

– Потом... Я подумаю, поищу способ... Мне нужно выиграть время. Успех придет, а с ним и деньги. Нужно уметь ждать...

– Нет, нужно еще и уметь сделать...

– Разумеется! Однако, прошу тебя, сделай так, как я тебе сказал, а завтра...

Будь Поль менее взволнован, он давно бы заметил, что Роза упрямо ведет дело к разрыву.

– Завтра! – язвительно произнесла она, – что же завтра? Уже целый месяц я слышу одно и то же! Но всякому терпению есть предел. Вы, Поль, не ребенок и обязаны взглянуть прямо в глаза жизни. Ну, посудите сами, что дадут мне эти лохмотья? Три франка? И сколько дней мы можем прожить на эти гроши?

– Отчего же ты не помогаешь мне, – крикнул он, – отчего же сама не работаешь?

Роза саркастически улыбнулась.

– Я? Я – женщина, мой милый. Я не создана для работы.

С угрожающим видом Поль приблизился к молодой женщине. Казалось, еще минута – и он ударит ее.

– Несчастная! – глухо произнес он – да, ты именно несчастная...

– Нет... Я только голодная.

Надо полагать, такая ссора могла бы окончиться плохо. Но послышался шорох в дверях, и они оба обернулись.

На пороге чердачной двери стоял старик и, добродушно улыбаясь, смотрел на молодую пару.

Старик был высок и несколько сутуловат. Две скулы кирпичного цвета особенно выдавались на его лице. Да, и еще – красный нос. Все остальное скрывала длинная и всклокоченная бородах проседью. Глаза его были скрыты очками с цветными стеклами; медную оправу очков он обмотал черной ленточкой.

Все в нем дышало ужасающей бедностью. Это сальное изодранное пальто с огромными карманами носило на себе следы всех стен, о которые он терся и под которыми валялся пьяным. Было заметно, что для этого бродяги все равно где и в чём спать – на постели или на земле, в платье или без платья.

Роза и Поль давно знали этого старика, ведь он жил в соседней конуре и его звали «дядя Тантен».

Его приход напомнил Полю, что соседняя комната мансарды – рядом и что каждое произнесенное им слово там слышат. Значит, их ссора тоже не была секретом...

– Что вам здесь нужно, милостивый государь? – резко спросил он у старика, – и кто вам дал право входить, не постучавшись?

Однако угрожающий тон Поля несколько не смутил старика.

– Я стучался, – ответил он, – я редко бываю дома, а сегодня как раз возвратился, когда вы разговаривали. Я, разумеется, наострил уши...

– Милостивый государь!

– Погодите, нетерпеливый юноша! Скажите мне лучше, отчего вы так рано начали ссориться между собой? Когда лошади слишком долго стоят на месте, то даже самые смирные из них начинают беситься. Мне не раз приходилось замечать это...

– Однако, вы знаете, милостивый государь, – заметил Поль, глубоко задетый замечанием старика, – до чего ожесточают сердце бедность и нищета. Я полагаю...

– Э, полно о пустяках! Если я вошел, не спросив, то в таком случае простите меня; но разве не должны соседи являться друг другу на выручку, когда слышат шум ссоры? Как только я услышал ваши взаимные обвинения, сразу же сказал себе: этих двух больших детей мне следует немедленно помирить, иначе будет плохо.

Подобная тирада в устах этого бродяги была столь комична, что даже Роза не могла удержаться от улыбки. К тому же ей пришла в голову мысль, что старик догадается вытащить из кармана свой тощий кошелек и предложить им взаймы сорок или хотя бы двадцать су. Кажется, о том же самом подумал и Поль.

– Может быть, – заговорил он уже чуть спокойнее, – может быть, вы можете нам чем-нибудь помочь?

– Как знать!

– Вы сами видите, до какого унижения мы дошли. У нас ничего нет, мы пропадаем окончательно.

Дядя Тантен прежде, чем отвечать, поднял руки, как бы призывая небо в свидетели того, что он намерен сказать.

– Пропадаем! – повторил он, – жемчужины, скрытые на дне морском, тоже пропадают, пока какой-нибудь ловкий человек их не отыщет, – и он многозначительно улыбнулся.

– Не понимаю, что вы хотите сказать, – заметил Поль.

– Я хочу сказать, что прежде всего нужно добыть вам завтрак, а затем дров. Холод здесь собачий! Ну, а потом мы уже позаботимся и об одежде...

– Но для этого нужны деньги, много денег! – вздохнула Роза.

– Откуда вы знаете, что у меня их нет? – хихикнул старикашка, и начал медленно расстегивать пальто. Запустив руку в один из карманов, он вытащил засаленную бумажку, скрученную в трубочку. Потом развернул ее.

– Билет в пятьсот франков! – воскликнула Роза изумленно.

– Именно так, моя милочка, – ответил старик торжественно.

Поль был крайне растерян. Можно ли было предположить, что старик прячет под своими грязными лохмотьями такую сумму? И откуда она могла у него взяться?

Возможно, это преступные деньги? – мелькнула мысль у Поля и Розы. Они обменялись между собою многозначительным взглядом. Казалось, старик понял, что его подозревают.

– Вы зря так плохо думаете обо мне! – заметил он. – Эти деньги принадлежат мне на законных основаниях.

Но Роза уже не слушала его. Она взяла в руки мятую купюру и с наслаждением принялась ее ощупывать.

– Должен вам сообщить, – продолжал дядя Тантен, – что я нахожусь на службе у судебного пристава. Но это еще не все. Я – поверенный многих лиц по отысканию спорных долгов. Так что иногда в мои руки попадают весьма значительные суммы. Одолжить вам пятьсот франков для меня нисколько не обременительно.

Поль не знал, как ему поступить. С одной стороны – деньги были крайне нужны, но с другой – взять их, не зная, как и когда заплатить, казалось ему нечестным.

– Нет, – нерешительно сказал он, – я не могу взять этих денег: мой долг...

– Ах, оставьте эти бредни! – живо перебила его Роза, – неужели не понятно, что своим отказом мы огорчим дядюшку Тантена?

– Вы правы, прелестное дитя, – вскричал старик, – ступайте же скорее за провизией и купите, что нужно, ведь уже пятый час!

Роза бросилась к старому разбитому зеркалу, грациозно оправляя на себе лохмотья. Затем она торопливо выпорхнула.

– А хороша, диво как хороша! – заметил дядя Тантен с видом знатока, – какое изящество, какая грация! Дать бы ей хорошее положение – и она далеко пойдет...

Поль промолчал. Сейчас он был по-прежнему занят своими мыслями. Его многое тревожило. Этот загадочный старик, который ни с того ни с сего бросает пятьсот франков на ветер... Несомненно, он сделал это с каким-то тайным умыслом. А ведь как легко можно скомпрометировать свое до сих пор честное имя...

– Нет, милостивый государь, – начал он решительно, – брать у вас подобную сумму было бы непростительно с моей стороны, я ведь даже не знаю, буду ли в силах когда-нибудь вернуть вам ее.

– Очень мило, хорошенького же вы мнения о себе, дорогой мой! Если вы до сих пор бедствовали, то только потому, что у вас не было необходимого опыта. Теперь вы должны его приобрести и взяться за дело. Нужда, мой друг, – лучший учитель. Я уверен... если у вас будут средства, вы отдадите мне эти пятьсот франков. Торопить вас не стану, но, для обоюдного спокойствия, вы дадите мне расписочку, по которой обяжетесь до уплаты долга платить шесть процентов.

– Какую еще расписочку? – пробормотал Поль.

– Вексель... Это уж так полагается.

В подобных делах Поль был не опытнее младенца. Дядя Тантен тут же вынул вексельную бумагу.

– Вот, пишите здесь: «Восьмого июня будущего года я должен заплатить господину Тантену или, кому он прикажет...»

В тот момент, когда молодой человек подписывал вексель, в дверях показалась Роза со свертками в руках. Она вся сияла, глаза ее блестели. Было заметно, что с ней только что случилось нечто удивительное. Но Поль ничего не заметил. Он был занят распиской.

– Позвольте заметить, – заговорил он, – число, которое вы заставили меня написать, не более, чем формальность. Не думаю, чтобы за четыре месяца дела мои настолько поправились, что я мог бы уплатить вам столь значительную сумму...

Старик по-прежнему улыбался.

– Ну, а если бы мне вздумалось, к примеру, потребовать с вас эту сумму и раньше, например, через месяц? – лукаво поинтересовался он.

– Как, неужели вы смогли бы...

– Я сам – не смог бы, дорогой мой! Сам по себе я ничего не могу, но у меня есть знакомый, а у него сильные и длинные руки. Что хочешь найдет и достанет. Если бы я послушался его в былые времена, то, наверное, не оказался бы здесь. Одним словом, не хотите ли сходить к нему, познакомиться?

– Отчего же нет... Было бы глупо упускать подобный случай.

– Ну, что ж, сегодня же вечером увижу этого знакомого и сообщу ему все касательно вас. А завтра пополудни вы будете у него. Если вам удастся ему понравиться, если он найдет нужным заняться вами, то карьера вам обеспечена...

Старик снова полез в свой карман и вытащил карточку. Подавая ее Полю, он заметил:

– Моего приятеля зовут Маскаро, вот его адрес.

Роза, как и все парижанки, владела искусством устроиться мило и уютно везде. Уже через минуту стол был накрыт. Конечно, все соответствовало окружающей обстановке конуры. Вместо скатерти – какой-то обрывок ткани, подносы заменяли листочки бумаги. Жаркий огонь уже пылал в печурке. Две стеариновые свечи уже красовались в старом подсвечнике, каким-то чудом уцелевшем. Пламя свечей весело освещало каморку и расположившуюся в ней группу. В двадцать лет человек легко утешается. И эта неожиданная картина как-то развеселила Поля. Он усилием воли отогнал темные подозрения, мрачные предчувствия.

– За стол! – воскликнул он, – вот, наконец, мы и с обедом, хотя еще и не завтракали! Ну, Роза, занимай же свое место хозяйки! А вы, дорогой сосед, надеюсь, окажете нам честь разделить с нами трапезу?

Но дядя Тантен все же отказался.

– Мне необходимо сегодня вечером повидать Маскаро, чтобы предупредить о вашем приходе.

Роза не слишком горевала по этому поводу. Этот старик вызывал в ней отвращение, хотя она и должна была быть ему благодарной. К тому же она инстинктивно чувствовала, что старик давно следит за нею и угадывает ее сокровенные помыслы.

– До свидания, – сказал Тантен, – желаю вам хорошего аппетита.

Захлопнув дверь убогого чердака, старик, однако, не торопился спускаться по лестнице. Опершись о косяк, он прислушивался к голосам молодых голубков. И впрямь, почему бы им не веселиться?

После всех пережитых мучений Поль, казалось, ожил: в кармане у него теперь лежал адрес человека, который мог помочь ему сделать карьеру, у них появились деньги, а с ними – надежда на будущее.

Что же касается Розы, ее очень смешил этот старик, которого она считала большим дураком, пожертвовавшим для них такую сумму.

– Воркуйте и веселитесь, мои голубки, – бормотал в это время за дверью старик, – сегодня, может быть, вам придется в последний раз быть вместе...

Вымолвив эти слова, дядюшка Тантен ощупью спустился по шаткой лестнице, которую жадная Лупиас освещала лишь по воскресеньям. Спустившись, он отправился, прежде всего к хозяйке дома, которая готовила в это время обед на очаге. Войдя, он робко и почтительно поклонился, заискивающе улыбаясь.

– Я пришел рассчитаться с вами, сударыня, – произнес он и положил деньги на край комода. В то время, когда хозяйка писала ему расписку о получении квартирной платы, он рассказывал ей о неожиданном, довольно приличном наследстве, которое должен был вскоре получить. И в доказательство показал ей несколько банковских билетов.

Банкноты эти произвели на мадам Лупиас такое сильное впечатление, что она превратилась в самую любезность, бросившись учтиво провожать старика, держа в одной руке лампу, а другой, подавая ему его грязную фуражку.

Выйдя на улицу, старик поспешил во фруктовую лавку, что помещалась на углу улиц Пети-Пон и Бушери. Хозяин лавки, торговавший дешевыми винами, по девять су за литр, был хорошо известен местным беднякам.

Это был маленький, толстенький, короткорукий, вечно красный, поминутно раздражавшийся и непременно желавший показать себя очень важным, человечек. Он был вдов, носил баки на английский манер, числился сержантом национальной гвардии и носил фамилию Мелюзен. Зимой в бедных кварталах Парижа пять часов – самое жаркое время торговли для лавочников. Рабочие возвращаются из своих мастерских, а женщины после дневной работы спешат приготовить что-нибудь поесть к вечеру. Господин Мелюзен был так занят торговлей, при этом непрерывно наблюдая за своими мальчишками-посыльными, что не заметил даже, как в лавку вошел старик Тантен.

– Месье Мелюзен, – громко обратился старик к хозяину лавки.

Оставив свои дела, лавочник направился к дядюшке Тантену. И тот начал с вопроса, не приходила ли сюда несколько минут назад красивая девушка менять банковский билет в пятьсот франков.

– Совершенно верно, месье, но откуда вам это известно? – поинтересовался лавочник.

Глаза его округлились, и он ударил себя по лбу:

– Так я и знал! Неужели произошла кража? А вам поручено разыскать ее? Да, это было подозрительно! Когда эта девчонка явилась ко мне в лавку в таком рубище и с билетом в пятьсот франков, я сразу же подумал: «Тут дело нечисто».

– Пойдите, пойдите, – прервал его дядя Тантен, – я ведь еще вам ничего не сказал о краже. Я только хочу спросить, узнаете ли вы эту девушку, если бы вам показали ее?

– Как себя самого, сударь! Да и как не узнать такую хорошенькую особу, с такими дивными волосами! Она иногда заходит сюда, и я полагаю, что она живет где-то неподалеку... Может быть, следует послать кого-нибудь из своих людей, – заметил он, – или позвать сюда полицейского сержанта?

– Нет, это совершенно бесполезно! – важно заметил Тантен, – я даже попросил бы вас держать это дело пока что в тайне. Сейчас же я попрошу вас, если банкнота еще в ларьке, записать ее номер, а также число и месяц, когда она попала к вам в руки.

– Ну, да, да, конечно, – засуетился лавочник, – мои торговые книги всегда в порядке. Через минуту я буду к вашим услугам.

Проводив мнимого агента полиции, Мелюзен был исполнен гордого сознания исполненного долга. А дядюшка Тантен, как ни в чем ни бывало, добрался до площади Пети-Пон и начал ходить взад и вперед, ища кого-то глазами. Вскоре он увидел того, кого искал. Дитина громадного роста, на вид лет двадцати, хотя на самом деле ему было всего пятнадцать; худой, с вытянутым и крайне неприятным лицом, он, видимо, стоял в секрете, наблюдая за кем-то. Чтобы скрыть это обстоятельство, он просил у прохожих милостыню в то время, когда появлялся кто-то из полицейских. Волосы его грязновато-желтого цвета уже поредели, лицо уже успело обрюзгнуть от пьянства, углы рта кривила недобрая циничная улыбка. Он будто демонстрировал свои дыры и лохмотья, вызывая сострадание у прохожих. При этом он напевал нищенский псалом, примешивая к нему сочиненную легенду о несчастном ремесленнике, бедной старухе-матери без хлеба, о своем жалком, искалеченном машиной теле.

Подойдя сзади к этому бродяге, дядюшка Тантен сдернул с его головы фуражку. Верзила в бешенстве обернулся, но тотчас же заулыбался сконфуженно:

– Кажется, попался, – стиснув зубы, прошептал он.

– Так-то ты выполняешь мои поручения? – грозно спросил Тантен.

– Помилуйте, поручения ваши давно исполнены, – лепетал дитина.

– Не смей у меня еще оправдываться! Это по моей милости Маскаро тебя спасает; разве я не помогал тебе столько раз зашибать деньгу? Как же ты смеешь снова нищенствовать?

– Нет, хозяин, – пристыженно бормотал бродяга, – это я, черт возьми, просто от скуки... Нужно же было убить как-то время в ожидании вашего прихода. Смотрите, вот заработал целых восемь су...

– Гляди, Тото-Шупен, ты не кончишь добром, это я тебе предсказываю. Ну, рассказывай, что видел?

С оживленного угла улицы они перебрались в более уединенное место.

– А видел я вот что, хозяин, – отвечал дитина, – ровно в четыре часа карета подъехала к назначенному месту и остановилась вон там, напротив лавки парикмахера. Карета отличная, одежда у кучера роскошная...

– Погоди... А в карете сидел кто-нибудь?

– Я заметил в ней того самого господина, которого вы мне описывали. Знатный господин! Низенькая шляпа по самой последней моде, светлые панталоны и открытая жилетка – одним словом, не господин, а модная картинка!

– И что же дальше?

– Выйдя из кареты, он принялся от нечего делать барабанить тростью по тротуару. Я разглядел в его зубах потухшую сигарету и тотчас же оказался рядом:

– Огня, не угодно ли, граф?

За это он дал мне десять су. Я хорошо разглядел его: низенький и рябоватый, с лицом истасканным и помятым, со стеклышком в глазу...

– И что же потом? – недовольным тоном спросил Тантен.

– Этот господин казался очень раздраженным тем, что попусту теряет время, бедняга ходил и ходил по тротуару, заглядывая под шляпку каждой даме. Ненавижу этих кокоток в мужском платье! Этого болвана я бы с удовольствием пообчистил.

– Я уже сказал тебе, чтобы ты говорил только о деле, – перебил его Тантен.

– Да, да, теперь о главном. Так вот, оба мы прохаживались, таким образом добрых полчаса, как вдруг из-за угла выходит женщина и поворачивает прямо на этого дурня. Настоящая красавица! Я так и замер на месте, но из какой она нищеты, хозяин, не приведи Бог! Они встретились и заговорили шепотом...

– И ты ничего не слышал?

– За кого вы меня принимаете, хозяин! Красавица сказала: «Итак, решено, до завтра». А он опять спрашивает: «Правда ли?» – «Непременно, часов около двенадцати», – ответила она. Потом они расстались, и она скрылась. А он шмыгнул в свою карету, и кучер погнал лошадей. За те сто су, что вы обещали, хозяин, я, кажется, немало сделал...

Тантен вытащил из кармана пятифранковую монету и ткнул ее в руку оборванцу.

– На получи, только смотри у меня! Повторяю, ты плохо кончишь, а пока – прощай.

Через несколько минут старик, и его ученик разошлись в разные стороны. Проходя по мосту, Тантен довольно потирал руки.

– А дельце идет хоть куда, – бормотал он.

Глава 2

По улице Монторгель, недалеко от Пассажа, помещалась квартира того самого Маскаро, влиятельного друга дядюшки Тантена.

Маскаро содержал контору для рекомендаций и трудоустройства прислуги, а также других комиссионных дел.

Две громадные доски, прибитые к дверям этой конторы, содержали объявления о наличии мест для прислуги за текущий день. Благодаря этим объявлениям Маскаро имел громкую известность во всем Париже. Но у Маскаро были еще и другие занятия, снискавшие ему уважение общества.

Именно он первый составил проект «Артели домашней прислуги». Он даже устроил в доме, где помещалась контора, маленькую гостиницу, где прислуга без мест могла пользоваться квартирой и пищей в кредит.

Все подобные операции Маскаро приносили кое-какую пользу обществу и немалый доход ему самому.

Перед этим домом и остановился на другой день ровно в двенадцать часов Поль Виолен. Он с несомненной пользой употребил полученные от Тантена пятьсот франков: на нем был новый костюм. Он был так красив в этом новом костюме, что некоторые женщины оборачивались ему вслед.

Поль был всецело занят мыслями о могуществе того таинственного человека, который сможет ему помочь выбраться из нищеты.

– Раздаватель мест! – шептал он, глядя на вывеску. – Вероятно, он предложит мне какую-нибудь работу франков на сто в месяц...

Но прежде чем войти и позвонить, он начал рассматривать дом так, будто стены его могли что-либо поведать о хозяине. Но дом был, как все дома. Двор был грязен, а контора и трактир помещались в заднем корпусе. Под воротами, в самой стене, располагалась устричная лавчонка.

– Ну, что же я стою, – убеждал себя Поль, – надо, наконец, решиться.

Он решительно пересек двор и поднялся по лестнице на первый этаж. На одной из дверей он увидел надпись «Контора». В эту дверь он и постучал.

– Войдите! – послышался чей-то грубый голос.

Дверь оказалась незапертой, ее придерживал тяжелый камень на блоке, и Поль толчком сапога отворил ее.

Комната, где он оказался, как две капли воды была похожа на все остальные комиссионерские конторы Парижа. Те же скамейки вдоль стен из черного дуба, в глубине – решетка, драпированная какой-то зеленой тканью – место, которое служащие называли «Совещательной комнатой». А между двумя окнами на цинковой доске виднелась надпись:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Записывающиеся платят вперед

За огромным письменным столом сидел господин, говоривший с женщиной, стоявшей перед ним.

– Господин Маскаро? – застенчиво произнес Поль.

– Что вам угодно? – произнес сидящий за столом господин. – Вы желаете записаться? У вас есть надежные рекомендации?

– Прошу извинить меня, но мне желательно поговорить с самим господином Маскаро, я пришел к нему от одного из друзей...

Лицо хмурого господина стало значительно любезнее. Он предложил Полю присесть, извинился, что господин Маскаро занят важным делом и не скоро освободится.

Поль присел на одну из скамеек и принялся изучать этого господина.

Его тон, осанка, сложение свидетельствовали об избытке здоровья. А манера держаться, короткие волосы и густо покрашенные усы – все отличало в нем бывшего военного.

Как этот господин и сам уверял всех, – он раньше служил в кавалерии, где ему и было дано солдатское прозвище «Бомаршеф», хотя его настоящая фамилия была Дюран. Правда, в то время он был еще молод, теперь же ему было уже сорок пять...

Его занятия в конторе состояли в том, чтобы заносить в книгу имена и адреса тех, кто обращался за помощью, а также выслушивать иных посетителей.

Клиентка, что стояла перед ним, судя по костюму, была чем-то средним между кухаркой и селечодницей. Из тех, кого Париж называл «лихой бабой и сплетницей».

Каждую свою фразу она скрепляла понюшкой табака.

– Однако, матушка, пора на чем-то остановиться, – бесцеремонно перебил ее Бомаршеф, – вы непременно хотите переменить место?

– Еще бы, разумеется...

– В последний раз контора нашла вам отличное место, а вы и трех дней там не пробыли, ушли без всякой причины...

– Тогда не было нужды.

– Ну, а теперь?

– Теперь другое дело. Теперь деньги кончаются.

– И все-таки вам следовало оставаться там. А, может быть, вы там набедокурили?

Дама опустила глаза и начала жаловаться на трудности жизни у хозяев, на их непомерные требования, на ехидство и зависть молодых хозяек, что запрещают кухаркам танцевать и веселиться.

Бомаршеф, покачивая головой, слушал весь этот вздор. Но что поделаешь: его дело требовало подобной дипломатии.

Наконец, клиентка замолчала и вынула хорошенькое портмоне. Достав деньги за внесение своего имени в список желающих получить место, она положила их на стол.

– Так вы уж, будьте добры, – заканчивала она, – впишите мое имечко – Каролина Шимель. Постарайтесь уж дать мне хорошенькое местечко. Но так, чтобы ничего мне больше не знать, кроме кухни. На рынок я тоже люблю ходить сама и не желаю, чтобы хозяйка ездила на мне верхом!

– Хорошо, хорошо, дадим!

– Вот, если бы вам удалось найти мне местечко к какому-нибудь вдовцу или, еще того лучше, к молоденькой дамочке при старом муже... А послезавтра я зайду за ответом.

И заправившись еще одной порцией табака, она выплыла из конторы.

Поль, будучи свидетелем этой сцены, был просто уничтожен. Куда это его порекомендовал старый Тантен? И какую работу могут ему здесь предложить?...

Он уж было начал искать благовидный предлог, чтобы убраться восвояси, но тут дверь в глубине комнаты отворилась, и в контору вошли два господина.

Один был молод и щегольски одет, судя по всему – светский человек. Несколько иностранных орденов блестело в его петлице. Второй – типичный старик-провинциал, был одет в теплый мериносовый халат на вате, в бархатной шапочке на голове, вышитой, по всем при-

знакам, его близкими. Редкая борода, аккуратно расчесанная, упиралась в снежной белизны батистовый галстук.

– Итак, мой добрый хозяин, – сказал молодой человек, – я могу надеяться, не правда ли? Не забудьте, как долго тянется это мое скверное положение...

– Я рад бы тотчас дать ответ, господин маркиз, – почтительно ответил старик в белом галстуке, – но я не единственный, кто решает... И потому необходимо посоветоваться...

– Но все же, дорогой хозяин, – заключил щеголь, – я очень рассчитываю на вас.

При виде столь светского молодого человека Поль приободрился. Это, вероятно, и есть тот самый господин Маскаро, – подумал он, и как только маркиз вышел, хотел было последовать за ним...

Но его опередил Бомаршеф.

– Угадайте, – обратился он к господину в батистовом галстуке, – кого я только что видел, месть Маскаро?

– Кого же?

– Каролину Шимель!

– А, бывшую служанку герцогини Шандос...

– Именно!

– Воистину счастливый случай! – сказал старый господин, – где она живет?

Вопрос явно смутил Бомаршефа. Он, как нарочно, не записал адреса Каролины. Господин Маскаро был очень недоволен и принялся ворчать. Даже произнес ругательство, которому мог позавидовать любой извозчик.

– Черт возьми, – кричал он, топая ногами, – оказаться таким дураком! Баба, которую я целых пять месяцев тщетно ищу по всему Парижу, является сюда сама, а вы упускаете такой случай?!

– Она придет опять, придет непременно. Она сама мне сказала. Ведь не захочет же она терять деньги даром.

– Ну, да, плевка для нее не стоят эти деньги! Придет, если ей вздумается! А если нет? Баба, которая пьет, наполовину сумасшедшая баба, разве можно рассчитывать на ее слова...

Бомаршеф кинулся к своей шляпе.

– Она только что вышла отсюда, и я сумею еще ее догнать и вернуть...

– Нет, погоди, – удержал его Маскаро, – возьми с собой для верности Тото-Шупена. Пусть бросает к черту своих устриц! Вдвоем вам легче будет изловить эту мошенницу. Не говорите ей ничего, только проследите, где она живет. Я хочу знать все, что она делает и чем занимается, час за часом. Слышите – все!

Бомаршеф вышел, а господин Маскаро продолжал ворчать.

– Иметь таких слуг! Нет, надо приучить себя все делать самому. Я из сил выбиваюсь, чтобы найти концы этого запутанного дела, а эта пьяная баба, конечно же, держит в своих руках ключ!

Полю было ясно, что его присутствие попросту не замечают. Он был сконфужен, будто невольно подслушивал чужую тайну. Кашлянул – затем, чтобы дать знать о себе.

Маскаро быстро обернулся к нему с угрожающим видом.

– Прошу извинить меня, – начал было Поль.

Работодатель тотчас же овладел собой и принял благородную, внушающую доверие осанку.

– К вашим услугам, – ответил он, вежливо раскланиваясь, – я имею удовольствие видеть господина Поля Виолена?

Молодой человек почтительно поклонился.

– В таком случае я сию минуту буду к вашим услугам.

И в тот же миг господин Маскаро исчез в боковой двери, из которой выходил вместе с маркизом.

Вскоре Поль услышал, что его зовут.

– Господин Поль, пожалуйста, сюда! От вас у меня нет и не будет тайн!

По сравнению с первой комнатой, где помещалась контора, частный кабинет Маскаро был образцом удобства и роскоши. Занавеси на окнах, судя по всему, периодически стирались, обои на стенах тоже были довольно свежими, а пол устлан ковром.

По всему было видно, что в эту свою обитель господин Маскаро приглашал только избранных клиентов.

Теперь господин Маскаро сидел у камина в великолепном кресле, опершись на стоявшее рядом бюро. Бюро явно принадлежало вполне деловому человеку, имеющему множество разнообразных забот. Карты и реестры унизывали заднюю стену, выдвижная доска была завалена квадратиками из толстого картона, носящими в коммерческом мире название марок, и громадными конвертами с четко обозначенными на них адресами.

Широким, радушным жестом Маскаро предложил Полю кресло напротив себя.

– Поговорим! – ободряющим голосом произнес он, и его мягкий взгляд был олицетворением самого человеколюбия.

Поль все более и более восторгался благородством этого господина. Как и всякую слабую натуру, его тянуло к характерам решительным и твердым.

– Вот так-то! – начал свою речь Маскаро, – положение ваших финансов сейчас не блестяще, но не беда. Главное, что вы твердо решили выйти из своего скверного положения... По крайней мере, я слышал об этом от старого забулдыги Тантена.

– Совершенно верно, милостивый государь.

– Прекрасно! Но должен вам сказать: прежде, чем заниматься будущим и строить различные планы, необходимо обстоятельно рассмотреть наше прошлое...

При этих словах лицо Поля передернуло нервная гримаса. Это заметил господин Маскаро, и очень мягко, почти по-родственному прибавил:

– Вы уж простите это маленькое принуждение к исповеди. Она необходима, потому что я отвечаю за каждую личность, которую рекомендую. Тантен утверждает, что вы превосходный молодой человек, честный и отлично образованный. Я убеждаюсь, что он не ошибся. Но прежде мне необходимы гарантии более твердые...

– Да, это справедливо, милостивый государь, – торопливо перебил его Поль. – Я готов отвечать на любые вопросы...

Тонкая улыбка промелькнула на губах белоснежного старца. Аккуратно и медленно он вытер очки и снова насадил их себе на нос.

– Я благодарен вам за это доверие, – сказал он, – но что касается того, чтобы утаить от меня что-то, это не так-то легко...

Он взял со стола несколько марок и принялся вертеть их между пальцами.

– Зовут вас Поль Виолен, не правда ли? Поль кивнул головой в знак согласия.

– Вы родились в Пуатье на улице Вьен 5 января 1843 года?

– Именно так, милостивый государь.

– Вы рождены от незаконного брака.

Последний вопрос совершенно смутил и поразил Поля.

– Да, это так, – ответил он, – но я не предполагал, что Тантен настолько сведущ о моем прошлом. Значит, стены, разделяющие нас с ним, еще тоньше, чем я предполагал.

Будь Поль хоть немного опытнее, он давно бы заметил в руках старика бланки с инициалами П и В.

– Ваша матушка, – продолжал его новый покровитель, – в последние пятнадцать лет жизни держала небольшой магазинчик скобяных товаров.

– Да, это так.

– Но что могла приносить торговля подобного рода, да еще в Пуатье? Разумеется, очень мало. К счастью, у нее была, кроме этой торговли, еще тысяча франков ежегодного пенсионера, с помощью которого она жила и воспитывала вас.

На этот раз Поль вскочил со своего места.

– Милостивый государь, – бормотал он, вконец оглушенный, – кто мог вам открыть тайну, которую я никому не доверял с тех пор, как нахожусь в Париже? Это обстоятельство моей жизни не было известно даже Розе!

Маскаро добродушно пожал плечами.

– Вы должны понимать, что человек в моем положении обязан знать многое, что другим обыкновенным лицам кажется недоступным... Помилуйте, да без этих сведений меня бы постоянно обманывали.

Больше часа находился Поль в конторе Маскаро. Все же он не мог никак постичь, к какому разряду принадлежит это любопытное заведение.

Он вспомнил приказание, которое, сломя голову, пустился исполнять Бомаршеф. Нет, он решительно ничего не понимал...

– Но, если я и любопытен, – продолжал почтенный старик, – то смею вас уверить, что и скромн, поэтому не бойтесь говорить мне самую горькую правду. Скажите, каким образом ваша матушка получила эту ренту?

– Каждые три месяца по переводному векселю от одного парижского нотариуса.

– Гм, а известно ли вам лицо, которое выдавало эту сумму?

– Нет, я его не знаю.

Поля уже не на шутку начинали тревожить все эти объяснения. Тысячи странных ощущений и мыслей роились в его голове, а вопросы из уст Маскаро продолжали сыпаться – вежливо и даже несколько беспечно. В нем чувствовался человек, которому вменено в обязанность испытывать совесть другого.

Немного помолчав, господин Маскаро продолжил разговор.

– Мне кажется, что сумму эту выделял не кто иной, как ваш отец.

– Нет, нет, этого быть не может!

– Но почему вы так думаете?

– Моя мать клялась мне в этом на смертном одре. Смею вас уверить, она была святая женщина. Я слишком любил и уважал ее, чтобы часто говорить с ней о подобных вещах. Но как-то мной овладело это скверное любопытство, и я начал выспрашивать, кто же был наш тайный благодетель? Но слезы ее убедили меня в том, что я причинил ей боль... По рассказам моей матери, отец мой умер раньше, чем я родился.

Господин Маскаро, казалось, даже не замечал сильного волнения своего собеседника.

– Стало быть, после смерти вашей матушки вам прекратили выплачивать ренту?

– Нет, она прекратилась еще раньше. С того дня, как наступило мое совершеннолетие. Этот день до сих пор живет в моей памяти. Вечером, в самый день моего рождения, мать приготовила кое-что к столу, она всегда пыталась как-то отметить день моего появления на свет...

– ...Бедный мой Поль, – сказала она, – когда ты у меня родился, один добрый и великодушный друг обещал мне помочь воспитать тебя. Он сдержал свое обещание. Сегодня тебе минуло 20 лет, и рассчитывать далее на его помощь не следует. Отныне ты совершеннолетний и не должен брать ни от кого и ничего даром. Ну, а я теперь могу надеяться только на тебя и зависеть только от тебя. Отныне трудись сам, будь честен и помни: в твоём положении человек вынужден трудиться вдвое больше других, чтобы проложить себе честную дорогу в жизни...

Поль прервал свой рассказ, волнение овладело им так сильно, что две крупные слезы медленно скатились по его щекам.

– Год и восемь месяцев спустя, – продолжал он, – моя мать вдруг умерла, не успев даже подготовиться к смерти. Я остался совсем один в жизни, без семьи, без друзей. Если бы мне случилось умереть, некому бы даже было проводить меня до кладбища, я просто могу исчезнуть, и никто даже не вспомнит обо мне, никому нет дела до моего существования...

Физиономия господина Маскаро становилась все более серьезной.

– Мне кажется, вы несколько преувеличиваете свое одиночество. Я знаю, что у вас есть близкое существо...

Поднявшись со своего места, как бы затем, чтобы рассеять владевшее им волнение, он начал расхаживать взад и вперед. Потом остановился и быстро подошел к молодому человеку, который, казалось, полностью ушел в себя.

– Я не хочу, мой юный друг, – тихо произнес он, – продолжать далее этот разговор, который так неприятен вам.

– Но ведь этот разговор ведет к моей же пользе, милостивый государь, – дипломатически заметил Поль, – именно так я понимаю вас...

– Мне нужно было немного испытать вас, чтобы судить, насколько вы откровенны и правдивы. Зачем мне это, я бы мог и сейчас вам открыть. Но будет лучше, если вы узнаете все несколько позже. Отныне вам следует знать одно: обо всем, что касается вас, я буду осведомлен во всех подробностях.

До сих пор Поль был лишь заинтригован, но последние слова внушили ему просто ужас, и это тут же отразилось на его выразительном лице.

– Ну, что же это с вами, мой милый, – продолжал достойный господин, глядя сквозь синие очки прямо в душу своего подопечного. – Или вы начинаете меня немного побаиваться?

– По правде сказать, да, – в замешательстве ответил Поль.

– Напрасно! Я даже не могу представить себе, чего может бояться человек в вашем положении. Доверьтесь мне полностью. Я не желаю вам зла!

Слова эти были сказаны ласково и убедительно. Усевшись в кресло, старик продолжал:

– Возвратимся к нашему разговору. Благодаря вашему искреннему рассказу о характере вашей матери, я понял, что она достойная во всех отношениях женщина. Мы уже знаем, что вы получили свое образование в лицее города Пуатье наравне с другими порядочными детьми. В восемнадцать вы имели ученую степень бакалавра. После этого вы, пожалуй, целый год гонялись за каким-то неземным вдохновением. Не найдя его, вы разочаровались и поступили помощником к одному присяжному. Ваша матушка мечтала, чтобы вы когда-нибудь заняли солидную, почетную должность. Возможно, тут заключался некоторый расчет – отдать долг тому, кто платил за ваше образование...

– Мне тоже всегда так казалось.

– Но, к несчастью, гербовая бумага вам не пришлось по сердцу...

Услышав эти слова, Поль не мог удержаться от самодовольной улыбки. Эта улыбка не понравилась Маскаро, и он продолжал уже более строго.

– Да, я понимаю вас, но и повторяю – к несчастью. Судя по всему, вы жестоко заплатили за это впоследствии. Вместо того чтобы совершенствоваться в науках, чем вы занимались тогда? Музыка? Сочиняли романсики, или даже оперы, и были близки к мечте видеть себя музыкальным гением?

Поль был готов выслушать многое в разговоре с Маскаро, но прозвучавший сарказм больно задел его. Он вспыхнул, и хотел было возмутиться.

Опытный старик не дал ему даже заговорить.

– И что же вышло в итоге? – продолжал он спокойным тоном. – В одно прекрасное утро вы додумались окончательно оставить науку. В ожидании, пока общество признает вас великим композитором, объявили вашей матери, что станете давать уроки на фортепиано. Ну, взгляните

вы на себя повнимательнее и скажите беспристрастно: можно ли такого учителя, как вы, с такой внешностью, допускать давать уроки музыки молодым девушкам?

Восстанавливая детали прошлой жизни Поля, Маскаро заглянул в свои карточки.

– Остальное тоже мне известно. Ваш отъезд из Пуатье был последней и самой большой глупостью с вашей стороны. Вы бежали оттуда чуть ли ни на другой день после похорон вашей матери, распродав все, что имелось в доме за какие-нибудь три тысячи франков. И с этими деньгами храбро пустились по железной дороге в Париж.

– Но ведь я жил надеждой, милостивый государь!

– На что? Доехать до счастья и до карьеры по железной дороге? Ежегодно тысячи молодых людей являются сюда Бог весть зачем! Словно и впрямь здесь растут одни апельсины да ананасы! И знаете, чем эти потехи кончаются? Десять процентов так и не находят того, зачем они явились, половина умирает от нищеты и голода; другие, обозлившись на судьбу, идут в армию наемниками.

Поль внимательно слушал все, что ему говорили. Он не мог не признать, что все сказанное, к несчастью, горькая правда. По личному опыту он знал, какой громадный запас энергии и сил нужно иметь, чтобы ежедневно все начинать заново. Не находя ответа, он молча опустил голову.

– Хорошо еще, если бы вы явились сюда один. А то ведь вы притащили с собой другое существо, некую Розу Фигаро, простую работницу, с которой еще можно водиться в таких местах, как ваш благословенный Пуатье.

– Но позвольте, милостивый государь, я вам объясню...

– Бесплезно, милейший, результаты ведь налицо. За полгода ваших трех тысяч франков, как ни бывало! Затем настали стесненные обстоятельства, нужда, а там и чистейший голод, со всеми его ужасами в виде переселения в отель «Перу» и прочее, и прочее... Короче – вы помышляли уже о самоубийстве, и если бы не встреча с моим старикашкой Тантенем...

Тяжело было слушать Полю все эти страшные истины, его не раз подмывало вспылить. Но тогда уж, конечно, пришлось бы навеки отказаться от протекции господина Маскаро, в могуществе которого он все более и более убеждался. Поэтому он постарался сдержать себя.

– Ну, что же делать, – с горьким смирением отвечал он, – я был дураком, однако нужда научила меня быть умнее. Уже то, что я нахожусь сейчас здесь, показывает, насколько я отрезвился от своих прежних фантазий.

– Откажитесь еще от одной – от обладания девицей Фигаро.

Молодой человек даже побледнел от негодования.

– Я люблю Розу, милостивый государь, – сухо заметил он, – мне кажется, я уже имел честь довести это до вашего сведения. До сих пор она доверялась моей чести и разделяла мое незавидное положение. Я глубоко верю в ее привязанность ко мне. Рано или поздно она будет моей женой.

Маскаро понял, что дальнейшие разговоры на эту тему будут бесполезны, и потому заговорил о другом.

– Вот к чему ведет ваше идеальное воспитание, – сказал он. – Вы должны иметь какое-нибудь дело и получить его безотлагательно. Вы мне понравились. Не было еще случая, чтобы мои друзья не находили себе достойного места в жизни. Скажите, а что если бы я вам предложил место хотя бы на двенадцать тысяч франков в год?

Такого рода цифра показалась Полю даже устрашающей. Он был еще под влиянием только что испытанного унижения и невольно подумал, что господин Маскаро просто потешается над ним.

– С вашей стороны не очень великодушно, милостивый государь, так третировать мою неопытность! – с упреком сказал он.

Маскаро стоило добрых четверть часа, чтобы убедить своего ученика в серьезности своих слов. Возможно, его красноречие и пропало бы даром, если бы он не догадался материализовать его. Он отправился к своему бюро, достал из него банковский билет и небрежно протянул Полю.

Бедняга, как ужаленный, вначале оттолкнул билет, но ему ли было устоять против столь сильной аргументации? Как ни велики были его трепет и ужас, однако он поинтересовался, что же ему следует исполнять за столь громадное вознаграждение и хватит ли у него на это сил.

– Э, пусти! Разве предложил бы я вам то, чего вы не в состоянии выполнить, – весьма разумно заметил достойный основатель конторы по найму. – И потому не стоит волноваться. Если бы я не спешил сейчас по другому, более важному делу, я бы сегодня же объяснил вам, в чем будут заключаться ваши обязанности. Поэтому я прошу вас подождать до завтра. Завтра будьте снова здесь между двенадцатью и часом пополудни.

Взволнованный, Поль поднялся со своего места.

– Еще одно слово, – удержал его почтенный господин, – вам нельзя больше оставаться в вашем отеле «Перу». Ищите себе немедленно комнату в здешнем квартале, и, как только найдете, сейчас же сообщите мне адрес. А теперь – до свидания. Сумейте быть твердым и в случае необходимости переносить удары судьбы.

Минуты две Маскаро простоял у своего бюро, прислушиваясь к удаляющимся шагам Поля. Потом он подошел к стеклянной двери, ведущей во внутренние комнаты и, отворив ее, крикнул:

– Ортебиз! Ты можешь войти!

В тот же миг вошел человек, который бросился в кресло, стоявшее перед камином.

– Бр-р-р! – произнес он, – ноги у меня до того заоченели, что можно было бы их отрезать и я бы не почувствовал! Твоя комната – настоящий погреб, мой дружище. В другой раз изволь распорядиться, чтобы в ней был разведен огонь.

Но Маскаро был всецело занят своими мыслями.

– Ты все слышал? – спросил он.

– Разумеется! Все видел и слышал.

– Ну, и какого же ты мнения об этом болване?

– А такого, что вы с Тантенем ловкие люди! Этот молодчик под вашим руководством далеко пойдет!

Глава 3

Доктор Ортебиз, свой человек при агентстве, был весьма близок к Маскаро и относился к нему с дружеской фамильярностью, называя его запросто уменьшительным именем «Батистен», несмотря на то, что этому Батистену давно уже стукнуло шестьдесят лет. Сам же Ортебиз утверждал, что ему сорок пять, впрочем, не без оснований. На вид ему нельзя было дать и этих лет: он был крепок, здоров, сохранил все волосы, даже без малейшей проседи, Живой юношеский взгляд.

Человек с прекрасными светскими манерами, всегда веселый, остроумный, он скрывал под своей иронией изрядный цинизм, но это в нем больше всего и нравилось. Он был вечно окружен обществом, его всюду приглашали, всюду принимали.

В душе он был большой эпикуреец, но скрывал это. Для окружающих он был просто врачом и ученым.

Очевидно, было и то, что, никогда, не будучи тружеником, он всегда умел срывать для себя всевозможные цветы удовольствий.

Так, например, несколько лет назад он некоторое время был совсем без практики. И тогда, недолго раздумывая, изменил свою специальность и объявил себя гомеопатом. И даже стал издавать журнал, хотя журнал этот скончался ровно на пятом номере своего существования, вызвав только смех в образованном мире. Впрочем, он и тут не растерялся, начав смеяться злее и беспощаднее, чем другие, обнаруживая в себе задатки философа.

Короче, доктор Ортебиз ни к чему не относился всерьез и с уважением.

Но в эту минуту Маскаро, отлично знавший эту его манеру обращения, все-таки был несколько обижен его легкомысленным тоном.

– Если я тебе писал и просил прийти сегодня утром затем, чтобы ты, спрятавшись в моей комнате...

– Там окончательно замёрз! – подхватил, как ни в чем не бывало, доктор.

– Мы затеваем сейчас громадное дело, Ортебиз, громадное... В случае неудачи его последствия могут быть для нас весьма опасны... Ты должен принять участие в этой игре...

– Ну, что ж, я, разумеется, всегда и везде с тобой... Зажмуришь глаза, иду на все, ты хорошо знаешь... Раз ты берешься, значит, дело верное. Ты ведь не такой человек, чтобы проигрывать...

– Ты прав. И все-таки в этом деле есть шансы на проигрыш...

Доктор перебил своего приятеля, молча указав ему на маленький золотой медальон, висевший у него на часовой цепочке. Этот жест, видимо, не понравился Маскаро.

– Что ты мне все тычешь в глаза свою побрякушку, – гневно бросил он, – разве я без тебя не знаю, что всегда могу отравиться тем, что ты в нем таскаешь? Нечего сказать – хороша предосторожность! Я думаю, лучше было бы с твоей стороны вместо этой глупости дать мне какой-нибудь дельный совет!

В ответ на это доктор с улыбкой развалился в кресле, подобно какому-нибудь средневековому барону, приготовившемуся держать речь перед своими вассалами.

– Ну, что ж, если тебе так вдруг захотелось мудрых советов, то было бы лучше вместо меня пригласить нашего общего друга Катена. В таких делах он больше меня смыслит, как адвокат и стряпчий.

Имя Катена настолько возмутило Маскаро, что он в бешенстве сорвал с себя свою греческую шапочку и забросил ее куда-то в угол за бюро.

– И ты, Ортебиз, всерьез позволяешь себе говорить мне подобные вещи?

– А почему бы и нет?

Достойный директор конторы даже сорвал с носа очки. Он хотел поближе рассмотреть своего друга – до того невероятным показалось ему сделанное предложение.

– Ну, и что же тут удивительного? – вел свое доктор, – месяца два, как он перестал бывать даже у Мартена-Ригала...

– Ах, перестань! Твои шутки более, чем странны... Вспомни, как поступил с нами этот человек, которому мы помогли сделать карьеру. Теперь он богач, хотя и тщательно скрывает это!

– Ты думаешь?

– Если бы он сейчас был передо мной, я бы ему, как дважды два, доказал, что у него, по крайней мере, миллион!

Глаза доктора-весельчака вспыхнули.

– Неужели миллион? – спросил он.

– Да, если не больше! Он не то, что мы с тобой, Ортебиз. Мы все еще настолько глупы, что золото течет у нас между пальцами, как песок. Мы не отказывали себе в удовольствиях и капризах, а он все копил и копил!

– Ну, что ж, если он создан без желудка, без темперамента и без страстей...

– Это он-то?! Да он развратничает больше нас с тобой, вместе взятых, да-да! Пока, например, мы с тобой кутили, он за это время брал в свою пользу больше двадцати на сто! Сосчитай, сколько ему перепадет таким образом за год...

– За год? Ты меня утомляешь. Знаешь, я плохой математик. Полагаю, тысяч до сорока наберется...

– Ну, а теперь умножь эту сумму на двадцать лет, в течение которых он пребывал с нами в компании.

Но арифметика всегда была камнем преткновения для доктора; впрочем, чтобы доставить удовольствие другу, он попытался сложить...

– Сорок и сорок, – начал он рассчитывать с помощью пальцев, – это восемьдесят, затем еще сорок...

– В целом составит восемьсот тысяч франков, – подсказал ему Маскаро, – теперь клади на мою долю столько же – и выйдет, что мы миллион шестьсот тысяч франков пропустили мимо своего носа!

– Ужасно!

– Еще бы не ужасно! Теперь ты видишь, что Катен не может не быть богатым. Вот почему я его начал избегать: у нас отныне разные интересы. Он, пожалуй, не прочь по-прежнему получать свою долю, но рисковать он уже больше не желает. Вот уже два года, как он не предоставил нам ни одного дела. С тех пор, как он нажил деньги, ему везде чудятся опасности, и все его советы, как отрыжка сытых обедов.

– Но изменить нам он все-таки, надеюсь, не способен. Маскаро не ответил, продолжая размышлять.

– Да, пожалуй, ты прав, – ответил он, помолчав, – есть вещи, в силу которых он должен нас бояться. Он знает, что если один из нас сорвется, сорвутся и остальные двое. В этом наша гарантия, что он не предаст. Знаешь ли, какую штуку загнул он мне, когда мы в последний раз виделись? Он сказал, что пора нам закрыть свою лавочку и заняться чем-нибудь другим! Будто для нас, как и для него, успевшего набить карманы, могут существовать какие-то другие занятия! Для нас, для нищих! Ну, назови, Ортебиз, сумму своего капитала!

Достойный врач со смехом вытащил из кармана свое портмоне и начал считать...

– Триста двадцать семь франков, – весело произнес он, – а у тебя?

Но Маскаро не счел нужным прибегать к тому же способу доказательств, он ответил с кислой миной:

– Ну, я немногим дальше тебя уехал...

При этом тяжело вздохнул и как бы в наставление себе прибавил:

– А у меня, брат, есть еще так называемые «священные обязанности», от которых ты вполне свободен.

Доктор обернулся к своему приятелю, лицо его, чуть ли не впервые в жизни, омрачилось тенью заботы.

– Ах, черт возьми, – произнес он огорченно, – а я ведь думал, что ты миллионер и хотел даже у тебя занять несколько тысяч, в которых весьма нуждаюсь...

Волнение ученого врача весьма позабавило Маскаро.

– Успокойся, – насмешливо сказал он, – я могу их дать тебе... Всегда необходимо иметь в кассе семь или восемь тысяч.

Доктор вздохнул свободнее.

– Но это все, что мы имеем, весь наличный капитал нашей ассоциации, плод стольких усилий, трудов и многолетнего риска...

– Да, и нам уже не по двадцать лет...

В знак согласия Маскаро снова надел очки.

– Стареем, стареем, дружище, – продолжал он в том же печальном тоне. – Нам нужно дельце позначительнее. Не этими же крохами мы обеспечим себе будущее! Ведь сколько приносят нам наши занятия – четыре, пять тысяч в месяц! Содержание агентов слишком разорительно. А попробуй я заболеть завтра – вот все и стало...

– А ведь это справедливо! – согласился врач, холодея при мысли о подобном обороте дел.

– Стало быть, следует, во что бы то ни стало, сорвать сразу большой куш... Я уже не один год обдумываю, готовлю все нужные нити и пружины. Теперь ты понял, почему не с Катеном, а с тобой я хочу говорить об этом деле? Понял, зачем я битых два часа разъяснял тебе наше незавидное положение? У меня возникло два проекта...

– О, хотя бы один удалось привести в исполнение, и то бы неплохо!

– Разумеется. Вопрос лишь в том, хватит ли у нас наличного капитала, чтобы начать столь сложное и опасное дело? Подумай, прежде чем отвечать...

Тонкий аналитик в делах фривольного содержания, доктор Ортебиз был поставлен последним вопросом в весьма затруднительное положение. Он понимал, что смехом тут не отделаться и необходимо дать исчерпывающий ответ. Тем более, что их незавидное положение толкало к решительным мерам.

Именно на это более всего и рассчитывал Маскаро, ставя свои вопросы.

Закинув ногу за ногу, размышляя над двумя перспективами – средством в золотом медальоне и развеселой жизнью, – доктор Ортебиз всерьез задумался.

Облокотясь на спинку кресла, он, подобно полководцу, начал обдумывать план будущего сражения и подсчитывать собственные силы. Размышления эти, судя по всему, не привели его к отрадным выводам. И потому Маскаро, зорко следивший за ним, под конец и сам начал улыбаться.

– Надо полагать, что мы одолеем! – после долгого молчания резюмировал доктор Ортебиз. – Однако, надо сознаться: у твоих проектов есть весьма опасные стороны. Мало-мальски неверный шаг может затащить нас в преисподнюю. Это одна сторона медали. Другая же – если мы будем ждать только верных, безопасных дел, то, пожалуй, подохнем с голоду. В этом деле из ста – двадцать против нас. Но зато восемьдесят, бесспорно, за нас! На таких условиях можно начинать дело, в особенности, когда за спиной ничего, кроме нужды, нет. Нужно начинать, мой друг! Начинать и начинать!

Приподнявшись, он подал руку своему приятелю и прибавил:

– Я весь твой и пойду за тобой, куда угодно!

Это решение ободрило Маскаро, ведь сомнения все-таки закрадывались в его душу. Но если рядом человек, готовый разделить с вами все опасности, это не только большое подспорье, но и сила, которая помогает действовать с утроенной энергией.

– Все ли ты проверил и взвесил? – осведомился он еще раз, – из двух моих предприятий ты знаешь одно – маркиз Крузеноа...

– Да, знаю.

– Что же касается другого, в котором фигурирует герцог Шандос, там еще нужны многие необходимые условия для успеха. Так, например, в жизни герцога и герцогини есть обстоятельство, скрывающее одну крупную тайну. Мне кажется, я угадал эту тайну. Все подозрения, мне кажется, неопровержимы, но для ведения нашего дела мало одних подозрений. Нужна полная и незыблемая уверенность, а также улики.

– Ну, уж это твоё дело, я же со своей стороны согласен на все.

Чтобы избавиться от скучных тем, доктор уже был готов дать согласие на все, но он жестоко ошибся: Маскаро только начал приступить к сути дела.

– Итак, возвратимся к этому юноше, который должен служить орудием в нашем деле. Поговорим о Поле Виолене, которого я принимал сегодня здесь...

Ортебиз встал, побродил по комнате и сел напротив своего друга. Помолчав, он произнес:

– Я думаю, этот мальчик имеет все то, что нам нужно, подобный экземпляр нужно ценить. Он дитя свободного брака и, притом, из числа тех ублюдков, которые всегда воображают себя не иначе, как сыновьями королей. Имя отца ему не известно, а это дает ему пищу для множества предположений. Он одинок, а значит, открыт нашему влиянию. К тому же, он беден, правда, чуть глуповат, но зато обладает некоторым блеском и красноречием в разговоре. Главное же его достоинство – он очень хорош собой. Одно только...

– Значит, все-таки существует «только»...

– И даже не одно, а целых три. Прежде всего – эта девушка, красота которой пленила нашего достойного Тантена. По-моему, она представляет для нас серьезную опасность в будущем...

В ответ Маскаро только махнул рукой.

– Будь покоен, от этой девицы мы скоро избавим Поля! Эту опасность ты несколько преувеличиваешь. Ты думаешь, что он любит эту девчонку, а я уверен, что он завтра же ее забудет, если только чем-нибудь занять его непомерное самолюбие.

– Согласен. Однако, эта девица, возненавидевшая своего Аполлона, тоже ведь жестоко заблуждается, она просто подавлена нуждой. Дайте ей месяц-другой вздохнуть свободно, дайте пожить комфортно и роскошно, и вы увидите, что она снова побежит за ним! И вам еще придется спасать его от ее преследований и сумасбродства! Знаешь ли ты, на какие выходки способны женщины ее сорта? Они ни перед чем не останавливаются и не гнушаются базарными скандалами.

– Ну, так пусть Бог хранит ее от таких поступков, – произнес угрожающим тоном добродетельный Маскаро.

– Ну, что ты болтаешь? Ну, что мы можем сделать? Ведь ты же не зажмешь ей рот! А Поля она знает с самого детства, знала его мать, жила и росла с ними чуть ли не на самой улице. Поверь моему опыту в делах подобного рода и постарайся как-нибудь понадежнее оградить его...

– Хорошо, я приму нужные меры.

– Мое второе «только», – продолжал доктор, – объясняется существованием этого таинственного благодетеля, о котором говорил тебе этот мальчишка. Заметь! Отец его умер, в этом перед смертью клялась его мать. Следовательно, какие мотивы действий того господина, который помогал мадам Виолен? Тут что-то не так...

– Да, ты прав, тысячу раз прав. Но я не дремлю, мой друг, я постоянно ищу и пытаюсь открыть тайну...

– Но в любом случае, – заключил доктор, – нужно, как можно быстрее, не позднее завтрашнего дня, пустить в дело этого молодца. Разумеется, не следует открывать ему всего сразу. Он должен войти в свою роль как можно быстрее и не иметь времени ни одуматься, ни рассуждать... Если же он вдруг окажется столь принципиален, что на все твои блестящие предложения ответит категорическим «Нет», вот тогда следует...

Маскаро вскочил со своего кресла.

– Ну, что ты несешь! – крикнул он. – Есть ли в этом хоть капля здравого смысла?

– А почему бы и нет?

– А потому, что Тантен выбирал его из тысячи! И одного из тысячи привел сюда, к нам! Он его изучал дольше тебя. Да этот мальчик слабее любой женщины, непостоянен и изменчив, как сочинитель бездарных романов! Самолюбие его съедает, нищеты он стыдится. И чтобы такая вот глина в моих руках не приняла той формы, какую я пожелаю? Да после этого я просто жить не захочу! Я вылеплю из него все, слышишь, все, что мне нужно!

Ортебиз больше не желал спорить.

– Ну, а уверен ли ты, что эта Флавия не станет противиться твоему выбору?

– На этот вопрос позволь мне не отвечать, – сухо сказал Маскаро. Потом он насторожился, как бы прислушиваясь к чему-то.

– Кто-то стучится! – с беспокойством произнес он.

Стук повторился. Ученый врач уже хотел было скрыться, но Маскаро его удержал.

– Останься! Это Бомаршеф, – проговорил он, успокаиваясь.

Действительно, через несколько минут в комнату вошел бывший кавалерист (он любил, чтобы его называли так).

Почтительно поклонившись сначала доктору как гостю, затем уже своему патрону, он остановился в дверях, держа руки по швам.

– Что скажешь, Бомар? – весело обратился к нему доктор, – по-прежнему выпиваешь помаленьку? А?...

– Очень мало, господин доктор, – отвечал кавалерист, скромно опустив глаза, – даже совсем почти ничего...

– Ну, видно, еще достаточно! Меня, как врача, брат, обмануть трудно! Взгляни на свой цвет лица, нос и подпухшие веки... Сразу видно, что того...

– Это потому, что я бежал быстро, господин доктор.

– Ну ладно, ладно, – прервал их беседу Маскаро, – скажите лучше, Бомар, удалось ли вам выполнить задание?

– В наших руках, начальник! – отвечал тот с торжествующей улыбкой.

– Кто в наших руках? – спросил его доктор.

Маскаро незаметно приложил палец к губам, давая понять товарищу, чтобы он прекратил пока что свои вопросы, и самым беспечным тоном ответил:

– Каролина Шимель, старая служанка Шандосов, принесла мне кое-какие сведения. Продолжайте же, Бомар, и скажите, как вам удалось ее поймать?

– Благодаря одной мысли, патрон, которая мне пришла в голову...

– Ну, вот еще! Если ты начнешь добавлять к моим поручениям свои мысли...

Агент поспешил исправить свою ошибку.

– Итак, дело шло следующим образом, начальник... Когда мы с Тото-Шупеном вышли из дому, то я подумал: быть не может, чтобы эта губка прошла целый бульвар, не заглянув ни в один погребок.

– Дельная мысль! – произнес доктор.

– Таким образом, мы заглянули во все погребки, мимо которых нам пришлось идти. В конце улицы Пети-Каро нам, наконец, удалось заприметить нашу даму в табачной лавочке, которая, впрочем, торгует и ликерами...

Маскаро с удовольствием потер руки.

– Это шаг вперед! – произнес он. – Бомар, я вами сегодня доволен.

Эти слова очень приятно подействовали на отставного кавалериста, он меланхолически потер себе лоб, но с места не тронулся.

– Я еще не все доложил вам, патрон, – начал он, переминаясь с ноги на ногу.

– А именно?

– Я встретил еще Ванделя, который возвращался с площади Пети-Пон...

– А! Ну, что же ему удалось там увидеть?

– Прелестную молодую особу, которую мчала пара превосходных лошадей в великолепной карете! Разумеется, он проследил за ней до конца ее путешествия. В эту минуту она находится на улице Дуэ в квартире, которую можно представить разве что во сне... И, должно быть, патрон, она удивительно хороша собой, эта молодая особа, потому что Вандель, когда мне про нее рассказывал, был как шальной. Говорит, что у нее такие глаза, что могут заставить человека спрыгнуть с Нотр-Дам!

При этих словах глаза доктора стали масляными, как у кота.

– Значит, все это правда? – спросил он, – то, что наболтал дедушка Тантен?

– Может, и правда, – отвечал Маскаро, нахмурившись, – и это отчасти подтверждает твои опасения относительно вреда, который нам может принести эта красавица... Да, такая прекрасная женщина всегда может стать довольно опасной. Ее всякий заметит. Войдя во вкус, она всегда разбудит дурака, который хвостом увяжется за ней... Все это весьма и весьма настораживает...

Бомаршеф осмелился коснуться руки своего патрона. Он был в ударе, его голову посетила еще одна плодотворная мысль.

– Если все дело в том, чтобы избавиться от этого субъекта, – заметил он тихо, – то это не представляет труда.

– И каким же образом?

Вместо ответа бывший кавалерист стал во фрунт, шагнул вперед и произнес командирским тоном:

– Раз, два!.. На линию! Раз, два, заряжай, прицеливайся и пали!

– Ну, этот способ мне не по вкусу! Я не люблю кровавых сцен – они могут компрометировать. Да и от девчонки все равно не отделаешься. Избавимся от одного – у нее может появиться другой.

Он принялся размышлять, после чего, взглянув на доктора, многозначительно продолжал:

– Нет ли у вас, почтенный доктор, какой-либо эпидемии в запасе?... Оспы там, что ли? Лишь бы нам как-нибудь обуздать эту красотку. Судя по всему, она нас погубит.

Теперь уже задумался доктор.

– При современном состоянии науки можно выдумать какую угодно эпидемию. Только какая будет от этого польза? Обезображенная Роза уже не отстанет от Поля. Сумасшествие женщин растет соразмерно их безобразию.

– Ну, пока она еще станет оправляться да собираться с силами, мы можем уже далеко уйти. Главное – отражать все опасности, которые налицо. Итак, Бомар, следуй тем инструкциям, которые я тебе дал относительно этого Гандею. Да, каковы его денежные средства?

– Он по уши в долгах, но кредиторы его щадят, учитывая громадное наследство, которое он должен получить. К тому же, Клиши ведь уже не существует...

Маскаро нетерпеливо пожал плечами.

– Ты просто болван, Бомар, – заявил он. – Этот Ганделю, запутавшийся в долгах и влюбленный в такую девушку, как Роза, клюнет на любой крючок, пойдет на любую сделку... Быть не может, чтобы в числе его кредиторов не было кого-нибудь из наших. Узнай это и сегодня же вечером принеси ответ. А пока оставь нас одних.

Оставшись вдвоем, приятели долго молчали, погруженные в свои мысли. Пока что еще в их воле было начинать или не начинать эту авантюру. Но они знали, что потом возвращаться назад будет уже поздно...

Впрочем, оба они были энергичными людьми и, не обманываясь ни в чем, смело глядели в лицо предстоящей опасности.

Обычная улыбочка доктора на время исчезла с его лица, и он задумчиво вертел рукой свой золотой медальон.

Маскаро первым преодолел волнение, которое они оба испытывали.

– Ну, довольно сомнений! Все, что можно было обдумать и просчитать, обдумано и просчитано. Теперь только следует зажмурить глаза и – вперед! Ты знаешь, что маркиз Круазеноа идет с нами в долю, однако, не без некоторых условий. Ему необходимо стать мужем девицы Мюсидан.

– А разве этот брак еще не заключен?

– Кому же было заключать его? Вспомни: через два часа рушится договор, существовавший между Сабиной и бароном Брюле-Фаверлеем. И граф и графиня пляшут под нашу дудку... Не так ли?

Доктор тяжело вздохнул.

– Верно, – пробормотал он, – и все-таки я завидую этому Катену, – о, если бы у меня, как у него, был миллион!

В то время, как звучала эта тирада, Маскаро ушел в свою спальню и вновь возвратился в кабинет, поменяв свой домашний костюм на выездной. Потом он обратился к доктору с коротким вопросом:

– Ну, а ты готов?

– Поневоле будешь готов, если другого выхода нет!

– Тогда – в путь!

И, заперев на ключ свой кабинет, Маскаро крикнул:

– Бомар, карету!

Глава 4

Если существует в Париже квартал, достаточно привилегированный, то уж, конечно, это тот, что начинается от площади Конкорд и оканчивается предместьем Императрицы.

В этом благословенном уголке столицы проживают только миллионеры, утопая в роскоши, как сказочные цари.

Величественные здания с их огромными садами, бесконечные цветники с газонами, клумбы, вечнозеленые столетние деревья...

Но среди всех домов этого земного рая один выделялся наиболее ярко – массивный, роскошный дворец графов Мюсиданов, последнее произведение знаменитого Севера, умершего так рано, что современное общество не успело по достоинству оценить его бессмертный талант.

Все вокруг дышало строгостью и этикетом. Проходя мимо решетки дома, вы могли заметить во дворе прислугу в ливреях, с гербами древнего рода графов Мюсиданов.

В нескольких шагах от этого знаменитого жилища, на углу улицы Матиньон, Маскаро и его приятель приказали своему кучеру остановиться.

Маскаро держался очень торжественно. Одетый с ног до головы во все черное, которое подчеркивал галстук ослепительной белизны, он был похож на важную административную особу.

Доктора, наоборот, как ни старался он казаться спокойным, выдавала сильная бледность лица. Он пытался привычно улыбаться, но улыбка выходила какой-то жалкой.

– Итак, распределим наши роли, – тихо сказал Маскаро, – ты, который на правах друга принят на половине у графини...

– Ну, положим, до дружбы еще далеко. Я простой врач, предки которого не участвовали в крестовых походах. А без этого условия, сам знаешь, всякий человек для Мюсидана – не человек.

– И все-таки, графиня, надо полагать, не закричит при твоём появлении во все горло: «Караул, грабят!». А если ты к тому же сумеешь повести атаку, как следует, то можешь даже сохранить свою репутацию в ее глазах. Я – другое дело... Мне предстоит взять на себя разговор с графом...

– Гм, гм... – промычал доктор, – но этот почтенный граф иногда бывает лютым зверем, смотри, чтобы он тебя сразу же не выкинул из окна.

Маскаро презрительно улыбнулся.

– Ну, нет, я запасаюсь кое-чем, что может его легко обуздать.

– И все-таки, будь осторожнее...

Разговаривая, друзья приближались к дворцу Мюсиданов, и доктор принялся описывать своему другу внутреннее расположение комнат.

– Мне достанется муж, тебе – жена, – напомнил напоследок Маскаро, – я буду настаивать на том, чтобы граф отказал барону Брюле-Фаверлею, однако ни слова не произнесу в пользу маркиза Круазеноа. Ты же – напротив – настаивай на кандидатуре Круазеноа, не упоминая вовсе о Брюле-Фаверлее.

– Будь спокоен, что касается меня, я уже знаю, что следует говорить.

– О, не сомневаюсь! Но заметь, в чем заключается прелесть нашего плана: муж будет терзаться мыслью, как подготовить к отказу жену; жена, в свою очередь, станет думать, как известить о своем намерении мужа! А после наших визитов, встретившись, оба будут рады, что дело решено к их взаимному удовольствию!

Такой оборот дела показался доктору настолько комичным, что он расхохотался.

– И, заметь, на каждого из них мы будем воздействовать различными способами! Выходит, они никогда ни о чем не догадаются! – заметил он, продолжая смеяться, – действительно, мой друг, ты большой оригинал!

– Ладно, ладно! Обмениваться комплиментами будем после.

Недалеко от дворца, на самом углу улицы Сент-Оноре, располагалась небольшая кофейня.

– Ты войдешь туда, – обратился Маскаро к доктору, – пока я буду занят своим делом. На обратном пути я подам тебе сигнал готовности. Затем первым направлюсь к графу. Только четверть часа спустя, не раньше, ты нанесешь визит графине...

Четыре часа пробило, и приятели расстались. Доктор Ортебиз вошел в кофейню, а Маскаро продолжал путь вдоль улицы Сент-Оноре. Миновав улицу Колизея, он остановился возле одной винной лавки и вошел в нее. Заведение это называли попросту – «Дядя Конон».

Вино, которое продавал хозяин этого заведения, никуда не годилось. Он имел скверную привычку разбавлять его водой. Однако для избранных посетителей – лакеев и кучеров соседних больших конюшен, он держал какой-то одуряющий напиток.

Увидев, что в лавку к нему входит почтенный господин, Конон несколько забеспокоился.

– Вам что угодно, милостивый государь? – почтительно обратился он к Маскаро.

– Мне бы хотелось переговорить с господином Флористаном.

– Служащем при графе Мюсидане? Не так ли?

– Именно. Он мне у вас назначил свидание.

– И он вас ждет, милостивый государь! Только сейчас он внизу, в музыкальном зале. Сию минуту я за ним сбегаю.

– О, не беспокойтесь, пожалуйста, я могу туда сам спуститься.

И Маскаро поспешил к лестнице, ведущей в подвал.

– Мне кажется, я уже видел где-то этого господина, – пробормотал Конон, – и чего ему только нужно здесь, в моем доме?

Спустившись по лестнице, Маскаро очутился перед дверью и открыл ее. Клубы дыма повалили к нему навстречу. Но это нисколько не смутило нашего героя. Как ни в чем не бывало, он вошел в эту низкую, освещенную газовыми рожками кофейню, где в этот час несколько любителей сидели за столами, распивая свое крепкое пойло.

Посередине комнаты двое музыкантов, оба в одних рубашках, с засученными по локоть рукавами, красные от натуги, играли на флейтах что-то наподобие марша. Рядом стоял дряхлый старик, обутой в высокие кожаные сапоги с медными пряжками. Он был в красной байковой фуфайке и аккомпанировал флейтистам на трубе.

Когда вошел Маскаро, музыка как раз смолкла.

– Да это, кажется, сам Маскаро! – сказал молодой человек с красивыми бакенбардами, одетый в лакейский камзол, белые чулки и башмаки. – Что ж это вы так долго не шли, я вас уже заждался. – И с этими словами протянул чистый стакан.

Маскаро, не заставив повторять приглашение, уселся за стол с довольным видом.

– Так-то, – сказал молодой человек, который оказался Флористаном, – дядя Конон вам, наверное, сообщил, что я нахожусь здесь, в музыкальном зале. Черт возьми, здесь недурно, а?

– Великолепно!

– Здешняя полиция, знаете, не любит, чтобы парижская молодежь играла на трубах, так что дядя Конон решил отвести нам этот подвал.

Двое молодых людей снова взялись за свои инструменты.

– Этот старик, – продолжал объяснять Флористан Маскаро, – бывший слуга герцога Шандоса. Доложу вам, он мастер своего дела: никому не уступит в игре на трубе! Даже у меня, хоть и небольшой талант по этой части, есть явные успехи после двадцати уроков... Вот, послушайте сами...

Но Маскаро в ужасе замахал руками: мысль присутствовать при подобном испытании его не прельщала.

– Благодарю, благодарю вас! – сказал он, – когда у меня будет больше времени, я непременно послушаю вас! Но сегодня ужасно спешу и хотел бы срочно переговорить с вами о деле.

– О, к вашим услугам! Только здесь нам будет не совсем удобно, давайте поднимемся наверх и потребуем у дяди Конона особого помещения.

Если «особые помещения» у дяди Конона и не отличались особым удобством, то одно можно было сказать в их пользу: они были весьма уединенны, и в них можно было вести любую тайную беседу, твердо зная, что тебя не подслушивают.

Маскаро и Флористан, заняв один из таких кабинетов, присели к столу, где бдительный Конон уже выставил бутылку с двумя стаканами.

– Прежде всего, должен тебе сообщить, – заговорил Маскаро, обращаясь к Флористану, – я здесь вовсе не затем, чтобы обсуждать с тобой всякие сплетни. Я жду от тебя одной услуги, которую ты легко можешь мне оказать...

– Приказывайте, я готов.

– Скажи, тебе нравится жить у твоего графа?

– Чему тут нравиться... Я уже не раз говорил Бомаршефу, чтобы он подыскал мне другое место.

– Неужели? А мне что-то не верится! Служба у графа, оказывается, так легка и свободна, что твой предшественник...

– Благодарю покорно! – прервал его лакей с кислой миной, – послужили бы вы у него сами! Скуп, как крыса, подозрителен, как кошка...

Маскаро слушал все эти жалобы с рассеянным видом: было видно, что они не составляли для него открытия.

– Ну, а при мадемуазель Сабине служить не так уж и неприятно? – спросил он, желая перевести разговор в нужное русло.

– О, про нее ничего дурного сказать нельзя: добра, вежлива и не капризна.

– Так что будущий ее супруг, наверное, будет очень счастлив с нею?

– Ну, конечно же... Только брак ведь еще не состоялся! Опять же...

Флористан спохватился на минуту: в нем заговорило что-то похожее на совесть. Но остановиться и замолчать было выше его лакейских сил. Он огляделся и, наклонившись к уху Маскаро, таинственно произнес:

– Вам я могу это доверить: знаете, мадемуазель так воспитывали, что ею никто не занимался. Она выросла, как мальчик, в полной свободе, без всякого родительского контроля. Понятно, что из этого вышло...

Маскаро слушал очень внимательно.

– Неужели у мадемуазель Сабины есть любовник? – не вытерпел он.

– А как бы вы думали?

– Быть этого не может, милейший! И я не советую тебе повторять подобных нелепостей. Сказанное еще более подстегнуло Флористана к дальнейшей откровенности.

– Нелепости! – повторил он обиженным тоном. – Чего же тут нелепого, если нам все известно доподлинно! И если я говорю, что есть любовник, значит, сам его видел и, кстати, не один раз.

– В самом деле? Ну-ка, расскажи, как все было...

– Первый раз я его видел в церкви. Молодая графиня отправилась туда одна, рано утром, как бы на исповедь. Вдруг пошел дождь. Модеста, ее горничная, сказала мне, чтобы я отнес графине ее дождевой зонтик. Я пришел и вижу: стоит наша графиня у аналая и разговаривает с молодым человеком. Конечно же, я стал наблюдать...

– И ты вообразил, будто это что-то значит?

– Ну, конечно же! Посмотрели бы вы, какими глазами они глядели друг на друга, прощаясь...

– Ну, а как выглядел этот молодой человек?

– Очень красив: моего роста, отлично одетый, и лицо такое необыкновенное...

– А где ты видел его потом?

– О, это целая история: как-то велели мне провожать молодую графиню к одной приятельнице. На углу одной из улиц графиня делает мне знак приблизиться. «Возьмите это письмо, Флористан, – говорит она мне, – отнесите его на почту, а я вас здесь подожду».

– И ты, конечно, прочел это письмо?

– Я? Никогда! Я тотчас же понял, что меня хотят просто удалить, и потому решил остаться и понаблюдать. Вместо того, чтобы бежать на почту, я спрятался за дерево и стал ждать. И что же вы думаете – опять все тот же молодой человек, который был в церкви! Однако на сей раз, он был так замаскирован, что я едва узнал его: в ремесленной блузе, широких панталонах и полотняной куртке. Говорили они между собой минут десять. Графиня передала ему что-то. Кажется, свою фотографию.

Бутылка между тем опустела, и Флористан уже надеялся потребовать новую, но Маскаро движением руки его остановил.

– Нет, нет, достаточно. Я хочу знать, дома ли сейчас граф Мюсидан?

– Вторые сутки не выходит из дому.

– В таком случае мне необходима твоя помощь. Боюсь, что, увидев мою визитную карточку, он не согласится принять меня. Так что ты уж, будь добр, проводи меня к нему.

Флористан несколько минут помолчал.

– Это опасно, – заметил он, – граф не любит неожиданностей и за такую штуку может, пожалуй, выгнать меня со службы. Но, так как я сам хотел бы уйти, то почему не рискнуть? Извольте, рискну!

– Тогда поспешим. Беги скорее, через пять минут после тебя и я появлюсь, но ты никак не должен показывать, что знаком со мной.

– Уж, будьте покойны, но в благодарность найдите мне хорошее место...

Вскоре Маскаро, попрощавшись с хозяином винной лавки, направился к кофейне, чтобы подать знак доктору, что все устроено как нельзя лучше.

А еще через небольшое время Флористан объявил графу Мюсидану:

– Господин Маскаро, ваше сиятельство!

Глава 5

Нет никакого сомнения в том, что Маскаро пользовался среди своих товарищей репутацией человека смелого, всегда готового к опасным и эксцентричным предприятиям. Его тонкий и дерзкий ум обдумывал ситуации, в которых он выигрывал, подчас даже удивляясь самому себе.

Так, впоследствии, рассказывая о своем посещении дома Мюсиданов, он вспомнил, что голова его кружилась, а ноги дрожали, когда он встретился с Флористаном, и тот повел его в библиотеку, мрачную, узкую комнату, убранную в самом строгом стиле.

Даже само имя его – «Маскаро» – звучало в этих стенах, как уличная брань пьяницы в комнате молодой невинной девушки.

Когда Маскаро появился в библиотеке, граф Мюсидан приподнял голову. Отложив газету и надев пенсне, он с глубочайшим изумлением стал разглядывать неизвестно откуда взявшегося незнакомого человека, бормотавшего на ходу какие-то бессвязные извинения, которые, разумеется, ничего не поясняли.

Приподнявшись в кресле, граф произнес:

– Кто вам нужен, милостивый государь?

– Господин граф, прошу покорно извинить меня, что я, не будучи представлен, осмелился...

Резким движением головы граф оборвал дальнейшие извинения.

– А вот погодите! – произнес он, резко дергая шнурок сонетки.

Маскаро решил пока не реагировать, и стоял посередине библиотеки, пока минут через пять не явился слуга.

– Флористан, – довольно мягко произнес граф, – в первый раз за все время службы вы позволили себе впустить ко мне незнакомого человека. Если это повторится, считайте себя от службы в моем доме свободным.

– Смею заверить, ваша светлость...

– Вы, надеюсь, не сговорились?

В это время Маскаро изучал графа с внимательностью игрока, поставившего последнюю карту.

Граф Октавий Мюсидан нимало не походил на портрет, незадолго до того описанный Флористаном.

В это время ему едва минуло пятьдесят лет, но на вид он казался весьма старше. Среднего роста, сухоощавый, лысоватый, с седыми бакенбардами. Глубокие морщины, изрезавшие его сухое лицо с беспокойным выражением глаз, выдавали в нем человека, подверженного глубоким страстям, испытавшего много страданий. Общее выражение его лица было даже скорбным, как бы говоря окружающим, что этот человек уже испил до дна свою горькую чашу страданий и теперь помышляет только о покое в затянувшейся, с его точки зрения, жизни.

Он весьма походил на английских лордов, которые живут не ради жизни вообще, а ради исполняемых ими общественных обязанностей.

Флористан, разумеется, тотчас же исчез, а граф, повернувшись к вошедшему, произнес:

– Извольте объяснить, милостивый государь...

Маскаро, за свою жизнь побывавший в различных положениях, еще никогда не был столь откровенно плохо принят. Его залила волна злости.

«Посмотрим, как тебе дальше удастся сохранять свое спокойствие и важность, жалкий аристократишка», – подумал он про себя.

Сохраняя униженную позу, он пролепетал:

– Конечно, ваша светлость меня не знает, но фамилия вам моя теперь известна, а что касается моего положения в обществе, то я имею контору частных сделок и комиссионерства...

– А, так вы комиссионер, – заметил граф с оттенком скуки в голосе, – вероятно, мои кредиторы распорядились прислать вас ко мне? Но, послушайте, господин... господин...

– Маскаро. ваша светлость, – подсказал тот.

– Маскаро?... Послушайте, господин Маскаро, ведь это же глупо с их стороны; я всегда в срок плачу по своим векселям, ведь это им известно, как и то, насколько я обеспечен. И если я иногда и прибегаю к займам, то только потому, что все мое состояние – земля, доходы с которой иногда задерживаются. Если бы мне потребовался серьезный кредит, то любой торговый дом в Европе счастлив был бы оказать мне эту услугу. Передайте это тем, кто послал вас сюда!

– Прошу прощения, ваша светлость, но я вовсе...

– Какое еще там «но»?...

– Позвольте мне...

– Знаете что? Не рассчитывайте ни на что, заранее предупреждаю, все будет бесполезно! Могу вам сообщить, что в тот день, как моя дочь выйдет замуж за барона Брюле-Фаверлея, я закрываю все свои дела. Я все сказал, милостивый государь.

Это «я все сказал» было так выразительно, что равнялось тому, как если бы граф просто сказал – «убирайтесь».

Маскаро, однако, не трогался с места.

– По поводу этого брака я и нахожусь тут, – заявил он решительно.

Мюсидану показалось, что он ослушался.

– Что вы сказали? – переспросил он.

– Я сказал, что прислан к вам именно по делу о браке вашей дочери и барона Брюле-Фаверлея, – твердо повторил Маскаро.

Услышав это из уст какого-то комиссионера, граф покраснел от злости и отвращения.

– Вон! – произнес он, задыхаясь.

Такого оборота дела Маскаро не предполагал.

– Не думайте, ваша светлость, что я обеспокоил бы вас из-за пустяков. Дело в том, что этот брак грозит многими неприятными последствиями всему вашему семейству.

– А, так вы решили все-таки остаться! – вскричал граф, пытаясь дотянуться до шнура звонка.

– Не вздумайте звонить, – быстро предупредил Маскаро, – вы можете поплатиться жизнью!

Эта угроза окончательно вывела графа из себя. Схватив трость, стоявшую возле камина, он кинулся к Маскаро.

– Остановитесь, граф, вспомните о Монлуи... – произнес плут, даже не моргнув. В эту минуту он вспомнил слова Ортебиза: «Будь покоен, у меня есть средство обуздать его».

Слова эти произвели магическое действие. Граф побледнел, трость выпала у него из рук.

– Монлуи! Монлуи... – бормотал он, словно в бреду.

А Маскаро, насладившись произведенным эффектом, тихо произнес:

– Будьте уверены, ваша светлость, что только опасения за вашу семью вынудили меня прибегнуть к столь крайнему средству, вызвавшему у вас столь тяжелые воспоминания...

Мюсидан вряд ли был в состоянии расслышать эту тираду. Шатаясь, он опустился в кресло.

– Конечно, я не должен был вызывать в вас эти воспоминания о несчастном эпизоде, но прошу вас, будьте снисходительны ко мне. Я, правда, занимаюсь мелкими делами разной швали, но, поймите, я глубоко презираю их интересы и мелочные заботы...

Усилием воли граф придал своему лицу выражение спокойствия.

– Милостивый государь, – проговорил он тоном, которому тщетно старался придать оттенок равнодушия, – вы намекаете на тот несчастный случай, который приключился со мной на охоте, когда я нечаянно выстрелил в своего секретаря, но следствие пришло к выводу о полной моей невиновности, так как несчастный молодой человек сам подставился под мой выстрел.

В ответ на это Маскаро иронично улыбнулся.

– Тем, кто меня послал, граф, известны все подробности следствия. Три весьма важных лица поручились за вас, дав друг другу клятву вечно молчать об этом.

При этих словах граф задрожал.

Но Маскаро счел нужным этого не заметить и продолжал далее:

– Поверьте мне, что благородные свидетели вашего преступления не по своей воле изменили данной клятве, а само Провидение всегда справедливо...

– Ради Бога, говорите только дело, милостивый государь, одно дело!

До сих пор Маскаро стоял перед графом. Теперь же, будучи вполне уверен, что его не выгонят, он подошел ближе и непринужденно расселся в кресле.

При виде столь дерзкой выходки граф прямо-таки задохнулся от злости, но, увы, он был бессилен, и это смирение окончательно развязало язык Маскаро.

– Извольте, я буду краток, – согласился он. – Итак, у вас было два свидетеля: один из них ваш друг, барон Кленшан, другой – ваш лакей, некий Людовик Трофю, служащий в настоящее время егерем при дворе графа Камарена.

– Мне не известно, что случилось с Людовиком...

– Но, к сожалению, это хорошо известно другим, граф. Этот самый Людовик, в то время, как клялся вам молчать, не был еще женат. Спустя несколько лет он женился на молодой и красивой женщине и все рассказал ей. Все, понимаете? А у этой женщины, впоследствии разлюбившей его, были потом любовники, которым она, в свою очередь, тоже рассказала все; таким образом, в конце концов, эта истина дошла до ушей того, кто послал меня к вам...

– И на основании сплетен лакея и развратной женщины вы, милостивый государь, осмеливаетесь обвинять меня!

– Имеются факты более важные, чем слова Людовика, – ответил Маскаро.

– Неужели? Вы, пожалуй, скажете, что и барон Кленшан говорил то же самое, – уверенный в клятве последнего, произнес Мюсидан.

– Нет, – отвечал комиссионер, – он ничего не говорил по этому поводу, он сделал лучше, он описал этот случай.

– Это ложь!

Маскаро, у которого не было никаких вещественных доказательств, ничего не возразил, но продолжал:

– Барон Кленшан описал все. Делал он это для себя, но вышло иначе. Вам, конечно, известно, как методичен и аккуратен был барон даже в своей повседневной жизни?

– Известно, но что из этого следует?

– А то, что барон очень исправно, с самой юности, вел дневник, куда записывал, и очень подробно, каждый прожитый день.

Действительно, графу была хорошо известна эта привычка его друга и он теперь только стал догадываться, какая опасность нависла над ним.

– Таким образом, не доверяя рассказам Людовика, эти люди, благодаря ловкости своих агентов, на целый день получили в распоряжение дневник барона, который заключал в себе описание всего сорок второго года...

– Какая подлость, – проворчал граф.

– Стали искать и нашли на целых трех страницах...

При этих словах Мюсидан так быстро повернулся в своем кресле, что Маскаро немного оторопел и поспешно отодвинулся.

– Да, это доказательство, – вновь цепenea от ужаса, пробормотал граф.

– Прежде, чем отправить дневник на прежнее место, эти три страницы были из него вырваны.

– Но где же, где же они, эти страницы?

Маскаро принял очень серьезный вид.

– Мне их не доверили, граф, я мог настолько проникнуться вашим отчаянием и горем, что отдать их вам. У меня есть только фотографии этих страниц, которые я и предоставляю вам, чтобы вы могли судить, написаны ли они знакомой вам рукой барона...

И Маскаро подал графу снимок, сделанный очень искусно и отчетливо.

Граф пристально вглядывался в него и, наконец, взволнованным голосом заметил:

– Да, это, несомненно, рука барона Кленшана.

Меж тем ни один мускул лица досточтимого комиссионера не дрогнул и не обнаружил той бешеной радости, которую он испытывал.

– После этого, я полагаю, необходимо познакомиться, граф, с тем, что написано этой рукой, – подхватил он. – Не угодно ли вашей светлости самому пробежать эти страницы или прикажете это сделать мне?

– Читайте вы, – отвечал Мюсидан, – сам я ничего бы не увидел там!

Комиссионер придвинул свое кресло ближе к столу, где стояли свечи.

– Судя по слогу, – заметил Маскаро, готовясь к чтению, – это было написано в день происшествия, вечером. Итак, я начинаю:

«Год 1842, 26 октября. Сегодня рано утром мы отправились на охоту с графом Октавием Мюсиданом, сопровождаемые егерем Людовиком и юношей по имени Монлуи, которого Октавий готовил к себе в управляющие.

Утро обещало прекрасный день. К полудню мы уже убили трех зайцев. Октавий был очень весел и доволен.

Мы стали переходить во владения Беврона, я шел шагов за пятьдесят впереди с Людовиком, как вдруг за нами раздались голоса, зовущие нас обратно. Подходя, мы слышали спор между Октавием и Монлуи, спор до того острый, что граф даже занес руку на своего любимца, будущего управляющего.

Я уже хотел было подбежать к спорящим, как увидел, что Монлуи стремительно бежит к нам. Я крикнул ему: «Что случилось?», но вместо того, чтобы отвечать мне, несчастный обернулся к своему господину и бросил ему в лицо несколько угроз, прибавив еще одно выражение, которое для Октавия, недавно женившегося, было несправедливым и нестерпимым оскорблением.

Оскорбление это, к несчастью, было услышано Октавием.

В руках у него находилось заряженное ружье, он прицелился и выстрелил в обидчика.

Монлуи упал. Мы подбежали, но несчастный был уже мертв, пуля прошла навывлет.

Я был глубоко возмущен столь необузданной горячностью, но, видя страшное отчаяние Октавия, его полное раскаяние, не мог не сжалиться.

Он рвал на себе волосы, обнимал бездыханное тело, рыдал.

Из всех троих только один Людовик сохранял спокойствие и присутствие духа.

– Это происшествие, – заметил он нам, – нужно скрыть и представить как несчастный случай на охоте.

Затем мы договорились все вместе, каких показаний следует держаться во время следствия. Я давал показания мировому судье Бевронского округа, который нисколько не сомневался в моей искренности.

Но, Господи, зачем выдаются такие дни! Я боюсь серьезных последствий.

Пульс мой бьется до сих пор лихорадочно, я чувствую, что буду спать плохо.

Октавий – совсем как потерянный... Чем же все это кончится?»

Опустившись в кресло, граф Мюсидан выслушал все это чрезвычайно спокойно и, взглянув в глаза Маскаро, тихо сказал:

– Все это, в сущности, огромная глупость!

– Глупость, имеющая весьма важные последствия для вашей светлости. В подлинности доказательств невозможно сомневаться.

– Что вы говорите!.. А если я вам скажу, что все ваши доказательства – лишь плод чьих-то галлюцинаций и умственного расстройства?

Маскаро грустно покачал головой.

– Не будем обманываться иллюзиями, ваша светлость, – улыбаясь, сказал он, – чем больше мы будем им предаваться, тем ужаснее предстанет перед нами действительность.

Этим «мы» Маскаро хотел отождествить свою личность с личностью графа и тем самым спровоцировать какую-нибудь вспышку. Но тот ответил на эту дерзость лишь презрительной улыбкой.

– К большому несчастью для вашей светлости, барон не ограничивается тем признанием, которое вы только что выслушали. Но вот что изложил он далее... Не хотите ли послушать?

– Читайте, пожалуй!

– Через три дня, когда барон уже мог прийти в себя, он, в частности, писал:

«Год 1842. 29 октября. Здоровье мое меня беспокоит. Меня не покидает мысль о деле, связанном с Октавием Мюсиданом.

Я был вынужден тогда давать ложные показания судьям. Это крайне неприятно. Эти люди видят нас насквозь.

Я с ужасом замечая только теперь, как необдуман и легкомыслен мой поступок. Чтобы не сорваться, необходимо вызубрить свои показания назубок.

Людовик – вот кто хорошо и умно себя держит. Он весьма крепкий малый... Было бы недурно и мне обзавестись таким слугой.

Я едва смею выходить из дома, до того меня мучит мысль, что все люди будут расспрашивать меня о случившемся.

Я ужасно скучаю...»

– Ну, и как вам нравятся эти размышления, ваша светлость? – спросил Маскаро, все так же дерзко улыбаясь.

Граф промолчал.

– Оканчивайте ваши чтения, милостивый государь, – заметил он совершенно спокойно.

– О, с огромным удовольствием! Третий параграф, хотя и короткий, однако довольно важен... Вот что он пишет месяц спустя после совершившегося преступления:

«1842 год, 23 ноября. Я только что вернулся из суда. Октавий освобожден и оправдан.

А Людовик был воистину замечателен: он так ловко и правдоподобно объяснял все случившееся, что никто даже не заподозрил подлога и лжи. Нет, как бы то ни было, но я не рискну взять его к себе в услужение – он чересчур уж хитер и смел...

...Затем наступила моя очередь говорить. Я должен был поднять руку и произнести клятву, что буду говорить одну правду, однако, не мог преодолеть своего душевного волнения.

Что такое клятвопреступник – надо испытать на самом себе. Я едва мог поднять руку: она казалась мне тяжелее свинца. Возвращаясь на свое место, я задыхался – так, будто взошел на высокую гору, пульс мой едва ли делал сорок ударов в минуту. Вот до чего могут довести злоба и невоздержанность. Нет, никогда не следует уступать первому порыву страстей».

– Действительно, барон Кленшан свято исполнил эту обязанность. В течение целого года он писал об этом в своем дневнике. Мне рассказывали это люди, в руках которых находился этот дневник...

Уже в который раз Маскаро старался дать заметить графу выражение «эти люди», но тот все никак не хотел поинтересоваться, что это были за люди и какова их роль в этом деле. Это было непостижимо и отчасти беспокоило даже Маскаро.

Граф, между тем, поднявшись со своего места, принялся ходить взад и вперед по комнате. То ли он хотел обдумать свою мысль, то ли хотел показать Маскаро, насколько свободен от волновавших его воспоминаний.

– Вы закончили? – спросил он после некоторого молчания.

– Да, ваша светлость.

– Так позвольте вам заметить, на что годны ваши показания, с точки зрения справедливого суда присяжных...

– Сделайте милость, мне было бы весьма приятно услышать!

– Суд скажет вам: возможно ли, чтобы человек в здравом уме мог писать подобные вещи? Ведь подобную тайну каждый стремится как можно скорее забыть, а не доверять бумаге, которая может попасть в чужие или даже враждебные руки. Ведь записав такую вещь, если только это не сделано сумасшедшим, этот человек сознается, что виновен, как минимум, в двух преступлениях, за каждое из которых ему грозят, по крайней мере, галеры.

Достойный комиссионер не мог отказать себе в удовольствии выразить некоторого рода сожаление.

– Мне кажется, ваша светлость, что вряд ли вам стоит искать защиты с этой стороны. Ни один адвокат не взялся бы развивать подобного рода защиту. Хотя бы потому, что если эта запись – плод больного воображения, то за тридцать лет в дневниках барона должно было накопиться еще хотя бы несколько подобных нелепостей.

Мюсидан задумался. Но лицо его по-прежнему сохраняло спокойствие; казалось, что он нашел ту точку опоры, которая ему нужна, и спорит он из одного только желания поспорить.

– Хорошо, допустим, что эта система не годится...

– Последнее будет логичнее.

– И все-таки из этого еще ничего не следует. Кто меня уверит, что эти бумажки – не грубый подлог? В наше время подделывают даже банковские билеты, а уж подделать почерк, я думаю, не составит особого труда.

– Ваша светлость, видимо, забывает, что последнее обстоятельство всегда можно проверить. Дневники барона Кленшана существуют на самом деле. И в них не хватает именно этих страниц.

– Это еще не доказательство!

– Это именно доказательство, непреложное, как конторская книга. Люди, которые это делали, позаботились о том, чтобы при сверке было видно, что листы эти могут быть пригнаны один к одному.

Граф только улыбнулся.

– Так вы в самом деле вообразили, что я в ваших руках? – спросил он, продолжая иронично улыбаться.

– По совести сказать, да.

– В таком случае, извольте, я сам сознаюсь: я убил Монлуи именно так, как здесь описано. Я имел с ним ссору, причина которой Кленшану тоже известна. И, тем не менее, глупцы те, кто хотят сделать сенсацию из этого несчастного случая.

И, произнеся эти слова, он направился к одному из шкафов, достал с верхней полки том уголовного кодекса и, развернув его на нужной странице, положил его перед глазами Маскаро.

– Читайте, – с едва скрываемым торжеством произнес он.

Маскаро прочел следующее:

«Преступление, совершенное гласно или негласно, результатом которого стала смерть или какое-либо временное увечье, по прошествии десяти лет срока никем, ни в коем случае преследуемо быть не может».

Маскаро прочел эти строки и вздохнул с большим облегчением. Он было и в самом деле смутился вначале, увидев насмешку графа.

– Э, ваша светлость, – отвечал он, ничуть не удивленный тем, что ему пришлось прочесть, – неужели вы думаете, что я не знал о существовании этого закона? Ха, ха! Да после этого надо мной куры бы стали смеяться! Я знал его отлично и указал на него тем, кто меня послал.

– Ну и что?

– Смеялись, ваша светлость! Мои доверители – ловкие и смысленные люди; если бы не существовало этой статьи, им было бы достаточно явиться к вам и потребовать половину вашего состояния, которую вы с удовольствием им бы отдали. В том-то и все дело, что даже при существовании этой статьи она все-таки не защитит вас...

Мюсидан смутно, но все сильнее и сильнее сознавал, что попал в руки шайки мошенников сильных и умных, которые используют те законы, которые дала им цивилизация. Он ясно это видел, и его сердце сжималось от горя за тот поступок в юности, который столько лет спустя принес такие ужасные последствия. Но внешне он сохранял хладнокровие.

– Так вы говорите, что эта статья не может служить мне защитой?... Какими же источниками вы пользуетесь? Продолжайте, говорите...

– С большим удовольствием, извольте! По смыслу этой статьи никакому юридическому суду вы, конечно, не подлежите, никто не станет вас преследовать за преступление, совершенное двадцать три года назад... Но разве это все? Разве не существует других вещей?

– А, понимаю, вы хотите натравить на меня прессу, ну, что ж, начинайте, я даже не стану преследовать вас по суду за клевету, как мне разрешает тот же закон.

– Скажите на милость, – изумился Маскаро, – ведь и это предвидели мои клиенты! Они знали, что вы лично не обратите на такие вещи никакого внимания, и придумали другое средство, которое будет чувствительно не только для вас, но и для барона Кленшана.

– Говорите, что за средство?

– За этим я, собственно, и был к вам прислан.

Он приостановился немного, как бы соображая, как вернее и понятнее изложить перед графом свой проект, затем продолжал:

– Предположим, граф, что вы отвергли тот доклад, который я имел честь вам представить.

– Очень мило, вы называете докладом все то, что я от вас услышал!

– Дело не в названии, граф. Итак, предположим, что я проиграл. Что мне остается делать? Завтра же я отправляюсь к своим клиентам, и вся эта история попадает в газеты. Вы были правы, к прессе мы прибегнем, только не к той, что вы думаете. Мы печатаем небольшой рассказ под названием «Случай на охоте», в который войдут слышанные вами выдержки из дневника барона, с той небольшой разницей, что вместо четырех действующих лиц там будет пятеро. И на другой же день пятое лицо подаст в суд за клевету, это, безусловно, будет наш человек. Суд вынужден будет поднять дневники барона. После чего тысячи людей кинутся читать эти листки, перечитывать и обсуждать их. Я достаточно ясно выражаюсь, граф? Действительно, махинация, довольно сложная.

Граф не сказал ни слова.

Он подумал о будущем и увидел в нем позор и скандал на всю оставшуюся жизнь. Вся Франция будет судачить об этом скандале долгие годы. Он – граф Мюсидан на скамье подсудимых! И кто же может довести его до этого? Шайка висельников, которым потребовались деньги, и они прямо и открыто заявили ему об этом! Золото или бесчестие и позор, они не оставили ему другого выхода.

Если бы дело касалось его одного, то можно было бы выгнать этого презренного комиссионера, но дело касалось и его старинного друга, участием которого он не имеет права рисковать. Ведь, как человек тихий и робкий, он мог и не вынести такого удара.

Так думал бедный граф, меряя шагами свою библиотеку. Он не знал, на что решиться. Он даже готов был пережить позор и понести заслуженное наказание, наброситься на этого подлеца Маскаро и заставить его раскаться в том, что он к нему пришел. Но эта решимость графа продолжалась недолго. Он начал постепенно склоняться к благоразумию, к необходимости щадить других, замешанных в его судьбе лиц. Наконец, поборов злость, какой он еще ни разу в жизни не испытывал, он быстрыми шагами приблизился к Маскаро и, нисколько не скрывая презрительного отношения к нему, произнес:

– Довольно, окончим это! Больше я с вами не хочу говорить. Скажите, за сколько вы продаете ваши документы?

Маскаро скорчил обиженную гримасу честного человека.

– Ваша светлость предполагает во мне только бесчестные намерения, – начал было он.

Но граф прервал его, нетерпеливо пожав плечами:

– Прошу вас – назначьте сумму, какая вам нужна за это дело, – продолжал он, не меняя тона.

Впервые Маскаро несколько затруднялся ответить немедленно.

– Деньгами не возьмут ничего! – произнес он наконец после некоторого раздумья.

– Не возьмут деньгами?! – повторил граф, глубоко удивленный. – Но чего же большего они могут от меня требовать?

– О, от вас требуют вещи ничтожной, ничтожной для вас, однако весьма важной для тех, кто меня прислал: мне поручено сообщить вам, что вы можете спать спокойно и быть уверенным, что ваше дело с Монлуи навеки кануло в Лету, если только вы согласитесь отказать барону Брюле-Фаверлею в руке вашей дочери. Тогда вырванные листы тетради Кленшана будут вам представлены в день брака мадемуазель Сабины со всяким другим претендентом на ее руку, которого вам угодно будет для нее избрать.

Это оригинальное требование было до того неожиданным для графа, что он в первую минуту даже не нашелся, что на него ответить.

– Черт возьми, что это за безумие? – проворчал он. – Уж не насмешка ли это?

– Нисколько, ваше сиятельство, я говорю совершенно серьезно.

Неожиданно графа как бы осенила некая мысль свыше, от которой он даже вздрогнул.

– Возможно, вы уже имеете и даже осмелитесь предложить мне кого-нибудь в зятя?

Ловкий комиссионер отступил при этом вопросе на несколько шагов.

– Помилуйте, граф, я достаточно опытен, чтобы понимать: ничто не заставит вас вверить судьбу вашей дочери в руки вашего покорнейшего слуги.

– Естественно!

– Дело в том, что вы слишком плохо думаете о моих клиентах. Действительно, они вам угрожают. Но их целью было сделать вред не вам, а барону Брюле-Фаверлею! Они его ненавидят и поклялись не допустить его брака на той невесте, у которой окажется около миллиона приданого...

Граф был настолько удивлен, что, оставив всякую осторожность, совершенно изменил тон своего разговора с Маскаро и начал рассеянно отвечать ему, предавшись собственным размышлениям.

– Но ведь барону Брюлю я уже дал слово, – заметил он.

– Ну, можно найти какой-нибудь мелкий предлог...

– Да, но графиня Мюсидан почему-то очень хочет этой свадьбы. С ее стороны я могу встретить немало препятствий...

Комиссионер счел для себя удобным не отвечать на это замечание.

– К тому же мне жаль огорчать дочь: возможно, мой отказ ей будет трудно перенести...

Благодаря Флористану Маскаро уже знал лучше графа, насколько его дочери будет трудно перенести этот отказ.

– О, молодая особа того круга и воспитания, к которому принадлежит мадемуазель Сабина, вряд ли позволит себе глубоко привязаться к кому-либо!

Некоторое время граф еще колебался. Его бесила мысль о необходимости уступить желаниям каких-то темных личностей, которым удалось узнать его тайну. И все-таки он уступил.

– Хорошо, я согласен, моя дочь не будет женой барона Брюле, – произнес он наконец, садясь на свое прежнее место.

Маскаро внутренне ликовал, хотя внешне был совершенно непроницаем. С таким видом он и вышел от графа, отвесив низкий поклон и уверив его в своем глубочайшем почтении.

Зато, выйдя на лестницу, он, с наслаждением потирая руки, громко воскликнул:

– Ну, если у Ортебиза все так же благополучно сошло с рук, то, надо признать, наше дело в шляпе.

Глава 6

Чтобы добиться чести быть представленным графине Мюсидан, доктору Ортебизу не пришлось прилагать столько усилий, как его другу Маскаро.

Едва он вошел, как двое лакеев, зевавших от скуки в громадной прихожей графини, начали поспешно стаскивать с него пальто, узнав в нем привычного гостя.

– Графиня у себя? – спросил Ортебиз.

Лакеи с улыбкой переглянулись между собой и ответили утвердительно.

Действительно, этот вопрос не был лишним, графини с утра до ночи не было дома, и редко кто из ее друзей отваживался позвонить у дверей ее квартиры, зная наперед, что скорее всего ее можно встретить утром, например, на какой-нибудь выставке или публичной лекции, а вечером – в опере, в ресторане или на балу. Словом, ее можно было видеть везде, только не у себя дома.

Короче, это была одна из тех женских натур, которые не терпят даже минутного застоя. И все чего-то жаждут, куда-то спешат...

Собственная семья, муж и дочь, никогда особенно не занимали ее. У нее было много других забот: то она устраивала какую-нибудь лотерею в пользу бедных, то организовывала приют для падших девушек, то участвовала в хозяйственных делах разных богаделен для призрения стариков и старух. Добавьте ко всему этому полный беспорядок в денежных делах, беспорядок, способный разорить какое-угодно состояние: франки и луидоры, проходя через ее руки, таяли, как снег в жару. Куда и на что она их тратила, не мог объяснить никто, в том числе и она сама.

Отношение ее к мужу было весьма прохладным, так что несчастный граф, неся на плечах все тяготы брака, не получал взамен ни одной его радости.

Рассказывают, что в течение нескольких лет он ежедневно вынужден был ждать свою жену к обеду. Иногда она приезжала, а иногда – нет. Кончилось тем, что он начал обедать в клубе и вообще повел жизнь холостяка.

Все это было прекрасно известно доктору, так что он без малейшего смущения шел впереди лакея, сопровождавшего его затем, чтобы, распахнув двери в приемную гостиной, сообщить о его приходе. Приемная была огромна и высока, роскошно убрана, стены и потолки украшала живопись первоклассных художников. И все-таки эта приемная была как-то до странности холодна. В ней чувствовалось, что здесь никто не живет и не дышит счастьем, тем домашним уютом, который может создать у себя в доме только его хозяйка.

Полулежа на мягкой вычурной кушетке перед жарко натопленным камином, графиня читала роман.

Увидев доктора, она грациозно приподнялась со своего места.

– Как это мило с вашей стороны, доктор, что вам вздумалось рассеять мое одиночество, – сказала она и сделала знак лакею – придвинуть доктору кресло.

Высокая и стройная, графиня, несмотря на свои сорок пять лет, держалась как молоденькая девушка. Ее роскошные волосы, благодаря их природному пепельному оттенку, скрывали пробивающиеся там и сям седые нити.

От нее пахло весьма изысканными духами, а светлые голубые глаза сверкали высокомерным и ледяным равнодушием ко всему на свете, кроме собственной персоны.

– Только вы, доктор, способны так угадывать момент, когда приходит... Я умираю от скуки. Книги мне уже надоели; кажется, все уже читано-перечитано... Нужно иметь воистину тонкое чутье, чтобы знать, когда приходит!

Редкое чутье доктора, как мы уже знаем, заключалось в особе Маскаро, пославшего его сюда.

– Я так редко кого-нибудь у себя принимаю, – продолжала графиня, – что все решительно позабыли о моем существовании. Надо будет выбрать какое-нибудь утро среди недели, когда мои друзья наверняка могли бы застать меня дома. А то поневоле начнешь с ума сходить от скуки... Последние три дня я постоянно нахожусь дома по случаю болезни графа, которого не желаю оставлять одного.

Это заявление было выдумкой, и довольно дерзкой, но кто в большом свете обращает внимание на подобные мелочи?

– Да, – продолжала графиня, – третьего дня граф, спускаясь по лестнице, нечаянно оступился и сильно ушиб ногу. Хотя наш доктор уверяет, что это пустяки, но я не очень верю ему.

– Должен согласиться с вами, имея собственный печальный опыт общения с докторами.

– О, вы, доктор, – совсем другое дело! Клянусь, что вашим советам я всегда доверяю. Только после ваших брошюр о гомеопатии я немного, признаюсь, начала бояться...

Ортебиз беззаботно махнул рукой.

– А. Бог с ней, с этой глупой книгой! Есть немало других на свете, не хуже ее.

– Вы так думаете?

– Не только думаю, но уверен.

Графиня снисходительно улыбнулась.

– Ну. если это так, то я попрошу у вас маленького совета.

– Вы плохо себя чувствуете, графиня?

– О, благодарение Богу, нет. Недоставало мне еще только заболеть. Нет, нет... Но меня весьма беспокоит состояние здоровья моей дочери...

– Гм!

– Надо вам сказать, что при моих делах, я довольно редко вижусь со своей дочерью. Последний раз, представьте себе, я виделась с ней месяц назад! И, по-моему, за этот месяц она очень переменилась.

– Вы, конечно, спросили ее, не чувствует ли она какого-нибудь недомогания?

– Разумеется, но она ответила, что чувствует себя как нельзя лучше.

– Может быть, она была чем-нибудь огорчена или раздосадована?

– Она?! Моя Сабина?! Бог с вами, доктор, неужели вам неизвестно, что моя дочь – одна из самых счастливых девушек Парижа! Впрочем, не хотите ли увидеть ее?

Графиня позвонила. Вошел слуга.

– Попросите мадемуазель Сабину спуститься на минуту ко мне.

– Мадемуазель Сабины нет дома, ваша светлость.

– Давно ли?

– Часа три, ваша светлость.

– Кто пошел ее провожать?

– Их горничная – мадемуазель Модеста.

– Госпожа Сабина говорила, куда она направляется?

– Никак нет, ваша светлость.

– Хорошо, ступайте.

Слуга поклонился и вышел.

Невозмутимый доктор Ортебиз не мог, однако, не удивиться. Как? Дочь графа и графини Мюсидан, восемнадцатилетняя девушка, пользуется такой свободой, что может уходить из дому в любое время, не ставя об этом в известность родителей, и они находят это естественным.

– Досадно, право, – произнесла графиня, – ну, будем надеяться, что то небольшое расстройство, которое я у нее заметила, все-таки не помешает ее свадьбе.

Ортебиз был счастлив, когда сам собою всплыл вопрос, к которому он не знал как подступиться.

– Вы выдадите дочь замуж, графиня? – спросил он.

Госпожа Мюсидан таинственно приложила палец к губам.

– Тсс! Это пока еще тайна! – ответила она, – ничего еще окончательно не решено. Но вам, как доктору, который по положению в обществе может быть приравнен к священнику, я уж так и быть сообщу по секрету, что в конце этого года Сабина будет супругой барона Брюле-Фаверлея.

Доктор Ортебиз не обладал отвагой Маскаро, но надо признать, что, взявшись за какое-нибудь дело, он всегда старался довести его до конца. И шел тогда напролом, не признавая никаких условностей.

– Я должен вам признаться, графиня, – произнес он с улыбкой, – что кое-что, краем уха, я уже слышал об этом браке.

– Вот как?! Стало быть, об этом уже говорят?

– Да, и довольно много. Должен вам признаться, что не случай, а именно слухи об этом браке заставили меня нанести вам этот утренний визит.

Надо сказать, что графиня Мюсидан ценила злое остроумие доктора, но только тогда, когда это касалось кого угодно. Но услышать из его уст рассказ о своей собственной дочери... Это было уже слишком!

– Не кажется ли вам, доктор, что вы оказываете слишком большую честь нам с графом, интересуясь свадьбой нашей дочери? – надменно произнесла графиня.

Но доктор явился сюда не для того, чтобы считаться с чьим бы то ни было самолюбием.

– Будьте уверены, графиня, – продолжал он самым беспечным тоном, – что мною руководит одна лишь глубокая преданность вашему дому.

– Вот как, – удивилась графиня, – вы, оказывается, так преданы нашему дому?

– Я действительно предан ему, графиня. И, выслушав меня, вы сами убедитесь в этом...

Последние слова он произнес серьезно и достаточно сухо. Графиня, уловив что-то в его тоне, встревожилась и оставила свой насмешливый тон.

– Стало быть, вы действительно хотите мне сообщить что-то очень серьезное?

– Возможно. Видите ли, если кому-то выгодно притворяться идиотом, а на самом деле он владеет определенными доказательствами...

– Так что из этого следует, доктор?

– Только то, что вам не следует отвергать некоторых услуг, потому что я связан с человеком, который, к сожалению, может иметь над вами огромную власть вследствие того, что владеет вашими тайнами.

Графиня расхохоталась.

– Нет, доктор, ваша торжественная физиономия и этот злоедающий тон способны уморить меня со смеху!

«Ба, – подумал доктор, – для того, чтобы это было правдой, ты, милая моя, слишком громко смеешься. Пожалуй, Батистен прав, нужно быть осторожнее». – Затем он продолжал уже вслух:

– Дай Бог, графиня, чтобы ваш смех имел основания. Позвольте вам напомнить ваши собственные слова, что доктора и духовники имеют право на семейные тайны. Но докторам следует доверять все-таки больше, так как они, как ни взгляните, все-таки ближе к реальной жизни.

– Вы забыли прибавить, что доктора, так же, как и священнослужители, склонны читать проповеди и нравоучения.

На этот раз графиня постаралась смягчить свой ответ забавной гримаской. Но Ортебиз даже не улыбнулся в ответ. Напротив – произнес сухо и совершенно серьезно:

– Тем лучше, если я кажусь вам забавным, пусть это будет бальзамом для вашей израненной души, хотя вы и отрицаете эти раны.

– Не надо беспокоиться обо мне, доктор.

– В таком случае я начинаю. Помните ли вы, графиня, молодого человека, который в первые годы вашего замужества играл столь блестящую роль в свете и пользовался при этом такой завидной репутацией в Париже, словом, я говорю о маркизе Жорже Круазеноа...

Графиня Мюсидан, уставившись в потолок, усиленно делала вид, что напряженно вспоминает что-то.

– Вы говорите: Жорж Круазеноа? Нет, при всем желании не могу припомнить...

– Это тот самый Круазеноа, графиня, у которого есть брат Генрих, а его вы не можете не знать, так как я сам видел его танцующим на балу с мадемуазель Сабиной.

– Ах, да, теперь я точно что-то припоминаю...

– История с Жоржем Круазеноа в свое время наделала много шума и чуть было не привела к смене кабинета министров. С тех пор прошло уже больше двадцати лет...

– Что-то подобное я припоминаю...

– В последний раз перед исчезновением его видели в одной из парижских кофейен обедающим в кругу нескольких друзей. Рассказывают, что к девяти часам он поспешно встал и на вопрос, увидятся ли с ним вечером, ответил, чтобы на него не рассчитывали. После его ухода все решили, что у него свидание...

– Почему же они так решили?

– Да просто потому, что он был одет изысканнее, чем обычно. Впрочем, это уже не важно. Важно другое – с тех пор его никто никогда не встречал... Дня три это казалось весьма странным, но через неделю забеспокоились...

– Послушайте, доктор, к чему эти воспоминания, нельзя ли о деле?

– Извольте. Друзья Круазеноа начали его поиски, заявили даже в полицию. На ноги подняли всю префектуру. Первое, что пришло в голову, – самоубийство. Но его дела были в порядке, он был весел, богат... Так что мысль о самоубийстве сменилась мыслью о преступлении. Однако все поиски ничего не дали. Круазеноа исчез, как исчезают сказочные герои...

Графиня подавила нервный зев, а доктор продолжал:

– Но в одно прекрасное утро один из его друзей вдруг получает письмо из Каира, в котором Жорж его уверяет, что, бросив парижскую жизнь, он решил заняться научными изысканиями в Африке. Разумеется, письму этому никто не поверил, хотя бы потому, что все знали: у Жоржа с собой не было денег, а со счетов ничего не снималось. Разумеется, немедленно были посланы в Каир сыщики, но никаких следов таинственного беглеца и там обнаружено не было. До сих пор...

Доктор нарочно говорил медленно, но графиня застыла словно бронзовое изваяние.

– Ну и чем это все кончилось? – небрежным тоном спросила она.

Прежде, чем ответить на этот вопрос, Ортебиз постарался поймать взгляд графини и, когда ему это удалось, сказал:

– Вчера поутру ко мне зашел один человек, который заявляет, что знает настоящую причину исчезновения маркиза.

Однако графиня упорно не желала замечать намеков доктора. Заливаясь смехом, она отвечала:

– Вы рассказываете какие-то удивительные вещи, друг мой! Ваш знакомый через меня хочет узнать, где находится маркиз? Увы, я так же, как и все остальные, не имею никакого понятия об этом! По-моему, если полиция отказалась от этого дела, лучше всего вам направиться к гадалке, – насмешливо закончила графиня.

– Ну, что ж, – произнес Ортебиз с видом человека, свалившего с себя тяжелую ношу, – в таком случае я рад, что для вас и для меня тоже все так благополучно завершилось.

– Прекрасно. Но мне все-таки хотелось бы знать, кто этот дерзкий негодяй, который смеет каким-то образом связывать мое имя с этой непонятной историей?

– Зачем вам это? – грустно спросил Ортебиз, – ведь он, видимо, посмеялся не над вами, а надо мной. Я рисковал навсегда лишиться вашего расположения. Но, если бы вы захотели, графиня, я готов даже подать в суд на него...

– Ну, об этом следовало бы еще хорошенько подумать, так как история может получить нежелательную огласку и над вами же смеяться будут... Скажите мне только имя этого болтуна, вполне возможно, что я его знаю!

– Вы, графиня?! Нет, этого не может быть! Он слишком далек от вас, это старик, служащий привратником в церкви, я как-то лечил его. Зовут его – Тантен.

– Тантен?

– Да, надо думать, что скорее это и не имя даже, а так, прозвище, данное ему в насмешку, ибо этот старикашка являет собой сочетание самой страшной нищеты в сочетании с философией цинизма. Я подумал, а не служит ли он орудием в чьих-то руках?

В ответ на это графиня заметила, что доктор – трус и легковерен, как ребенок.

– Вы наговорили мне столько угроз, столь ясно намекали на какие-то неопровержимые доказательства, обвиняющие меня...

– Простите, графиня, но все это со слов старого Тантена, – перебил ее Ортебиз, опуская голову, – он прямо сказал мне: «Графиня Мюсидан знает судьбу маркиза Жоржа, что явствует из писем, которые она получала, как от самого маркиза, так и от герцога Шандоса».

На этот раз стрела попала в цель.

– Из писем, которые я получала? Кто читал мои письма? – взгляд ее помутнел, губы дрожали.

– Все тот же проклятый Тантен, – вроде бы испуганно, отвечал Ортебиз со слезами на глазах, – он говорит, что эти письма находятся в его руках.

– О, Боже! – и графиня стремительно кинулась из гостиной.

– М-да, рыбка клюнула, – еле слышно проговорил Ортебиз, подойдя к окну и барабанив пальцами по стеклу. – Ну, Маскаро! Сколько пользы мог бы он принести людям, займись чем-нибудь полезным! Такова наша судьба. Двадцать пять лет подобной жизни... Нет, редко, конечно, но выдаются дни, когда мне кажется, что я плачу слишком дорогую цену за свой комфорт, не говоря уже о том...

При этом он задумчиво вертел в руках свой золотой медальон.

– Не говоря уже о том, что в один, далеко не прекрасный день, все наши дела могут открыться и что за конец ожидает нас тогда...

Тут в гостиную опять вошла графиня.

– У меня их украли, – произнесла она с отчаянием, едва успев войти в дверь.

– Что у вас украли, графиня? – осведомился Ортебиз.

– Мои письма! И совершенно непонятно, как могло это произойти, если они были спрятаны в железный ящик с потайным замком, а ключ находится только у меня! Следовательно, и обвинять мне практически некого...

– Стало быть, все-таки Тантен говорил правду? – печально спросил Ортебиз.

– Чистую правду, – отвечала графиня, – и с этой минуты я действительно знаю, что есть люди, которые могут распоряжаться моей волей, желаниями и у меня нет никакой возможности противостоять им! – Сказав это, она закрыла лицо руками. То был последний остаток гордости сломленной женщины, не желавшей иметь свидетелей своего отчаяния.

– Стало быть, эти письма могут быть обвинением против вас?

– Еще бы, я погибла теперь! Тогда я чувствовала только страшную отчаянную ненависть. Все то, что я готовила к отмщению, обратилось против меня! Я вырыла пропасть, чтобы столкнуть туда своих врагов – и вот лечу в нее сама!

Ортебиз не мешал изливаниям графини.

– Я скорее умру, чем переживу ту минуту, когда эти письма попадут в руки моего мужа. Бедный Октав! Как поздно я тебя оценила! Он и без того столько страдал из-за меня. Говорите, доктор, они, наверное, хотят денег, те, кто послал вас, сколько они хотят?

Доктор сделал отрицательный жест.

– Нет? Стало быть, они просто хотят погубить меня, говорите же скорей!

Наедине со своей совестью Ортебиз гнушался своего ремесла, но когда он был уже в деле, да еще, если шла крупная игра, он становился безжалостным по отношению к своим жертвам.

– То, чего от вас требуют, графиня, одновременно и ничтожно мало, и много, – начал он.

– Говорите же!

– Эти письма будут вам возвращены именно в тот день, когда мадемуазель Сабина будет обвенчана с братом Жоржа Круазеноа, маркизом Генрихом Круазеноа.

Изумление графини Мюсидан было столь велико, что она не могла произнести ни слова.

– Меня уполномочили передать, что вы получите любые льготы, чтобы смягчить весь ужас подобного родства, и в то же время, если вы его отвергнете, – ваши письма немедленно будут переданы графу Мюсидану.

– Итак, значит, все кончено, – произнесла она, – ибо то, чего от меня требуют, я сделать не могу. Тем лучше: у меня остается право покончить с собой. Ступайте и передайте тем людям, что они могут отдавать эти письма графу Мюсидану. Я и раньше слыхала, что есть люди, готовые торговать несчастьем и заблуждениями других, но я считала, что это случается только в плохих романах. Теперь я, к сожалению, убедилась, что это не так. Но надо мной у них не будет полной власти!

– Графиня, графиня! – умолял струсивший не на шутку медик, – что вы намерены с собой сделать?!

Графиня не слышала его.

– Как я могла жить после стольких лет страданий? Нет, действительно, я должна быть благодарна этим людям: сегодня первый раз за столько лет я усну спокойно, без тревожных снов, я никуда не буду бежать из своего дома, боясь одиночества...

– Ради всего святого, графиня! Ради вашей же собственной дочери, ведите себя разумно! Весь мой жизненный опыт и преданность к вашим услугам! Сядьте и успокойтесь, может быть, мы что-нибудь придумаем. Собственно говоря, что лично вы, графиня, имеете против маркиза Генриха Круазеноа?

– Я лично ничего...

– Он из прекрасной семьи, богат, ему всего тридцать четыре года, чем он не подходящая партия для мадемуазель Сабины?

– Да, я ничего не имею против него, но граф никогда не согласится взять назад слово, данное барону...

– Ну, это пустяки! Вы все можете сделать с графом, стоит вам только захотеть!

– Да, в былое время это было действительно так, но это было давно, в то время он любил меня, теперь я для него не более, чем любая другая женщина. Можно, конечно, попробовать, чтобы выиграть время. Пожалуй, я попробую, но Сабина... Кто поручится нам за то, что она уже не любит барона?!

– О, такого рода обстоятельства, если они и существуют, ничего не стоят! Вы – мать, а матери всегда имеют влияние на своих детей.

Неожиданно графиня схватила за руки Ортебиза и, судорожно сжимая их, произнесла:

– Нужно ли раскрывать еще одну тайну? Если я чужая для своего мужа, то для дочери – я просто посторонний человек, она меня ненавидит и презирает!

Доктор, однако, поспешил откланяться, наскоро заверив графиню, что она ни в коем случае не может быть чужой для мужа и дочери и что она должна успокоиться, а на завтра они вместе придумают, как им действовать дальше.

– Ах, доктор, только в беде и познаются друзья, – сказала ему на прощанье графиня, в уме уже прикидывая возможности выдвижения на сцену Генриха Круазеноа.

Воздух после двухчасового разговора с графиней показался Ортебизу свежим и чистым. Медленными шагами, наслаждаясь чудесным вечером, приближался он к кофейне.

Его достойный соратник уже был там и ждал его, сгорая от мучительного нетерпения. Наконец, доктор появился за стеклом витрины.

– Ну, что?! – вскричал Маскаро, задыхаясь от волнения, едва тот подошел к нему.

– Победа! – кротко, с обычной своей улыбкой бросил Ортебиз и, упав в кресло, добавил:

– Уф, черт ее возьми, мне было нелегко!

Маскаро расцеловал его.

Глава 7

Распростившись с Маскаро, Поль Виолен чувствовал, что соприкоснулся с чем-то таким, чего он еще никогда в жизни не испытывал.

Быстрая перемена, происшедшая с ним, окончательно опьянила его и так не слишком закаленную душу.

Как произошла эта метаморфоза – от желания броситься в Сену до предложенных ему Маскаро двенадцати тысяч в год, он сообразить не мог.

Двенадцать тысяч в год! Тысяча франков в месяц, причем за первый он уже получил вперед! Да, тут было от чего сойти с ума!

Он был до того потрясен этой внезапной переменой, что даже стал находить ее естественной и даже какой-то законной. Собственно говоря, почему бы старому Тантену и не дать ему займы эти пятьсот франков, почему бы и не предложить Маскаро ему такую фантастическую плату? Он, безусловно, способен на многое. Может, со временем он даже станет министром или, во всяком случае, государственным деятелем...

Единственное, что не пришло ему в голову, – это направиться в отель «Перу», где его ждала Роза. Он вообще позабыл о ней. Как видим, предположения доктора Ортебиза начали сбываться.

Он чувствовал, что должен разделить с кем-то свою радость. Но кто был у него в Париже? Перебирая в памяти свои знакомства, он вспомнил об одном молодом человеке, таком же бедняке, как и он сам, у которого в минуту отчаяния он занял ничтожную сумму в двадцать франков.

В карманах Поля оставалась еще половина денег, взятых им у Тантена, а у самого сердца, в боковом кармане нового пальто, лежала тысяча, выданная в виде задатка Маскаро. Так не справедливо ли было немедленно вернуть бедняку долг?

Жил этот знакомый в отдаленной части Парижа, но теперь это не имело значения, так как можно было воспользоваться омнибусом или даже фиакром.

Удобно устроившись в экипаже, он принялся размышлять о благородстве и великодушии своего знакомого. Андре не был даже его другом, последний раз Поль видел его восемь месяцев тому назад...

Между тем фиакр, где сидел Поль, размышляя о суете жизни, остановился на улице Тур д'Оверн.

Поль, выскочив на тротуар, бросил два франка кучеру и направился к одному из подъездов.

Его встретила полная женщина в опрятном чепчике, из-под которого виднелись тщательно убранные волосы.

– Господин Андре дома? – спросил Поль.

– Он у себя, милостивый государь, – ответила женщина, – поднимитесь на самый верх, а там вам любой покажет его дверь. Такого мастера у нас знают все.

– Сударыня...

– И какой прекрасный жилец – аккуратный, честный, никому не должен ни копейки, всегда трезв. За это время, что он здесь живет, к нему один раз поднималась дама, да и то – знатная госпожа со своей горничной, которую саму можно было принять за госпожу...

– Черт возьми! Может, вы назовете мне, наконец, номер его квартиры, сударыня!

Эта дерзкая выходка ужасно обидела привратницу.

– Четвертый направо! – отвечала она ему сухо, и пока Поль шел по указанной лестнице, обиженно ворчала себе под нос:

– Погоди же, невежа, придешь еще раз, так я тебе и отвечу...

Поднявшись на самый верх, Поль увидел указанную дверь и, так как звонка на ней не было, постучал.

– Войдите, – громко ответил ему молодой, густой бас.

Поль открыл дверь и вошел в комнату художника.

Андре жил в очень маленькой, но чистой, скромно и со вкусом убранный квартирке.

Главное убранство ее составляли картины, эскизы, модели из глины. Прекрасное зеркало над камином в резной ореховой раме и низкий диван, покрытый тунисским ковром, были единственной роскошью в этом жилище.

Возле дивана, лицом к окну стоял мольберт с начатым портретом, наполовину задернутым зеленой тафтой, а перед мольбертом с кистью и палитрой в руках стоял сам Андре.

Превосходно сложенный высокий, с коротко стриженными волосами, черноглазый и черноволосый, с очень смуглой кожей, в сравнении с Полем он, конечно, проигрывал, но зато в чертах его лица читалось то, чего не доставало Полю – огромная сила воли. Встретив это лицо, не скоро забудешь его. В нем было то, что редко встречается в среде художников – естественность и простота манер, аккуратная строгость, даже некоторая изысканность костюма.

При виде Поля он отложил в сторону палитру и краски и, сделав несколько шагов навстречу, радушно протянул ему руку.

– А, наконец-то! – пробасил он, – что это вас так давно не видно нигде?

Столь дружеская встреча несколько смутила нового ученика школы Маскаро, и он поспешно ответил:

– Так ведь все неудачи были, заботы...

– А Роза? Надеюсь, о ней вы сообщите более приятные вести? Что она, все такая же хорошенькая?

– Такая же, – рассеянно отвечал Поль. – Вы меня извините за то, что я с таким опозданием пришел заплатить вам свой долг...

Художник беспечно махнул рукой:

– Стоит ли говорить о таких пустяках! Будьте, пожалуйста, без церемоний, и, если для вас это обременительно, то я могу подождать.

Эта простая дружеская фраза показалась Полю обидной, он почему-то услышал в ней не дружеское участие, а оскорбительное сострадание к его бедственному положению, но главное – эта фраза служила очень удобным поводом для рассказа о том, что прямо-таки рвалось наружу из Поля.

– О, в настоящее время, – начал он тоном заправского фата, – для меня это не обременительно. Правда, одно время мне было очень тяжело, но сейчас я получил место на двенадцать тысяч в год!

Он воображал, что такая цифра непременно ошеломит бедного художника, вызовет у него восклицания зависти и изумления, но, не встретив с его стороны ничего подобного, добавил:

– В мои годы – это недурно.

– По-моему, так даже превосходно! Но в чем же состоят ваши обязанности, надеюсь, это не секрет? – самым обычным тоном осведомился художник.

Но Поль счел такую обыденность тона желанием чуть ли не унижить его.

– Работаю, – ответил он, откидываясь на спинку предложенного ему стула.

При этом выражение его голоса было настолько странным, что Андре взглянул на него с удивлением.

– Я тоже довольно редко сию сложа руки, – произнес он, – а между тем...

– Да, но вы совсем другое дело! Я, я обязан работать в два раза больше других, так как у меня нет никого, кто бы позаботился о моем будущем, я не имею ни родственников, ни друзей-покровителей.

Неблагодарный, он уже забыл о господине Маскаро, столь много сделавшем для его будущего...

В конце концов, художник, видя, что глупости и хвастовству его приятеля конца не будет, явно стал над ним подсмеиваться.

– Ей-Богу, забавно! – проговорил он, – вы, кажется, вообразили себе, что совет воспитательных домов может выпускать заодно с воспитанниками и кучу необходимых для них покровителей!

При этом вопросе Поль окончательно счел себя оскорбленным.

– Как вы изволили выразиться, сударь?

– Точно и ясно, мне кажется, и прибавлю к этому, что подчас эта подробность бывает весьма прискорбна для нашего брата. Я, по крайней мере, испытал это на себе, да и многие из моих товарищей тоже...

– Как, милостивый государь, вы откровенно сознаетесь, что...

– Что я сын Вандомского воспитательного дома, – с комическим горем подхватил Андре, – да, сознаюсь, что же в этом ужасного? Я оставил там по себе прескверную память, как самый отъявленный шалун из всех мальчишек... Все мы немало испытали в этой жизни. Я, однако же, удивлен, что вы ничего не знали об этом факте моей биографии. Хотите, я расскажу вам пару эпизодов из моей жизни, может быть, вам они пригодятся как наглядный пример, а мне не так скучно будет работать...

– Я весь внимание, – отвечал Поль, так и не решив, продолжать ли ему обижаться.

– Видите ли, до двенадцати лет я чувствовал себя абсолютно счастливым: днем развлекался в громадном саду в Лувре, выполняя посильные детские работы, а по вечерам изводил огромное количество бумаги, желая написать и нарисовать что-нибудь совершенно чудесное. Я с самого раннего детства хотел стать художником. Профессор мой – одна сестра милосердия, занимавшая в моем отделении должность преподавателя живописи, всегда приходила в восторг от моих талантов. Но, увы, ничто не вечно под луной... Мое блаженство продолжалось только до двенадцати лет... Едва минуло мне двенадцать, как наша директриса решила отдать меня в ученики кожевнику.

Поль собрался было закурить. Очень внимательно, впрочем, слушая историю детства своего приятеля, он потянулся, чтобы достать спички, но Андре поспешно остановил его:

– Вы меня очень обяжете, если не будете курить, – с вежливой бесцеремонностью произнес он.

– Хорошо, – отвечал Поль, – только продолжайте свой рассказ.

– С большим удовольствием, тем более, что он весьма короток. Ну вот, волей-неволей, перебрался я к кожевнику. Ремесло это я возненавидел с первой же секунды. Так получилось, что только я поступил туда, как кто-то из рабочих поручил мне принести целый ушат кипятка, необходимый для работы. Не сумев поднять его, я полетел вместе с ушатом и так обварился, что едва не умер от ран, следы которых до сих пор на моем теле...

Не в силах побороть отвращения к делу, следы которого остались на моем теле, обваренный и больной, я дотащился до приюта и на коленях принялся умолять директрису, жуткую бабу в синих очках и с огромным носом, чтобы она забрала меня от кожевника и отдала в учебу кому-нибудь другому. Но все мои просьбы были тщетны – она поклялась, что я стану кожевником.

– Ужасное варварство!

– Да, а вы и не подозревали о чем-нибудь подобном? Ну, так вот, видя подобную непреклонность со стороны директрисы, решил я бежать, как только смогу раздобыть хоть немного денег... Для этого стал я себя вести самым почтительным образом, и в конце года, благодаря обилию заказов, которые я разносил, в течение целого года не потратив ни одного су на лаком-

ства, я собрал сорок франков! Тогда я решил, что этого будет достаточно и в одно прекрасное утро в одной рубашке и тоненькой блузе направился прямо сюда – в Париж.

– Как, и вам в ту пору было не более тринадцати лет?!

– Даже и тех не было... Только и было, что сорок франков в кармане, да, благодарение небу – сила воли и характер – вот качества, которые только одни лентяи называют отчаянностью. Я поклялся себе, что буду художником...

– И вы им стали!

– Да, стал. Через трудности нищеты и голода, разумеется, а все-таки я добился своего. Как сейчас стоит перед моими глазами тот бедный паршивый трактирчик, где я уснул в свою первую ночь в Париже. Я был до того усталым, что проспал шестнадцать часов. Проснувшись, я поел – и поел, надо признать, хорошо. После этого я сосчитал весь свой наличный капитал и понял, что если я немедленно не найду работу, дело кончится плохо.

При последних словах на губах Поля заиграла сардоническая улыбка.

Он вспомнил и сравнил свое положение, когда он попал в Париж, с положением товарища. Ему было не тринадцать, а двадцать два года, и в кармане у него находилось не сорок, а три тысячи франков.

– Ну, и что же, вы надеялись сразу найти работу? – со злорадством спросил он Андре.

– Нет, – отвечал художник без тени хвастовства и со спокойной улыбкой, – я был разумен, я понимал, что для того, чтобы получить работу, надо уметь ее делать. Следовательно, сначала надо научиться этому. И копил я свои сорок франков для того, чтобы было чем на первых порах заплатить за уроки.

В этом было столько логики и смысла, что Поль невольно прикусил свой язык.

– По счастью, – продолжал художник, – в то время, когда я завтракал, рядом со мной за одним столом расположился какой-то толстый господин.

– Милостивый государь, – обратился я к нему, – хотя мне только тринадцать лет, но я здоров, силен, умею читать и писать. Я пришел издалека, не могли бы вы указать мне место, где я мог бы научиться какой-либо профессии?

Он пристально посмотрел на меня, затем произнес угрюмо:

– Ступай завтра утром на Гревскую площадь, там какой-нибудь каменщик возьмет тебя в артель...

– И вы пошли?

– Разумеется! С четырех часов утра я прогуливался по площади, приставал то к одной, то к другой группе ремесленников, как вдруг мне показалось, что толстый господин, завтракавший со мной накануне, находится между этими людьми. Он тоже меня заметил и обратился ко мне:

– Мальчуган, у меня артель скульпторов, если хочешь, можешь идти ко мне работать. Сначала будешь помогать декораторам и в то же время учиться...

Учиться скульптуре! Да мне показалось, что небеса разверзлись от счастья...

– Но как же вы перешли к живописи?

– О, живопись пришла позже, сначала надо было хоть немного получить знаний. Днем я работал, а по вечерам посещал различные художественные школы, в основном, учился рисунку. На заработанные деньги покупал различные книги и руководства по искусству, а в воскресенье брал уроки у профессора, которому недорого платил...

– И все это вам пришлось делать, отрывая деньги от пропитания?

– Вот именно. Много лет я не мог себе позволить даже кружки пива. Но я добился-таки того, что стал получать на равных со своими товарищами – восемьдесят франков в неделю. После этого я уже всерьез занялся живописью, и с тех пор уже не бедствую.

– И вас никогда не тянуло вернуться в Вандом?

– Что вы! Но я никогда не позволю себе вернуться туда раньше, чем у меня будет пятьсот свободных франков в год, чтобы дать возможность пробить себе дорогу такому же горемыке, каким был я.

Если бы даже Андре знал, что Поль по рождению принадлежит к тем же «горемыкам», то все равно не сказал бы иначе. Каждое его слово действовало на Поля, как оплеуха.

Кусая ногти со злости, Поль еще раз оглядел жилье своего товарища и с горьким сознанием своего бессилия увидел, что его друга окружает не только довольство, но даже некоторая роскошь. Он готов был разрыдаться от злости и отчаяния.

Одновременно ему показалось странным, что неоконченная картина на мольберте так тщательно укрыта от посторонних глаз, да еще эта просьба не курить, когда сам Андре курит... Он вспомнил, что привратница болтала ему о какой-то даме, посетившей Андре в сопровождении горничной.

Все ясно! За тафтой непременно должен скрываться портрет таинственной незнакомки...

Ему смертельно захотелось посмотреть на портрет. И он попытался открыть картину. Однако Андре быстрым и резким движением помешал ему.

– Если я прячу эту картину, значит, не хочу, чтобы ее видели! – произнес он с заметным волнением.

– О, извините! – ответил Поль, делая вид, что с уважением относится к тайне товарища, а на самом деле весьма шокированный таким поворотом дела.

«Ну, погоди же, – подумал он, – если тебе жаль показать портрет, то я дождусь оригинала, недаром ты все время поглядываешь на часы и не хочешь даже курить в комнате, где ждешь даму!»

Действительно, последние пятнадцать минут Андре несколько раз украдкой бросал взгляд на часы и явно начинал проявлять признаки волнения.

Поль же делал вид, что ничего не замечает. Он уселся на диван и стал рассматривать рисунки, среди которых лежала фотография очень молодой и красивой девушки.

– Клянусь небом! Вот прелестное личико, – воскликнул Поль.

При этом восклицании молодой художник окончательно вышел из себя, дрожащей рукой он вырвал из рук Поля фотографию и вложил ее в книгу.

Поль вскочил в недоумении и посмотрел на товарища. Несколько секунд они мерили друг друга взглядами, которые не предвещали ничего хорошего.

Едва знакомые друг другу, они явно чувствовали, что Его Величество Случай недаром свел их вместе и что это, несмотря ни на что, не последняя их встреча.

Андре, как более сдержанный, первым пришел в себя.

– Прошу извинить меня, – произнес он, – это, конечно, моя вина, что вещи, которые не должны быть выставлены на всеобщее обозрение, лежат у меня сверху, но ведь ко мне, кроме друзей, никто не заходит...

Поль жестом остановил художника.

– Будьте уверены, милостивый государь, что без необходимости я бы не посмел явиться к вам...

Сказав это, Поль театрально повернулся на своих новых каблуках и вышел, громко хлопнув дверью.

– А, чтоб ты провалился, идиот, – проворчал ему вслед Андре, – по крайней мере, мне не пришлось его выгонять силой.

Что касается Поля, то, выскочив на лестницу, он чуть не взревел от злости и унижения.

Ну, не ужасно ли? Он явился с самым благородным намерением – облагодетельствовать бедняка, воздать, так сказать, сторицей за ту ничтожную услугу, какую он оказал ему, и вдруг – уходит морально уничтоженный и разбитый!

К тому же он явно сознавал, насколько Андре нравственно выше его, и это заставляло еще больше ненавидеть приятеля.

– Ничего, теперь я назло тебе увижу твою тайну. – проворчал он.

И, даже не задумываясь о порядочности своего поступка, Поль перешел на другую сторону улицы и присел на скамью у ворот.

Минут через тридцать возле дома остановился наемный экипаж, из которого вышли две женщины. Одна – очень молоденькая, безусловно, из высшего общества, вторая – явно ее компаньонка.

Поль подошел к ним поближе и, несмотря на густую вуаль на лице молодой дамы, узнал в ней ту самую девушку, фотографией которой он недавно любовался.

– Сказать по правде, моя Роза нравится мне гораздо больше, – произнес он вслух, – в доказательство чего я сейчас же отправляюсь к ней, расплачиваясь с противной Лупиас, и мы навсегда покидаем отель «Перу»!

Таким образом, падение Поля началось...

Глава 8

Ученик Маскаро был не единственным, кто наблюдал за таинственной незнакомкой, посетившей молодого художника. На стук кареты выскочила мадам Пуальве, знакомая уже нам привратница, и принялась рассматривать женщин безо всякого стеснения.

Обе женщины прошли мимо нее, не справившись ни о номере квартиры, ни о том, дома ли жилец, к которому они направлялись.

Тогда мадам Пуальве решила поболтать с кучером:

– Скверное время настало, – начала она, с участием поглядывая на кучера, – козлы – плохое убежище от холода.

– Уж и не говорите, ног совершенно не чувствую!

– Значит, издалека привезли этих...

– С края света, с конца Елисейских полей.

– А дамочка не из простых...

– Вроде бы... Хотя на водку всего четыре сантима отвалила. Ну да эти уловки нам известны, это все для того, чтобы не приняли за тех, кто без счета дает! Вот и утверждай после этого, что есть в наше время честные женщины!

Мадам Пуальве только грустно покачала головой. Эта достойная женщина и не подозревала, что стала чуть ли не кровным врагом для спутницы благородной незнакомки, слышавшей их последние слова.

Андре этого визита ждал с тем трепетом, который возможен только в двадцать лет. Он нервно вздрагивал от каждого стука. Дверь свою он оставил открытой и поминутно выскакивал на лестницу. Наконец он услышал шелест платья и шаги обожаемого существа.

Не помня себя от счастья, он выскочил на лестничную клетку.

– Здравствуйте, Андре! – произнесла девушка, протягивая ему руку, – видите, как я аккуратна.

– Вы очень добры, Сабина, – едва выговорил он.

Да, это действительно была Сабина, единственная дочь и наследница древней фамилии графов Мюсиданов. Как она могла очутиться в этой квартире? Как могла полюбить человека в простой блузе ремесленника, с руками в глине и краске?

Андре первое время находился в сладком плену своих чувств к этой девушке. Но когда он обстоятельно подумал о том, какая бездна отделяет его от наследницы замка, при котором он состоял чуть ли не простым рабочим, волосы на его голове встали дыбом.

– Бежать, бежать скорее, пока еще есть силы и время, – воскликнул он решительно.

Но кому не известно, что подобные фразы произносятся чуть ли не с сотворения мира, а много ли их приводится в исполнение?

Андре остался, но перестал приходить в общую столовую.

– Отчего это господин Андре не обедает с нами? – спросила Сабина у своей тетки в первый же день, как тот не явился к столу, – ведь он так хорошо развлекает тебя...

Тетушка, хотя и достаточно древняя, сначала находила весьма неприличным сидеть за одним столом с человеком, который чуть ли не таскает по ее лестницам известь и кирпичи (старая дама не делала большой разницы между скульптором и каменщиком), но, впрочем, рассудила она, это ведь не Париж, а деревня, тут рад каждому живому существу... Андре был немедленно приглашен.

Разглядев его более подробно, древняя тетушка только вздохнула про себя.

– Положительно, мы идем к концу света! Поглядите только на этого каменщика – он ведь держится с графским достоинством! Действительно, мне пора умирать! – заметила она после обеда племяннице.

Несмотря на это, Андре сумел расположить тетушку к себе тем, что бессовестно льстил ее морщинам и седине.

Сабина только улыбалась, глядя на это, она-то знала причину этой лести...

После этого Андре стал своим человеком как при молодой графине, так и при тетушке.

Как-то раз, когда Сабина болела, Андре повторил ей свою историю, рассказанную им Полю. С той только разницей, что на сей раз он не вдавался в подробности.

С этой минуты Сабина призналась себе, что полюбила. Она была очарована тайной его рождения, его непреклонной волей и благородством.

– Так вот в чем секрет его благородства и изящества! Кто знает, может, в его жилах течет кровь не менее благородная, чем моя!

Короче говоря, воображение Сабины рисовало Андре героя.

Таким образом преграда, разделявшая их, рушилась.

Вообще же положения их во многом были сходны. Сабина, выросшая с отцом и матерью, в сущности не имела их с детства и, подобно Андре, не видела родительской ласки.

Оба впервые полюбили, чему немало способствовали деревенская тишина и простор.

Древняя тетушка мешать им не могла.

Каждое утро Андре являлся к ней читать газету, на десятой странице она начинала дремать, а на пятнадцатой засыпала. Молодые люди оставались наедине.

После обеда все повторялось сначала.

Вечером тетушка в гостиную вообще не являлась.

Андре долго боролся со своей страстью. Как человек умный, он понимал всю бессмысленность происходящего. Сабина же любила без всяких оговорок и размышлений. Время для нее проходило в непрерывном блаженстве, и она не хотела думать о завтрашнем дне.

Но Андре знал и предугадывал развязку. Ждал удара почти ежеминутно и готовился встретить его достойно.

Предчувствие и рассудок не обманули его.

В одно прекрасное утро, когда он, по обыкновению, собирался приветствовать тетушку и поискать еще какой работы вокруг замка (заказанную он давно выполнил), явился лакей и странным голосом сообщил, что его ждут у старой дуэньи.

– Мне приказано привести вас в любом виде, – сообщил он.

Кровь прилила к сердцу Андре. Он ни на минуту не усомнился в том, что настал конец его блаженству. Кто-то в замке проведаль о его любви и по своему лакейскому усмотрению, безусловно, донес на него. Как приговоренный, следовал он за старым лакеем.

Старуха была не похожа на саму себя, она не сидела в кресле, как всегда, а буквально металась по нему. Увидев Андре, она закинула голову назад и буквально зарычала на него, как раненая львица.

– Ты что это, дружок, затеял! – воскликнула она. – Тебе взбрело в голову ухаживать за моей племянницей? Да сознаешь ли ты разницу между урожденной графиней и проходимцем?! Откуда взялось в тебе столько смелости, чтобы поднять на нее глаза – глаза плебея!

Андре не мог пошевелиться, из бледного он стал пунцовым. И, если бы не Сабина, он бы кинулся на графиню.

– Молите Бога, графиня, что вы – женщина, иначе я убил бы вас на месте, – задыхаясь, произнес он.

Казалось, что тетушка сошла с ума.

– Ах, ты дерзкий мальчишка! – закричала она, потрясая палкой, – обиделся, видите ли! Чем не аристократ! Был бы жив старый граф, тебе бы обломали ребра палками, я же ограничусь тем, что велю тебя выгнать немедленно! Собери свой скарб и убирайся таскать свои кирпичи, где-нибудь в другом месте!

Андре не трогался с места. На оскорбительные тирады старухи он уже не обращал внимания, он понимал только одно – его гонят от Сабины, и он не сможет больше видеть ее.

Он стоял, как каменный, едва сдерживая рыдания.

Древняя тетушка еще не настолько выжила из ума, чтобы не заметить этого жгучего страдания. Она смолкла и через минуту заговорила совсем в другом тоне:

– Пожалуй, я несколько круто обошлась с вами, монсеньор Андре, простите мне это, я несколько горяча от природы. Сделайте для нее единственное, что в вашей власти – избавьте ее от грязи злых языков, уезжайте скорее и позабудьте о ней!

Андре вышел шатаясь. Зачем и куда шел, он и сам еще не знал. В большом зале чья-то холодная маленькая рука остановила его. Белая, как мрамор, стояла перед ним Сабина.

– Я все знаю, Андре, – произнесла она, – куда вы направляетесь и что намерены дальше делать?

– Право, не знаю. Дайте мне немного опомниться. Я думаю, что прежде всего мне надо уехать, а там увижу...

На лице Сабины появился румянец.

– Так вы не отчаиваетесь? – воскликнула она так, что испугала Андре.

Тот медлил с ответом, голос Сабины вернул его к жизни.

– Что, если впереди я бы указала вам надежду... – продолжала она, – что бы вы сделали?

– Что бы я сделал? Все! – воскликнул он, миглом оживая, – если вы согласитесь ждать...

Не разлюбите меня... Сабина, я уверен, что добьюсь всего! Вашим родным нужно богатство – у меня будет богатство! Понадобятся почести и слава взамен аристократического имени – у меня будет все!

– В таком случае, – отвечала Сабина, подавая Андре руку, а другую подняв вверх, – в таком случае клянусь вам, что я буду вашей женой или умру, не выходя ни за кого! Я настолько люблю вас, что готова даже притворяться, пока это будет нужно. Итак, работайте и надейтесь – я ваша!

Через несколько часов Андре уехал.

Что происходило затем в замке между племянницей и древней тетушкой никому не было известно. Известно только, что после долгой и продолжительной беседы обе не пошли даже к столу, а молча разошлись по своим комнатам, каждая с красными от слез глазами.

Через два месяца тетушки не стало. Она умерла, держа Сабину за руку и все свое огромное состояние двести тысяч ливров, завещав одной Сабине. В завещании был выделен пункт, в котором значилось, что племянница наследует все, даже если выйдет замуж против воли родителей.

Последний пункт весьма потешал графиню Мюсидан. Она говорила, улыбаясь:

– Перед смертью наша тетушка, видимо, рехнулась.

Но древняя старушка не только не «рехнулась», как считала графиня Мюсидан, а скорее прозрела, потрясенная юной любовью.

Возвратясь на зиму в Париж, Сабина стала совсем свободной: прислуга в отелях, положим, подсматривает не меньше, чем лакеи, но по части доносов родителям... Такого в Париже не водится!

Глава 9

Еще не начав посещать Андре, Сабина обрела глубочайшую уверенность в его благородстве, чести и уважении к ней. Без этого она никогда бы не решилась на подобный шаг...

После приветствия Сабина поспешила развязать широкие ленты своей шляпы и передала ее своей горничной Модесте.

– Как вы меня находите, мой друг? – спросила она у молодого живописца.

Восторженное восклицание было ей ответом.

– Вы меня не поняли, Андре! Я хотела сказать, что для портрета без шляпы, пожалуй, лучше, – краснея, заметила Сабина.

Сабина Мюсидан была красавицей в полном смысле этого слова, но красота ее была полной противоположностью красоте Розы, и сравнивать их мог только Поль в злую минуту... Красота первой, напоминала о рафаэлевских мадоннах, красота второй – о вакханках.

Выражение лица Сабины свидетельствовало о живости ее ума, и вместе с тем было полно детской прелести и обаяния, что действовало на душу возвышающе.

Глаза Розы пылали огнем и будили лишь земные страсти.

К тому же, чтобы оценить всю прелесть Сабины Мюсидан, надо было непременно знать ее: с первого взгляда она не поражала и не блистала ничем, и долго могла оставаться незамеченной, как драгоценная картина в скромной раме на чердаке деревенской церкви.

Но зато, если кто-нибудь замечал ее, то не было сил оторваться от созерцания ее высокой красоты: строгий профиль, полузакрытые бархатные глаза, в которых, как в зеркале, отражалась вся ясность возвышенной души...

Сабина была брюнеткой, но не той жгучей, смуглой, а с самым прозрачным, матовым цветом лица. Для портрета она избрала самую простую, давно вышедшую из моды прическу, которая ей шла как нельзя лучше. И вот касательно этой прически и задала она Андре свой вопрос.

– Увы, – отвечал он, – когда вы тут, я начинаю сознавать свое бессилие, как живописец. Нередко целыми часами я сижу над вашим портретом, но не могу передать нюансы характера...

Сказав это, он резко сорвал с портрета зеленую тафту, покрывающую мольберт, и образ Сабины предстал во всем своем блеске.

Безусловно, это не была гениальная вещь, но на ней уже присутствовала та печать совершенства, которая свойственна всем великим мастерам.

С минуту Сабина стояла молча, затем с беспредельной нежностью и уважением взглянула на молодого живописца и произнесла:

– Боже мой, ваша работа прекрасна!

Но тот был недоволен, его не ободрило даже это восторженное признание.

– Да, он похож, если хотите... но все это не то! Фотография, которую вы мне подарили – тоже похожа, но разве этого достаточно? Я мечтал выразить вашу душу, я пытался, но кроме ваших черт у меня ничего не выходит, я ожидал, что вы придете, и я попытаюсь еще раз... Жестом руки Сабина остановила его:

– Не надо ничего переделывать, мой друг. Обстоятельства складываются иначе. Мой визит к вам сегодня – последний, – проговорила она нежно, но твердо.

Это неожиданное известие, а также тон, которым оно было произнесено, как громом поразило Андре.

– Что же случилось, Сабина? Какие обстоятельства?

– Их много, мой друг, но главное то, что вы не должны отказываться от своей цели – стать великим художником... Вы хотели иметь мой портрет, и я уступила вашему желанию, лучше

вы его не сделаете. Вы не достигли еще той вершины таланта, что ждет вас. Чтобы достичь ее, нужно много учиться и работать...

– Но я ведь учусь и работаю, Сабина!

– Да, я вам верю, но вы могли бы быть более настойчивы в достижении своей цели. Видимо, я мешаю вам, Андре. Простите меня, но я так люблю вас, что не могу скрыть от вас правды...

– Какой, какой правды? – с испугом спросил Андре.

– С тех пор, как я стала приходить к вам, Андре, вы успокоились и перестали идти вперед, а я этого не хочу! Я не хочу и не могу любить посредственного художника, я хочу, чтобы вы стали первоклассным мастером! И когда это случится, приходите в дом моего отца, графа Мюсидана, и мы вместе будем просить его согласия на наш брак. До той поры нам не следует видаться...

Андре был побежден. Он чувствовал всю неотразимую правду этих слов. Он понял жертву Сабины. Для нее, вечно забытой и одинокой, свидание с близким человеком было единственной отдушиной, но она сказала себе, что если у Андре не хватает сил отказаться от этих посещений, то у нее должно хватить любви, чтобы прекратить их.

Во время этой беседы Сабина сидела в кресле, а Андре – на скамеечке возле ее ног.

– Итак, мой дорогой, значит, мы пришли к нужному соглашению? – говорила Сабина, не выпуская его руки. – Следовательно, пока есть время поговорить о наших делах...

Дела эти заключались для нее в успехах Андре, который и подробно рассказывал ей все о своей работе, о своих замыслах и еще неясных образах, которые еще только появлялись в его голове. Таким образом, они то спорили, то советовались...

– Я сейчас в большом затруднении, – сказал Андре, – позавчера барон Сильвераль, знаешь, этот известный любитель и знаток живописи, зашел ко мне и просмотрел мои эскизы. Один ему понравился, и он сказал, что хотел бы заказать мне картину, за которую пообещал заплатить шесть тысяч.

– Ого! Да это начало целого состояния!

– Пожалуй! Скверно только то, что ему хочется иметь ее как можно скорее...

– В чем же затруднение?

– Дело в том, что у меня есть еще один заказ по декору, а он тысяч на семь, на восемь...

– Я бы на твоём месте выбрала картину, – заметила Сабина после некоторого размышления.

– Мне тоже так кажется, но только, видишь ли...

– И не стыдно тебе, – тихонько прошептала она, – чем брать там задаток, возьми лучше у меня, я ведь угадала твои трудности?

Но Андре возмутился.

– Этого мне только не хватало!

Сабина вздохнула, но настаивать не стала.

– В таком случае, делать нечего, бери работу по декору.

Пробило пять часов. Сабина поднялась со своего кресла.

– Перед уходом, мой друг, я хочу сообщить еще одну новость: ведутся переговоры о моем браке с бароном Брюле-Фаверлеем.

– Это тем миллионером, за которым гоняются все невесты?

– Именно. Противиться желанию отца я не смею, и потому я решила рассказать всю правду самому барону, я его немного знаю; мне кажется, что он настолько честен, что не будет требовать моей руки. Как ты оценишь мою мысль, Андре?

Андре грустно пожал плечами.

– Она мне нравится, только вряд ли это поможет: откажется один, найдется другой...

– Весьма может статься, но тогда я повторю все сначала. Надо же, чтобы и у меня были трудности и препятствия!

Но именно эти препятствия были явно не по вкусу молодому художнику.

– На что же станет похожа твоя жизнь, Сабина, если ты все время будешь бороться против своей семьи?

Сабина просто ответила ему:

– Я не сомневаюсь, Андре, ни в себе, ни в тебе, а это главное.

Через минуту она уже была готова уходить. Андре собрался отправиться за каретой, но она твердо отклонила его намерение, объявив, что они с Модестой справятся с этим сами. Она подала Андре руку и уже в дверях сказала:

– Завтра я поговорю с бароном, а послезавтра жди от меня письма.

Андре остался один.

Ужас овладел им при мысли, что он так нескоро увидит Сабину. С минуту он еще постоял в нерешительности, потом бросился за своим пальто и шляпой, наскоро, как попало, оделся и стремглав выскочил на лестницу.

– Всего один раз увидеть хотя бы издали... – бормотал он себе под нос, перескакивая через ступеньки.

Через пять минут он был на углу улицы и почти догнал Сабину, идущую рядом с Модестой. Они, по счастью, еще не успели нанять фиакр.

Андре шел сзади, шагах в двадцати. Он любовался походкой, манерой придерживать платье, гордым профилем...

«Господи, когда же наступит день, когда я открыто пойду рядом с ней рука об руку...»

Одна лишь эта мысль была способна удвоить его энергию.

В эту минуту Сабина с Модестой остановили экипаж и, усевшись в него, приказали кучеру ехать как можно скорее.

Фиакр тронулся и тут же скрылся из виду.

Взглянув еще раз в ту сторону, куда укатил фиакр, Андре повернул было домой, но тут его окликнул чей-то звонкий, молодой голос.

Он обернулся и увидел, как из новенькой коляски, запряженной парой прекрасных лошадей, вышла молодая дама, одетая самым роскошным образом и сделала ему знак подойти к ней.

Андре напряг свою память...

– Мадемуазель Роза, если не ошибаюсь?

– Скажите лучше, мадемуазель Зора де Шантемиль, – услышал он мужской голос над самым ухом.

Андре обернулся и чуть не столкнулся нос к носу с господином, который только что отдавал какие-то приказания кучеру.

– Извините, – проговорил он очень удивленный и отступил на два шага.

– Да, милостивый государь, – продолжал господин, по виду очень смешной и недалекий. – Шантемиль – поместье, которое я ей подарю на следующий же день по смерти моего папа!

Андре чуть не прыснул со смеху, до того забавна была фигура господина, заговорившего с ним. Черты этого лица можно было определить одним словом: «гусь», что же касается его туалета, то это был гибрид шута и попугая.

Тото-Шупен, передавая его приметы Тантену, забыл почему-то столь выдающееся свойство.

– Мое имя не имеет значения, – продолжал между тем господин, – поехали лучше к нам обедать!

И, не дожидаясь согласия со стороны Андре, Роза живо схватила его за руку и втолкнула в дверцу шикарного экипажа.

– А ведь она добра, как вы считаете, а? – заговорил опять чудака в красных перчатках, – я, по крайней мере, так ее понимаю. Видно, делать нечего: друзья наших друзей – наши друзья! Пойдемте, я должен исполнить ее желание! О, мы приехали!

– Да-да! Я этого хочу, хочу! – повторяла Роза, направляясь к дому и таща за руку Андре.

Он подумал, что ему не помешает развлечься, а эта парочка обещала много интересного. В особенности этот гусь весьма занимал Андре. Он подумал еще минуту и согласился.

– Пусть будет так! Пойду, посмотрю на этого дурака. Какие фигуры лепит из него этот красивый чертенок! – подумал он про себя, но не счел нужным рекомендоваться ему.

Об этом, впрочем, позаботилась Роза.

– Господин Гастон де Ганделю! – представила она своего «гуся», дергая его за рукав, и он при этом смешно шаркнул тоненькой ножкой.

Андре едва удержался от смеха.

– А это монсеньор Андре, великий художник! – продолжала она, хватая Андре за рукав.

– Монсеньор Андре – художник? – удивился гусь, – погодите, я что-то такое слышал от папа! Не тот ли это Андре, который будет отделывать дом, построенный папа на Елисейских полях?

– Тот самый, – ответил Андре, едва сдерживая улыбку.

– В таком случае – очень приятно, очень приятно! Теперь вы совсем наш!

Радости его, казалось, не было пределов.

– Идемте же, – крикнула Роза, взбегая по лестнице, убранной цветами.

Андре уже хотел подниматься следом за ней, когда Ганделю догнал его и с самым таинственным видом зашептал на ухо:

– А? Какова? Не женщина, а восторг, – шептал он, подмигивая при этом самым вульгарным образом, – погодите, ведь в умении держать себя, правду говоря, равных себе я здесь не знаю, так что учитель у нее будет превосходный!

– Это уже заметно, – серьезнейшим тоном отвечал ему Андре.

– Да придете ли вы, наконец? – крикнула Роза, топая ножкой.

– Сию минуту, – отвечал Ганделю, поспешно взбегая по лестнице и увлекая за собой Андре.

– Твердый характер, не правда ли, – успел он еще шепнуть Андре с тем же таинственно-вульгарным видом.

Пройдя в комнату, Роза мгновенно сбросила верхнюю одежду и схватив Андре за руку, повела его по квартире, показывая ему свои апартаменты.

Бедный художник вынужден был обозревать и хвалить все это нелепое нагромождение мебели, золота, лазури, подобранное самым нелепым образом. Причем, от него требовали, чтобы он по достоинству оценил толщину и богатство тканей, стоимость всего этого бедлама и вкус, с которым он создавался.

Впереди шествовал «гусь» с торжествующим, полным счастья лицом, указывая на все предметы и называя их цену.

Причем Розе не приходило в голову, что все это – цена ее позора, ее доброго имени, которое куплено этим шутком.

В это время послышался шум в зале.

– А вот и наши гости, – воскликнул «гусь», окончательно пришел в восторг и побежал в зал.

Роза и Андре остались одни.

– Как видите, я решила оставить Поля, – заметила она, переходя от веселого тона к несколько грустному. – Ему не всегда хватало даже на хлеб, к тому же он стал мне надоедать...

– Ему не на что купить хлеба? – удивился Андре, – как же так, два часа назад он был у меня и хвастал, что получил место на двенадцать тысяч франков в год!

– Скажите лучше – на двенадцать тысяч лжи и пустяков, – со смехом бросила Роза, – все, что он умеет, это занимать деньги подчас даже у незнакомых людей!

При этом она сделала знак Андре, что ей еще много чего надо рассказать ему, но не сейчас.

В это время сияющий Ганделю вел гостей, которые явно были достойны тех, кто их принимал.

Едва только Андре успел себя поздравить с приобретением столь «приятного» знакомства, как в дверях показался огромного роста лакей в перчатках и белом жилете и громогласно объявил:

– Кушать подано!

Глава 10

Когда у Маскаро спрашивали, что нужно для успешного выполнения его замыслов, он отвечал:

– Быть достаточно деятельным и обладать огромной энергией.

У Маскаро было одно прекрасное правило: раз приняв решение, он следовал ему всю жизнь.

На следующий день, после посещения графа Мюсидана, в семь утра Маскаро уже был за письменным столом и занимался работой.

Первая комната агентства уже была заполнена людьми; но выслушивать их должен был достойный Бомаршеф. Если оказывалось что-нибудь очень важное, он препровождал такого клиента к шефу.

Таким образом, совершенно не вникая в шум и суету первого помещения, Маскаро полностью сосредоточил свои мысли на новом агенте – Поле Виолене, который должен был сыграть довольно важную роль.

– Какова игра! – мысленно восклицал он, – сколько риска и какие громадные результаты, если все удастся! И только в моих руках соединены нити стольких судеб!..

Перевернув страницу, которую он только что дописал, Маскаро продолжал:

– Конечно, я могу сорваться и тогда... Этот болван Мюсидан вообразил, что я могу не знать законов своей страны! Глупец! Он не понимает, что для меня Кодекс то же, что «Отче наш»! Том третий, статья триста четвертая – да, Маскаро, тебе давно грозит каторга, не говоря уже о триста пятой статье, где прямо сказано – «пожизненная»...

Видимо, последняя мысль прозвучала слишком уж явно, так как он вздрогнул и даже закрыл глаза руками. Но это длилось одно мгновение. Улыбка вновь заиграла на его лице, Маскаро опять углубился в свои мысли.

– Да-да, чтобы отправить Маскаро дышать воздухом Тулонских галер – надо сначала поймать его! А это нелегко сделать! В случае чего, если я почувствую, что почва под ногами колеблется, я исчезну, как дым... Н-да, ну и соотруднички у меня! Этот жалкий скряга Катен! Или эпикурец Ортебиз, которого, как ребенка, может утешить тысяча франков! На что они годны?! Им даже во сне не приснится крупное дело – Круазеноа!

При этом он настолько забылся, что даже засмеялся, проговорив громко:

– Да, это дело стоит четырех миллионов! А Поль? Поль женится на Флавии и, кроме того, что она будет счастлива, станет еще герцогиней с тремястами тысячами годового дохода!..

Закончив свои размышления таким предположением, Маскаро закончил писать, поднял на лоб синие очки, отворил средний ящик стола и спрятал в него написанное.

– Все вы здесь у меня, мои милые, – сказал он, постукивая пальцами по бумагам, лежавшим на столе. – И стоит только мне, простому комиссионеру, захотеть, я могу растоптать вас всех, как каких-нибудь мошек... Впрочем, на сегодня довольно, есть и другие дела...

Захлопнув ящик, он откинулся на спинку кресла, чтобы немного отдохнуть.

Через некоторое время в дверь постучали.

В комнату вошел Бомаршеф.

– Невероятно! – воскликнул он, едва переступив порог, – вы приказали мне собрать бумаги о деле молодого Ганделю...

– Да, когда будет время.

– Там кухарка одной дамы, нанятая через нашу контору, принесла необыкновенно важные известия, это просто счастливый случай!..

Маскаро пожал плечами.

– Ты дурак, Бомаршеф, – произнес он недовольно, – что там может быть такого, чтобы приходить в телячий восторг? Сколько раз тебе твердить, что любой случай – это только поле для игры, где можно и выиграть, и проиграть. Я играю уже двадцать пять лет, и было бы странно, если бы под конец мне перестало везти!

Бомаршеф слушал с умилением, приоткрыв рот, стараясь не пропустить ни слова.

– Ну, так какие же известия принесла эта кухарка? – мягко продолжал патрон.

– О, по одному ее виду заметно, что их у нее пропасть! Она – давнишняя наша клиентка, которую я отметил буквой Д, для того, чтобы знать, к каким именно хозяйкам ее определять...

Но Маскаро его уже не слушал, явно думая о чем-то другом.

– Зови, – произнес он.

И пока Бомаршеф ходил за кухаркой, произнес назидательным тоном:

– Как показывает мой двадцатипятилетний опыт, нельзя пренебрегать в делах даже самым малым...

Кухарка, зашифрованная буквой Д, вошла в кабинет.

Надо отдать должное Бомаршефу; стоило только глянуть на нее, как тут же становилось ясно, что известия, которые она принесла, просто взорвут ее, если она их не выскажет.

– Что скажете, моя милая? Как вам служится на новом месте, довольны ли вы тем, как мы подыскали вам место?

– О, превосходно, сударь! Хотя я знаю мадам Зору де Шантемиль всего один день...

– А, так она называет себя Зорой де Шантемиль?

– Именно, сударь! Хотя вы понимаете, что это не настоящее ее имя, по этому поводу мадам и монсеньор даже спорили. Она все хотела назваться Рахилью, ну, а монсеньор был за Зору...

– Ну, Зора так Зора, – серьезно заметил хозяин агентства, – ну, и что же дальше?

– Ну, должна сказать вам, хозяин, таких, как она, даже я не много видела! На моих глазах она уже спустила тысяч тридцать, если не больше!

– Экий чертенок!

– Да, уж надо отдать должное, денежки спускать она умеет, и ведь все в кредит! У самого-то ни гроша за душой, а туда же, без отцова ведома задал такой обед, что он один обошелся более тысячи франков!

До сих пор Маскаро не видел для себя в этой болтовне ничего интересного, и уже готов был послать к черту и кухарку, и Бомаршефа, который ее привел.

Ловкая особа это почувствовала и заспешила:

– Одну минуту, сударь, так вот, когда обед стал заканчиваться, все уже перепились и стали выбрасывать посуду в окно, один из гостей, который и не пил-то вовсе, уединился с мадам, и они разговаривали о...

– И вы слышали их разговор?

– Так точно, сударь! Они говорили о том господине, с которым раньше жила мадам. Его имя – Поль Виолен!

Маскаро поднял глаза.

– Ну, мадам рассказывала, что ей от него следовало отвязаться, потому что он вроде украл у кого-то двенадцать тысяч франков.

– Удалось ли вам узнать, кто был этот господин, с которым так откровенничала ваша хозяйка?

– О, нет, сударь, я слышала только, как другие называют его «артистом».

Но этих данных для Маскаро было явно недостаточно.

– Послушайте, моя милая, – обратился он к кухарке. – Не хотите ли вы сослужить мне службу?

– Еще бы, сударь, я готова в огонь и в воду для вас...

– Так много мне не надо, мне просто необходимы фамилия и имя этого «артиста», судя по вашему описанию, он может оказаться одним из моих должников.

– Извольте, сударь, вы всегда можете положиться на меня! Сегодня мне будет некогда, у меня много работы, но завтра либо послезавтра вы будете иметь и его адрес впридачу!

Затем она вышла, и Маскаро ударил кулаком по столу и воскликнул:

– Предсказания этого Ортебиза сбываются, будто он ворон! Слава Богу, что я еще могу не упускать из виду эту комедиантку Розу и ее дурака, кажется, решившего окончательно разориться!

– Ну, что ты там вздыхаешь и кашляешь, – обратился Маскаро к Бомаршефу, – иди сюда и слушай: эта шельма, Роза, хоть и говорит, что ей всего девятнадцать лет, хотя в самом деле ей давно за двадцать, сумеет вконец обчистить этого идиота Ганделю, которого бы я на месте его отца просто запер бы подальше...

– Вы хотите сказать, патрон...

– Я хочу сказать, что через двое суток мне нужны все сведения о положении этого недоростка, его отношениях с отцом, характере самого отца и положении его в свете!

– Слушаюсь, для этого дела возьму Канделя с компанией.

– И еще. Так как он везде и всюду занимает деньги, нужно будет познакомить его с нашим почтенным другом Вермине, директором «Общества взаимного кредита».

– Ну, уж это дело Тантена, – осмелился напомнить Бомаршеф.

Маскаро был слишком озабочен, чтобы рассердиться за эту вольность.

– Что же касается этого нового «артиста», – шептал он про себя, – то, храни его господь, если он встанет мне поперек дороги!

Через некоторое время он мирно заметил Бомаршефу:

– Друг мой, я слышу, там много народу, займись-ка своим непосредственным делом.

Но бывший кавалерист, не двигаясь с места, заявил:

– Прошу извинить меня, патрон, но есть основания считать, что Кандель берет и с другой стороны...

– Вот как! Возьми стул и рассказывай!

Подобная честь – разговаривать с патроном сидя, восхитила Бомаршефа.

– Еще вчера я решительно ни в чем не был уверен, – начал он свой рассказ, – но сегодня, когда я еще спал, ко мне в дверь постучали. Отворив, я увидел Тото-Шупена...

– Он еще не пропал после поисков Каролины Шимель?

– Ничуть не бывало, патрон, он даже имел с ней разговор за чашкой кофе!

– Гм, это недурно!

– О, этот негодяй Тото – смысленный малый! Если бы он только был немного честнее!.. Ну, так послушайте: он предполагает, что эта девка пьет оттого, что у нее на душе какой-то грех, ей все время что-то чудится, и она до того напугана, что боится квартировать одна. Сейчас, например, она нашла приют в семье каких-то ремесленников, которые ее кормят, одевают, обувают и укладывают спать, когда она является пьяная. Она, в свою очередь, помогает им, так как деньги у нее водятся...

Лицо Маскаро омрачилось.

– Не очень-то это удачно, что она все время не одна. То есть, к ней невозможно прийти незаметно. Впрочем... Где проживает это семейство?

– На самом верху Монмартра, еще выше, чем Красный замок. По улице Меркаде...

– Прекрасно. Тантен навестит их. А пока пусть Тото старается не упустить эту дуру.

– Будьте уверены! Он даже сообщил о своем намерении узнать и другие ее привычки, связи и источник, из которого она черпает деньги!

Тут он ненадолго остановился, но потом так многозначительно стал подкручивать свои нафарбленные усы, что Маскаро, хорошо знавший своего подручного, прямо спросил его:

– Ты еще не все сказал, Бомар?

– Да, патрон! Только, пожалуйста, не сердитесь. Я бы вам советовал не слишком доверять Тото-Шупену. Я узнал, что нередко он заботится больше о своей выгоде, чем о нашей. К тому же обкрадывает нас и учит новичков набавлять цену!

– Ты бредишь, Бомар!

– Никак нет, патрон! Дело в том, что узнал я об этом совершенно случайно от его же приятеля, который зашел к нам в контору, разыскивая его.

– Ну, хорошо, – произнес Маскаро, – я разберусь с этим делом и, если окажется, что ты прав, то он у меня еще напляшется...

На этот раз Бомаршеф, наконец-то, удалился из кабинета, но тут же был вынужден вернуться.

– Патрон! Человек от маркиза Круазеноа с письмом!

– Дьявольски спешит что-то маркиз, – недовольно заметил Маскаро, – но, впрочем, зовите его человека сюда.

Лицо вошедшего не выражало абсолютно ничего.

– Мне поручено доставить вам письмо от маркиза Круазеноа, – ровно и медленно произнес он.

– Я думаю, любезный, что твой господин поднялся сегодня до зари, – шутливо обратился к нему Маскаро.

– Господин маркиз, – отвечал тот, – платит мне пятнадцать луидоров в год за удовольствие говорить мне «ты», следовательно, он может считать себя вправе делать все, что ему вздумается.

– Так, так, так, – озадаченно пробормотал Маскаро, – значит, нужен ответ, ну, что ж, в таком случае вам придется подождать...

Распечатав письмо, Маскаро прочел следующее:

«Дорогой мой наставник!

Жизненные бури непрестанно преследуют меня. Вчерашнюю ночь я играл так несчастливо, что, не считая всех находящихся при мне денег, проиграл еще три тысячи на слово. Эта сумма должна быть мною представлена до двенадцати утра. Этого требует моя честь «...»

Достойный комиссионер, не стеснясь слуги, пожав плечами, насмешливо произнес:

– Извольте радоваться! Его честь требует! Честное слово, тут не соскучишься... Его честь!

На лице лакея не дрогнул ни один мускул.

Маскаро снова взялся за письмо:

«Я нисколько не сомневаюсь, что вы дадите мне этот пустяк, я надеюсь также, что вы будете столь догадливы, что пришлете еще двести луидоров, так как не могу же я жить без копейки в кармане. И еще я хотел бы знать, как движутся наши дела, ведь у меня, практически, петля на шее. Вполне преданный вам, маркиз Генрих де Круазеноа».

– Вот тебе на! – проворчал комиссионер, – пять тысяч франков ни за что, ни про что! Раскошеливайся, Маскаро, выкладывай свою кассу для болвана, у которого только и есть, что имя, доставшееся ему даром от благородных родителей. Не будь мне так нужно твое имя. ты бы дождался от меня этого «пустяка»!

Медленно и с видимой неохотой Маскаро встал и подошел к бюро, из кассы которого незадолго до того обещал выдать тысячу-другую Ортебизу. Теперь он вынужден был отказаться от этого намерения, посылая деньги Круазеноа.

– Вам, конечно, потребуется расписка, – заметил слуга.

– Нет, не потребуется, письмо маркиза вполне заменит ее. Впрочем, погодите...

Маскаро заторопился, отыскивая в своей кассе двадцатифранковую монету.

– А это твоя доля, мой друг, – заметил он, вручая монету слуге.

Но тот вместо того, чтобы ловко схватить монету, резко отдернул руку.

– Извините меня, сударь, но, если я кому-то служу, то служу за жалованье и притом довольно высокое, так что в подачках не нуждаюсь, – отвечал тот с достоинством и, поклонившись, словно чистокровный квакер, медленным шагом вышел из кабинета.

Маскаро только руками развел от этого невиданного зрелища.

– И откуда только добыл себе Круазеноа такого редкого зверя, – проворчал он с некоторым беспокойством. Какое-то темное предчувствие не давало ему покоя. И все из-за того, что встретил порядочность и честность в обыкновенном слуге...

– Уж не подлог ли тут? Черт возьми! Вот был бы сюрприз! И как раз тогда, когда дело близится к завершению и остается только протянуть руку и взять искомое! Да, видимо, со мной сегодня что-то не в порядке!

Действительно, чем ближе наш герой приближался к цели своей удивительной игры, тем опасливей он становился. Он уже пугался собственной тени...

В эту минуту в кабинет снова вошел Бомаршеф.

– Опять ты здесь, – вскричал Маскаро, окончательно теряя терпение, – кто тебя звал? Будет у меня хоть минута покоя?!

– Но я же ни в чем...

– Убирайся вон!

Но смиренный и преданный кавалерист не трогался с места.

– Там пришел этот новенький!..

– Поль?

– Он самый!

– Черт бы его побрал, что он шляется не в свое время, я ему назначил в час, чего же он суется раньше?!

Далее он вынужден был сдерживаться, ибо Бомаршеф забыл запереть дверь. Поль, весь какой-то потерянный и истерзанный, в страшном волнении вошел в кабинет, было заметно, что с ним случилось нечто ужасное, чего его слабая, бесхарактерная натура вынести не могла.

– Ах, милостивый государь! – воскликнул он.

Маскаро знаком заставил его замолчать.

– Оставьте нас, Бомар, – заметил он своему помощнику. – А вы садитесь в кресло, – прибавил он, обращаясь к взволнованному Полю.

Тот не сел, а прямо-таки упал в него.

– Конец, всему конец, – пробормотал он, – я пропал, я опозорен и обещен!

Достойный старец скорчил участливую мину, хотя причина, убивавшая в настоящую минуту Поля, была ему как нельзя лучше известна. Но такова была его профессия, что он был обязан лгать, и лгать ежеминутно.

Нежным голосом, поистине с родительским участием, он стал расспрашивать Поля, в чем дело, умоляя доверить ему свое горе.

Поль, с невыносимой болью в груди и с неподдельным трагизмом, встал и объявил ему:

– Роза! Роза меня бросила!

При этом Маскаро вскинул обе руки к небу, как бы призывая его в свидетели того, какие пустяки могут тревожить его молодого друга.

– И такие пустяки вас тревожат, – с неподдельным изумлением вскричал он, – и когда же, когда! В дни, когда перед вами открылось столь славное будущее!

– Ах, сударь, я любил ее, любил мою Розу. Но это еще не все! Кроме этого несчастья судьбе было угодно подкинуть мне еще одно! Можете себе представить, меня обвиняют в воровстве!

– Вас?! – переспросил Маскаро, – каким же это образом?

Между тем, как мысленно добавил: «Ага, начинается!»

– Да, меня, милостивый государь! И вы один только можете меня оправдать, доказав, что я невиновен!

– Что же я могу сделать?

– О, все! Бога ради, позвольте только мне объяснить вам, как случились оба эти несчастья...

– Говорите!

– Вчера, милостивый государь, после нашей беседы, отправился в свой отель «Перу», чтобы там, в своей семье, со своей Розой разделить радость, как вдруг вместо нее нахожу там одну лишь записку, лежащую на камине! Вот она!

Поль протянул было ему записку, но тот уклонился от удовольствия читать ее.

– В этой записке она признается, что разлюбила меня, а потому, не желая более делить со мной нищету и голод, решила принять одно предложение, доставившее ей бриллианты, карету и все остальное...

– Погодите, довольно. Неужто вас это так поражает?

– Ах, сударь, мог ли я ожидать столь низкой измены, когда еще вчера она оказывала мне столь явные знаки своей любви... И вдруг... Более часу пробыл я в своей комнате, стыдась смотреть самому себе в лицо, рыдая как ребенок от одной только мысли, что не увижу ее больше...

Маскаро внимательно слушал своего протеже.

«Ну, ты слишком много говоришь, друг мой, для того, чтобы горе твое было поистине так велико, как ты силишься его изобразить» – подумал он про себя, вслух же произнес:

– Но где же воровство? До сих пор я вижу только отчаяние, а не причины, вызвавшие его.

– Погодите, сейчас увидите, – всхлипывая, продолжал Поль, – следуя вашему совету, я решил навсегда оставить отель «Перу»...

– В добрый час, давно пора!

– С этой целью я спустился, чтобы проститься и отдать свой долг этой мадам Лупиас, как вдруг она заявила, при этом смеясь мне в лицо, будто бы я вместе с Розой обокрал старого Тантена!

– Ну, и что же, вы не пытались как-нибудь оправдаться?

– Помилуйте, я потерял голову от такого унижения и горя! Лупиас была так уверена, что я вор и мошенник, что, по всей вероятности, не стала бы и слушать меня! Она говорит, что еще накануне спрашивала денег у Розы и видела меня настоящим оборвышем, но вдруг я превратился во франта, а Роза и совсем исчезла!

– Что же тут странного, что бедная женщина потеряла голову, ее и винить-то в этом нельзя!

– Нет, нет, дело совсем не в этом! Вся беда произошла от фруктовщика Мелюзена, у которого Роза меняла пятисотенный билет, занятый нами у Тантена! Он-то и трубит на весь квартал, что мы с Розой – воры и что агент тайной полиции и жандармы уже следят за нами. О, это ужасно! Я умру от стыда и позора!

– Но, скажите на милость, кто мешал вам сказать правду?

– Много ли бы это помогло? Лупиас известно, что я не знаком с Тантеном, следовательно, она рассмеялась бы мне в лицо, если бы я сказал, что занял эти деньги у него!

У достойного старца лицо стало еще серьезнее, он как бы пытался решить труднейшую в мире задачу.

– Мне кажется, я начинаю понимать, что именно доставило вам столько горя, молодой человек!

Поль слушал его с таким видом, словно вся его жизнь зависела от Маскаро.

– Слушайте! Тантен, имея в своем распоряжении чужие деньги, по доброте (он очень добр и честен, этот Тантен!), видя вашу крайнюю бедность, предложил вам известные пятьсот франков. Затем, к вечеру, когда ему было нужно идти отдавать отчет, он, не зная, что сказать, вообще потерял голову и не придумал ничего лучшего, как объявить, что недостающую сумму украли. Начали строить догадки, а так как бедственное ваше положение было известно всем в доме, то его резкое изменение к лучшему не могло не вызвать подозрения.

Поля из страшного горя бросило в не меньший ужас, холодный пот выступил у него на лбу, губы посинели, он видел себя уже арестованным, судимым и приговоренным к суровому наказанию.

Маскаро едва сдерживал себя, боясь расхохотаться, в душе похваливая ловкость Тантена, с которой тот запустил эту утку.

– Но, милостивый государь, вам ведь известна истина, вы же можете подтвердить ее суду, – отчаянно хватался Поль за возможность найти спасение.

– Увы, вряд ли вам поможет мое заявление, – печально сказал Маскаро, – суд состоит из таких же людей, как и мы, и для того, чтобы оправдать человека, ему потребуются более веские доказательства, чем мое заявление. В настоящем же случае, посудите сами, все улики и доказательства – против вас.

Последний довод добил Поля.

– Стало быть, ничего, кроме смерти, мне не остается, – пробормотал он, – или придется смириться с бесчестьем...

Безусловно, доводы достойного старца могли смутить только такого наивного человека, как Поль. Жалкий и напуганный, он был уже готов на все, лишь бы отдалить день своей катастрофы. Именно этого и добивался знаменитый аферист. Желанный момент настал, и он уже готовил последний удар...

– Зачем же так отчаиваться? Подумаем, поговорим, может, еще найдем способ спастись, – произнес он с истинно родительским участием, ободряюще улыбаясь несчастному.

Поль ничего не ответил. Вряд ли он даже расслышал эти слова.

Но Маскаро надо было, чтобы его слышали. Он бесцеремонно ухватил его за рукав и начал трясти.

– Где же ваша энергия, где бодрость духа? Почему вы при первой же опасности приходите в такое отчаяние? Вы же мужчина, в конце концов!

– К чему мне теперь все, – жалобно простонал Поль.

– Как, к чему?! Вы же не дали мне досказать! Пока что я нарисовал только мрачную сторону картины, но существует же и другая! Положим, Тантен, если он в настоящее время арестован, сваливает беду на вас, но ведь можно попытаться убедить его сказать правду...

– Действительно, – проговорил Поль, оживая по мере того, как со словами Маскаро в него вливалась надежда.

Натуры, подобные Полю, при малейшем несчастье сразу же падают духом, зато при первом же проблеске надежды считают себя уже спасенными.

То же самое случилось с Полем и теперь. Минуту назад он считал себя погибшим, а при последних словах Маскаро видел себя уже спасенным.

– Благодаритель! – вскричал он, едва не кидаясь ему на шею, – когда же я смогу отплатить вам за все, что вы для меня делаете!

Маскаро опять загадочно улыбнулся.

– Сможете, сможете, – ласково заметил благодаритель, – пока же, прошу вас, забудьте о своем прошлом, станьте другим человеком, вам надо полностью переродиться!

Поль глубоко вздохнул.

– И Розу забыть прикажете? – пробормотал он печально.

Маскаро нахмурился.

– Опять вы за старое, – укоризненно сказал он, – правда, я знал довольно многих, которыми крутили женщины, но никак не предполагал, что и вы окажетесь из их числа. Что ж, если вам угодно, бегите за ней, бросьтесь перед ней на колени и умоляйте простить вам вашу нищету и бедность!

Перед этой насмешкой Поль не устоял.

– Вы меня не поняли, я хочу мести для этой...

– И это излишне! Самое лучшее – позабудьте о ней навсегда!

Вопреки сказанному в глазах у Поля все еще явно читалось страдание, что явно не нравилось Маскаро.

– Ну вот, вы человек с самолюбием, а не можете отделаться от таких пустяков, как связь с женщиной!.. Ну, далеко ли вы пойдете с такими убеждениями? Нет, мой друг, для того, чтобы начать ту жизнь, которую я вам предлагаю, надо иметь свободные руки...

– Постараюсь следовать вашим советам! – произнес Поль, на этот раз уже гораздо тверже.

– Наконец-то услышал от вас что-то дельное! И, поверьте мне, что скоро вы сами начнете благодарить судьбу за то, что она разлучила вас с Розой! Вы достойны более высокой партии...

Много лет играл Маскаро на человеческих слабостях, ему ли было не совладать с Полем!

– Значит, милостивый государь, я могу рассчитывать на это место с двенадцатью тысячами?

– Э, бросьте, мой любезный, никакого места никогда я не имел в виду...

Поль побледнел, он вдруг увидел себя опять без гроша, опять в отеле «Перу», вдобавок совершенно одинокого...

– Однако... как же это... вы подали мне столь большую надежду... – бормотал он бесвязно.

– Что вы будете иметь двенадцать тысяч в год? Я и не отрекаюсь от своих обещаний! Вы будете их иметь всегда, если не больше, если только согласитесь не расставаться со мной. Я, как видите, стар, детей не имею, вы будете мне вместо сына...

При этом неожиданном предложении лицо Поля сильно омрачилось. Мысль, что он будет гнуть спину в конторе агентства, вписывая и отмечая лишь одни имена да заказы, далеко не соответствовала ни его ожиданиям, ни его честолюбию.

Маскаро хорошо видел, что с ним происходило.

«И подобное ничтожество с таким-то честолюбием, – удивился он про себя, – ну, если бы не Флавия, да не дело герцога Шандоса, я бы показал этому идиоту, что значит задирать передо мной нос!»

Однако вслух он произнес совершенно иное:

– Не воображайте только, дитя мое, что я задумал закабалить вас скучной конторской работой! Ничуть не бывало! Вы мне нужны для совершенно других целей, более достойных вас!

У Поля отлегло от сердца.

– С самого первого нашего свидания вы мне очень понравились, и я дал себе слово подумать о вашем блестящем будущем. Конечно, – думал я, – в настоящую минуту он беден и мало знаком с жизнью, но при его красоте, воспитании и уме, почему бы ему и не жениться на одной из тех богатых наследниц, которые приносят миллионы тем, кто сумеет овладеть их сердцем?

– Увы, я не представляю, чтобы это было возможно!

– Отчего же «увы»? Разве вы не отказались от надежды снова обладать Розой?

– О, нет, нет! Я хотел сказать...

– А я, в свою очередь, хотел сказать, что имею на примете богатейшую наследницу, которая, если и не так хороша, как Роза, зато превосходной фамилии, умна и образованна. Она при мне не раз выражала мнение, что готова разделить свою жизнь и богатство с человеком бедным, лишь бы он имел талант и был хорошо образован...

Поль покраснел. Когда-то он сам мечтал о счастье жениться на какой-нибудь сказочной принцессе, прельстившейся его красотой и талантом композитора.

– И, кто знает, какая судьба еще ждет вас впереди, – продолжал Маскаро, – слышали ли вы о законе девяносто третьего года? По нему все незаконнорожденные дети приписывались дворянам. Вам не известно имя вашего отца? Нет? Ну, так знайте, что он может носить одно из великих имен Франции и в настоящую минуту, может быть, ищет вас повсюду, чтобы отдать вам и свое имя, и свое богатство! Хочется вам быть герцогом?

– Что вы говорите, милостивый государь, – бормотал Поль.

Маскаро рассмеялся.

– Вы не подумайте только, что все это уже совершилось, – прибавил он наставительно.

– Да, но что же вы требуете от меня?

Достойный мошенник скорчил суровую мину.

– Чего я требую? – переспросил он, – я требую одного – послушания, но послушания полного и безусловного!

– Извольте, я буду вас слушаться во всем! – вскричал Поль почти в экстазе, – но Бога ради, скажите мне, не смеетесь ли вы надо мной?!

Вместо ответа Маскаро позвонил. Вошел Бомар.

– Бомар, ты останешься пока в конторе один. А мы по дороге зайдем позавтракать в ресторан, где мне еще нужно переговорить кое о чем... Потом, Поль, я вам покажу девушку, которую назначаю вам в невесты – нужно же, в самом деле, выяснить, понравится ли она вам.

Глава 11

Ван-Клопен, знаменитый в Париже дамский портной, после многих крушений встал, наконец, на вершине парижской моды, а, значит, и славы. Родом из Роттердама, отличавшийся недурным вкусом, однажды он поймал удачу в образе двух известнейших щеголих нашего времени – герцогини де Сермез и прелестной Женни Фанси.

Первая из них, столь же знаменитая своей эксцентричностью, сколько древностью своего рода и положением в свете, до безумия любила наряды и, надо отдать ей должное, умела ценить тех, кто ей угождал по этой части. Другая, бывшая в то время содержанкой графа Треморела, не знала счета своим деньгам, целиком спуская их на те же наряды.

Эти две законодательницы мод, одна – большого света, другая – так называемого полусвета, вывели в люди Ван-Клопена, и с их легкой руки успех его стал расти с изумительной силой и быстротой. В настоящее время у Ван-Клопена не было никаких конкурентов. Низенький, толстенький человек, он не отличался ни красотой, ни достоинством, зато в его взгляде явно светились наглость и цинизм. Таков был еще один приятель и компаньон Маскаро! Еще бы, все аристократы и знаменитые кокетки, все одеваются у Ван-Клопена, называя его с милой бесцеремонностью: наш прелестный, обожаемый Клопен! Как же после всего этого Маскаро мог не быть с ним в самых дружеских отношениях!

Надо отдать должное, Клопен умел держать своих почитателей в руках. Горе той, которая ему задолжает! Он, как вампир, все равно высосет из нее нужную ему сумму.

Подкрепившись в ресторане, Маскаро повел Поля к своему другу, объяснив предварительно, что в залах его огромного заведения они легко могут встретить ту, которую Маскаро назначил Полю в спутницы жизни.

Через пять минут они уже входили в роскошный подъезд с богато убранной лестницей, по которой поднялись в великолепный зал, задрапированный богатыми тканями, убранный бронзой и зеркалами. Лакеи бросились снимать с них пальто.

– Господин Ван-Клопен в настоящую минуту занят с одной русской княгиней, – сообщил один из них, – но если монсеньору угодно, я пойду ему доложить, и он примет его в своем кабинете.

По этому разговору вполне можно было судить, каким почетным посетителем и в то же время близким человеком был Маскаро во владениях Ван-Клопена.

– Не надо, пусть работает, мы не спешим, – отвечал он со скромным достоинством. – А в общей приемной много народу?

– Дам двенадцать, по крайней мере. Теперь время балов...

– Прекрасно. Идемте Поль, посмотрим на этих дам, нас это, кстати, развлечет в ожидании хозяина.

И, не спрашивая ничего больше, он, как у себя дома, направился к одной из бархатных портьер зала, откинув ее, вошел в следующую комнату, пропустив впереди себя Поля.

Маскаро улыбался.

«Ну, теперь ты у меня не вырвешься, – решил он про себя, – можешь любить, что хочешь: ее или приданое, но я из тебя сделаю то, что мне надо!»

Остановившись на этом «родительском» решении, он обратился к своему названному сыну с новым вопросом:

– Хотите знать ее имя?

– О, да!

– Флавия!..

...Поль не мог насмотреться на обольстительную смуглянку, она стояла к нему в профиль и, как он считал, забыв об игре зеркал, не замечала его.

Он так усердно был занят этим, что не слышал, как отворилась дверь, и Ван-Клопен вошел в комнату. В жабо и манжетах из дорогих брабантских кружев, с огромным солитером на пальце... Дамы бросились к своему кумиру.

Но законодатель мод заметил в углу на диване сидящего Маскаро, и с самой сладкой улыбкой попросил обождать любезных заказчиц.

– Как, это вы, мой любезный Маскаро! – воскликнул он и поспешил к нему, – тысяча извинений, что заставил вас ждать!

Это было сказано вслух и довольно громко, затем он что-то шепнул Маскаро, а затем опять вслух:

– Будьте так добры, перейдите с месье в мой кабинет и подождите меня там.

Едва Ван-Клопен проводил своего друга, как к нему кинулась одна из заказчиц. Лицо ее было озабочено, дрожащей рукой она прикоснулась к руке знаменитого портного, увлекая его в небольшой коридорчик, прилегающий к приемной.

– Ради Бога, уделите мне минуту времени, – проговорила она рыдающим голосом.

Ван-Клопен рассеяно взглянул на нее.

– Что с вами?

– Ах, вы не можете себе представить, в каком я отчаянии! Завтра кончается срок моего векселя на три тысячи, подписанный мною для вас.

– Такое вполне может быть.

– Да, но у меня нет денег, чтобы оплатить его!

– А у меня тем более.

– Я приехала умолять вас отсрочить мне срок уплаты, переписать его на два месяца, на каких угодно условиях...

Дамский портной пожал плечами.

– Через два месяца вы его точно так же будете не в состоянии оплатить. Поэтому я прямо вас предупреждаю: если вексель завтра не будет оплачен – его опротестуют.

– Но, Боже мой, ведь тогда узнает мой муж...

– Я на это и рассчитываю, я знаю, что он заплатит по нему.

Несчастную женщину бросило в дрожь.

– Да, он заплатит, но тогда я пропала!

– Ничем не могу вам помочь, у меня ведь есть компаньоны.

– О, умоляю вас, не говорите со мной так! Спасите меня! Муж уже трижды оплатил мои долги и заявил мне, что если я задолжаю еще раз... Впрочем, дело даже не во мне, если бы я была одна... но у меня дети, а мой муж может отнять их, рассердившись на меня! Имейте же сострадание к ним, мой добрый, любезный Клопен!

В отчаянии дама ломала руки, готовая, казалось, упасть к его ногам.

Но знаменитый портной был холоден, как мрамор.

– Напрасно вы, имея детей, делали долги! Матери семейств берут себе портных на дом поденно, среди них встречаются весьма недурные мастерицы, – заметил он спокойно.

Бедная жертва роскоши и тщеславия, пытаясь смягчить сердце Ван-Клопена, схватила его руку и прижала к своим губам.

– Если бы вы знали! Я не смею показаться домой, у меня не хватает смелости признаться мужу...

Громкий смех был ей ответом.

– Если вы так боитесь своего мужа, обратитесь к чужому, – бесцеремонно ответил он ей, оттолкнул от себя рыдавшую женщину и пошел в кабинет, где его ожидали Маскаро с Полем.

– Слышали? – воскликнул он, с сердцем захлопнув за собой дверь, – слышали вы эту трогательную сцену? Черт возьми, она всего меня намочила своими слезами!

Поль был глубоко взволнован. Если бы у него были эти три тысячи, он бы, не задумываясь, сейчас же отдал бы их этой несчастной.

– Это ужасно, – заметил он.

Замечание Поля задело хозяина.

– Во-первых, в данном случае страдают не только мои интересы, но и интересы моих компаньонов, а во-вторых, знаете ли вы, что это за существа, которых я одеваю? Мать, отца, мужа и детей впридачу они променяют на возможность блеснуть в обществе, на возможность затмить хотя бы роскошью туалета своих соперниц... Случаи, подобные этому, – единственное средство, заставляющее их вспомнить, наконец, о своей семье!

– Вы понапрасну теряете время, – сказал Маскаро, – между тем я хотел просмотреть счета. Но в зале еще так много народа...

– И это обстоятельство вас смущает? – искренне удивился знаменитый портной, – погодите минуту!

С этими словами он вышел и за дверью раздался его голос:

– Я в отчаянии, что заставляю вас ждать, но, видите ли, я должен привести в порядок свои расчеты с одним из моих поставщиков, которые, к сожалению, нельзя отложить. Но, чтобы не заставлять вас ждать, я попросил бы...

– Мы подождем! – дружно ответил ему хор женских голосов.

Ван-Клопен вернулся с торжествующим и гордым видом.

– Как видите, дело сделано! Бедные кошечки готовы ждать своего портного хоть до полуночи. И прождут, будьте уверены! Таковы уж характеры парижанок! Будьте с ними вежливы и добросовестны – и они начнут вами пренебрегать. Смейтесь над ними – они только сильнее станут гоняться за вами! Если бы меня вдруг оставило счастье, и я вынужден был бы закрыть свой салон, то над дверью я сделал бы надпись: «Для публики вход закрыт». Уверяю вас, что на другой же день заказчицы выломали бы дверь!

Маскаро кивнул головой в знак согласия, меж тем, как его приятель уже вынимал книги из шкафа.

– Никогда еще у нас не шли дела так хорошо, как сейчас, – заметил он, достав толстую книгу и раскрывая ее перед Маскаро. – Сезон в полном разгаре и за девять прошедших дней, пока вы не были здесь, сумма заказов достигла восьмидесяти семи тысяч франков.

– Превосходно! Но оставим все это до более свободного времени, мне некогда, я спешу...

Ван-Клопен начал перелистывать книгу.

– Вот, – начал он, – четвертого февраля мадемуазель Виргиния Ключ заказала пять костюмов: два домино и три городских костюма.

– Это много.

– Она должна безделицу: тысячу восемьсот франков.

– И это уже много, если, как я слышал, ее покровитель разорился. Не отказывайте, но и не делайте ничего до нового приказа.

Вместо ответа Клопен сделал какую-то пометку и перевернул лист.

– К шестому того же месяца, – читал он, – графине Мюсидан сделано: платья для нее самой и для дочери, для последней белое, без всякой отделки! Послушайте, ее долг очень уж высок – не прекратить ли? Граф ведь ничего не заплатит, он предупредил заранее.

– Не беда, делайте! Ее надо затянуть покрепче...

Новая пометка в книге.

– Седьмое... Мадемуазель Флавия Мартен-Ригал, – новая заказчица, надо полагать, дочь банкира, просит открыть ей кредит.

При этом имени Поль задрожал, но достойный его учитель, намеренно не заметив этого, заговорил громче:

– Подчеркните хорошенько и запомните эту фамилию – Мартен-Ригал. Все, чего бы ни пожелала эта молодая особа, даже если это будет весь ваш салон, должно быть сделано как можно лучше и с глубочайшим уважением и почтительностью. Малейшее невнимание с вашей стороны доставит вам кучу неприятностей. Начните с того, что после моего ухода, пригласите ее первой, слышите?

Знаменитый портной устался на своего друга с заметным удивлением, но, получив взамен не менее красноречивый взгляд, понял и покорно кивнул.

– Будет исполнено. Теперь, восьмого появляется новый заказчик, молодой человек, какой-то Гастон Ганделю, рекомендованный мне, впрочем, ювелиром Лупереном. Сам-то он ненадежен, но, говорят, что его отец очень богат и, кроме того, ему лично достанется очень значительное наследство. Он просит открыть кредит на пятнадцать-двадцать тысяч его содержанке.

При последних словах Маскаро с улыбкой глянул на своего протеже. Но Поль был совершенно спокоен. Имя Ганделю ему ни о чем не говорило.

– Вчера я видел эту госпожу, – продолжал, ничего не понимая, знаменитый портной, – она назвалась вымышленным именем – Зора де Шантемилль. Ах, черт возьми, какая хорошенькая!

Маскаро соображал некоторое время.

– Послушайте, дорогой, этот молодой человек меня очень стесняет, и я дорого бы дал, чтобы на время его удалить из Парижа. Придумайте что-нибудь...

Спустя миг Ван-Клопен радостно воскликнул:

– Придумал!.. Есть выход... Он для своей красавицы пойдет на все, что угодно...

– Еще бы!

– В таком случае мы будем действовать следующим образом. Сначала я открою ему небольшой кредит, потом, как только от нее поступит срочный заказ, я сошью, например, но когда надо будет отдавать, скажу, что без некоторых гарантий от нашего общего друга Вермине отдать заказ не могу. А тот уже сумеет придумать такое, что из него можно будет вить веревки!..

– Прекрасно, но только тут есть одна неудобная вещь...

– Какая же?

Вместо ответа Маскаро взял его под руку и отошел с ним к окну. Там они о чем-то шептались...

Побледневший Поль пугливо озирался. О чем могли шептаться эти два человека? После всего увиденного и услышанного Поль стал догадываться, что его благодетель далеко не так чист и бескорыстен, как пытался это представить ему.

Он попытался проанализировать все услышанное: графиня Мюсидан, которую требовалось пустить по миру; Флавия – дочь богатого банкира, которой он предназначался в мужья; несчастный Ганделю – страстью которого пытались воспользоваться в каких-то темных целях... Значит, и сам он не более, чем орудие в преступных руках!

Только теперь, пожалуй, слишком поздно, для него стала ясна картина с Тантенем, давшим ему первые пятьсот франков!

Он ужаснулся. Правда, не так, как ужасается честный человек, столкнувшийся со злодейством, а как мелкий мошенник, дрожащий за свою шкуру.

Поняв, что Маскаро не просто мошенник, а, пожалуй, еще и преступник, Поль принялся успокаивать себя тем, что он настолько опытен, что вряд ли попадется.

В его голове еще свежо было сообщение о том, чьим сыном он может быть и обладателем какого состояния станет, женившись на этой обольстительной девочке, показанной ему Маскаро.

Меж тем опытный искуситель нарочно потихоньку приоткрывал перед ним истинное свое лицо прежде, чем прямо сказать, для чего тот ему нужен. Он находил, что наглядный способ обучения самый эффективный.

Читая в душе Поля, как в раскрытой книге, он нарочно продолжал разговор в том же направлении...

– Ну, а под конец, – главное, для чего я стремился к вам: как обстоят наши дела в отношении виконтессы Буа д'Ардон?

Дамский портной всем своим видом изобразил удовлетворение, а потом уже произнес:

– Готовим ей целую серию изумительных нарядов.

– А сколько за ней?

– Больше двадцати пяти тысяч, правда, она бывала должна и больше!

Маскаро тер свои очки.

– Поистине эту женщину оклеветали! Действительно, она расточительна и тщеславна, возможно, несколько больше нормы кокетлива, но... и только! В течение пятнадцати дней я самым тщательным образом следил за ней, но не нашел ни одного грешка, способного подчинить ее нам. Слава Богу, что хотя бы долги держат ее в наших руках. Знает ли ее муж о том, что она у нас имеет кредит?

– Разумеется, нет! Он ей дает такую бездну денег на расходы, что если бы он узнал еще и о кредитах...

– Отлично, значит, следует ему открыть глаза!

– Бог с вами! – удивился Ван-Клопен, – да она только на прошлой неделе рассчиталась полностью!

Но эти слова, казалось, не возымели на Маскаро никакого действия.

– Я бы попросил раз и навсегда избавить меня от ваших советов и замечаний, скажите-ка лучше, знакомы ли вы с домом виконтессы?

– Еще бы!

– Прекрасно! Значит, послезавтра, ровно в три часа, извольте быть у нее. Вначале вам откажут на том основании, что у нее посетитель, но вы назовете мое имя, и вас примут.

– Не надо, у меня хватит оснований, чтобы меня приняли.

– Ну, как знаете. Войдя, вы застанете виконтессу с маркизом Круазеноа. Надеюсь, вы его знаете?

– Чисто визуально...

– Этого вполне достаточно. Он вас не касается. Вы, едва войдя в комнату и увидев виконтессу, начинайте требовать деньги.

– Разве не понятно, что она просто прикажет выбросить меня за дверь!

– Все возможно, но, во избежание этого, вам надо успеть пригрозить ей передать счета ее супругу. Если же и это не поможет, смело усаживайтесь в кресло и заявляйте, что не уйдете до тех пор, пока не получите деньги.

– Легко сказать...

– Я думаю, что маркиз Круазеноа, желая прекратить подобную сцену, вытащит свой бумажник и предложит вам убираться вон.

– И что же я должен буду после этого делать?

– Разумеется, убраться, но прежде – взять с него расписку, что он заплатил по счетам виконтессы.

– Хоть убейте, но я ничего не понимаю!

– От вас этого и не требуется. Вы поняли, что я вам сказал?

– Понял. Все будет сделано, но учтите, что этой заказчицы я, разумеется, лишусь!

– Это абсолютно ничего не значит!

В эту минуту из зала послышался визгливый мужской голос.

– Что? Он занят? Его нельзя видеть?! Целый час она должна ждать его?! Я ему покажу, что значит заставлять меня ждать! Для меня у него найдется время!

Приятель переглянулись.

– Опять он, – проворчал Маскаро.

Ван-Клопен утвердительно кивнул головой. Дверь распахнулась, и молодой Гастон Ганделю, весь красный от волнения и злости, влетел в комнату. Короткий жилет, светлые панталоны, убийственный галстук и плоская физиономия, которая, казалось, прямо-таки нарывалась на оплеуху.

– Как вы смеете заставлять меня ждать целых двадцать минут! – заорал он с порога.

Если юный идиот думал ошеломить знаменитого портного, так он ошибся. Тот поспешно встал со своего места и, приложив руку к сердцу, произнес:

– Милостивый государь, если бы я знал, что именно вы ждете меня, я никогда не позволил бы себе...

Эта мелкая лесть восхитила Ганделю.

– Ну, если уж вы приносите свои извинения, то тогда... Внизу стоят мои лошади, вы их никогда не видели; дело в том, что они способны разнести все вокруг. Да и Зора тоже... Она просто не может ждать при ее темпераменте.

При этих словах он выскочил из комнаты, крича:

– Зора, мадам Шантемиль, обожаемая...

Портной вертелся, как на горячих углях. Он потерянно глядел на Маскаро, ожидая его помощи и поддержки, но тот, как ни в чем не бывало, отошел к лестнице и смотрел, чем же закончится эта сцена.

Поль же воспринял бестолковость и обезьяньи манеры этого идиота за образец изящного обращения великосветской молодежи, и бросился к Маскаро, чтобы скорее узнать его имя.

Язвительно улыбаясь, Маскаро прервал Поля:

– Чепуха, лучше приготовьтесь спокойно перенести то, что вас сейчас ожидает, в противном случае, сударь, я вынужден буду навсегда с вами расстаться.

Поль, не зная, что именно его ожидает, приготовился к худшему и правильно сделал, потому что при виде женщины, поднимавшейся по лестнице, он едва сдержал крик злобы и отчаяния.

Виконтесса Зора, или его обожаемая и сбежавшая любовница! Роза, та самая Роза, с которой еще два дня назад он делил любовь и нищету! Теперь она входила роскошная и сияющая, в изумительном туалете.

Она вовсе не выглядела застенчивой, и только одному Ганделю могло прийти в голову ободрять ее.

Но Роза и не слушала его. С надменным видом она уселась в кресло и небрежно повернула голову в сторону знаменитого портного.

– Что бы вы могли предложить госпоже Шантемиль из того, что соответствовало бы ее красоте? – произнес Ганделю, обращаясь к Ван-Клопену.

Тот медлил с ответом, заметив, что госпоже Шантемиль сейчас явно не до туалетов.

Нечаянно обернувшись в сторону, она увидела Поля и, как ни велика была ее дерзость, в первую минуту она до того испугалась, что чуть не упала в обморок.

Внешне спокойного Поля выдавали лишь глаза, готовые испепелить госпожу Шантемиль на месте.

Смушение Розы, однако, было настолько заметно, что даже Ганделю не смог его не увидеть. Не подозревая истинной причины, он решил, что это от радости.

Маскаро же, наблюдая эту сцену, решил, что для первого раза, пожалуй, достаточно и, взяв Поля за руку, поспешил откланяться.

– Ну, и каковы ваши впечатления? – спросил он, выходя на улицу.

Но самолюбие Поля было столь уязвлено, что он ответил проклятьем. Он был бледен, его пошатывало.

«Ничего, это тебе наука» – думал его наставник. – Для первого раза ученик держался недурно» – Ладно, завернем-ка в кондитерскую: надо чего-нибудь выпить.

И, действительно, после двух стаканов пунша лицо Поля порозовело.

– Полегчало? – спросил наставник и, получив утвердительный ответ, решил, что железо надо ковать, пока оно горячо.

– Пятнадцать минут тому назад вы, кажется, были расположены несколько иначе по отношению к этому молодому человеку, Ганделю... – начал он издалека.

Но Поль только умолял оставить его в покое.

Маскаро грустно улыбнулся.

– Однако, как быстро у людей меняются взгляды! С каким тактом и благоразумием вели вы себя сегодня!

– Да, я стал благоразумным, – с грустью отвечал Поль. – Но это не утешает меня. Вы были правы. Я решил стать богатым, и вам не понадобится больше подталкивать меня к этому. Наоборот, теперь я стану торопить вас. Я не хочу больше повторения сегодняшней сцены.

– Следовательно, вы озлобились?

– Нет. Что такое злоба? Она может пройти, а решение я менять не намерен...

Теперь, когда Поль столь настойчиво шел к намеченной Маскаро цели, тот решил несколько попридержать его. Такова тактика почти всех, кто пытается развращать молодые умы.

– Не стоит так стремительно бросаться в жизнь, сейчас вы еще вправе выбрать тот или иной путь, но завтра вы должны будете твердо заявить себе – то ли вы подчиняетесь мне безоговорочно, то ли выбираете себе что-либо иное...

– Уверяю вас, теперь я готов на все!

Маскаро торжествовал.

– Хорошо, – ответил он холодно. – В таком случае, завтра доктор Ортебиз представит вас Мартен-Ригалу, отцу Флавии, а я через неделю после вашего брака с нею, добуду вам герцогство и герб, который вы сможете поместить на своем экипаже!

Глава 12

Когда Сабина заявила Андре, что сама поговорит со своим женихом-бароном, она больше считалась со своей любовью, чем с наличными возможностями.

И лишь наедине с собой она представила, как трудно ей будет выполнить собственное решение.

Она пришла в ужас от мысли, что ей придется назначить свидание мужчине, которому к тому же придется открыть душу.

Ей легче было бы говорить даже с незнакомым человеком, чем с бароном, которого она знала с детства.

Приехав домой, она прошла к обеденному столу, терзаемая страхом.

Обед прошел в мрачном и торжественном молчании. Если Сабину терзал страх предыдущего решения, то граф и графиня подавно не могли быть веселы и разговорчивы, – он – после визита Маскаро, она – после разговора с Ортебизом.

В великолепной столовой неслышно скользила вокруг стола вымуштрованная прислуга...

В девять часов Сабина вернулась в свою комнату, все еще приучая себя к мысли о необходимости разговора с бароном Брюле.

В эту ночь она не смогла заснуть. Ей даже не пришло в голову избежать этого разговора или хотя бы отдалить его на некоторое время. Она дала Андре обещание и должна была выполнить его, зная, с каким нетерпением он ждет от нее известий.

Разумеется, и ей самой хотелось покончить с этим состоянием неуверенности и страдания.

Положим, никто не мог принудить ее к замужеству, но, откровенно говоря, Сабина не знала многого. Отцу она не доверяла, а матери – тем более.

Никогда не участвовавшая в их жизни, она, тем не менее, чувствовала, что над ними тяготеют какие-то нравственные муки.

Кроме того, выйдя из монастыря, где она воспитывалась, она чуть ли не с первых дней поняла, что является единственным связующим звеном между ними, что не будь ее – они давно разъехались бы в разные стороны. И, может быть, поэтому она у обоих вызвала чувство сильнейшей неприязни, если не ненависти.

Вот это, разумеется, послужило тому, что в ней развилась какая-то мрачная мечтательность, но в то же время она была самостоятельна и энергична.

Она взвешивала различные варианты: тайком оставить родительский дом, или вынести пытку откровенного разговора с бароном, или решиться напрямик заявить родителям об Андре и своем выборе.

До двенадцати часов мучилась она различными предположениями, у нее даже возникла мысль написать барону откровенное письмо, но, поразмыслив, она пришла в ужас от того, что ей придется доверить бумаге то, что она не решалась высказать вслух.

А время шло. Сабина понимала, что пора действовать, упрекала себя в безволии и бесхарактерности, но принять решение не могла.

Вдруг послышался шум подъезжающего экипажа.

Машинально подойдя к окну, она увидела фаэтон барона Брюле!

Таким образом, самая трудная часть ее задачи была решена.

– Неужели вы решитесь говорить с бароном в собственном доме? – воскликнула Модеста.

– Что ж в этом удивительного? Мать еще не одета, отца без его приказанья никто не побеспокоит, так что, встретив барона у входа и попросив его пройти в зал, я смогу свободно поговорить с ним.

Собрав всю свою волю, она сошла вниз, радуясь, что все так удачно складывается.

Поистине было чем гордиться бедному незаконнорожденному живописцу! Ведь именно его предпочла единственная наследница старинного имени всем известнейшим молодым людям Франции!

Барон Брюле-Фаверлей, во всяком случае, был из тех людей, на которых государство смотрит с уважением и надеждой.

Ему еще не было сорока лет. Прекрасная наружность, замечательный ум и редкие нравственные качества; к тому же – один из богатейших людей Франции.

Никто не мог понять, почему он держится в стороне от государственных дел. На вопросы любопытных он отвечал:

– У меня достаточно дел в своих владениях.

Было ли это скромностью или пренебрежением и гордостью, никто ответить не мог.

Но все хорошо знали, что барон Брюле-Фаверлей сумел сохранить в себе то, что испокон веков считалось лучшим во французском дворянстве: храбрость и рыцарское благородство, тонкий и великодушный ум, страсть к различного рода приключениям и опасности, без которых зачастую сама жизнь ни во что не ценится.

Говорили, что он имел огромный успех у женщин, но в то же время ни одна женская репутация не пострадала из-за него.

Поговаривали также о некой романтической истории, приключившейся с ним в молодости, но в чем именно она состояла, никто толком не знал.

Еще знали о том, что одно время барон был очень беден, не владея ничем, кроме своего древнего имени. Рано лишившись родителей, а с ними – привязанности и надежд, он отправился путешествовать по Северной Америке. Прожив там двенадцать лет, вернулся во Францию не богаче, чем был перед отъездом. Но в год его возвращения умер его дядя, маркиз Фаверлей, один из самых богатых людей Франции, сделав его единственным наследником громадного состояния с правом наследования его имени. Таким образом, из двух древних фамилий – барона Брюле и маркиза Фаверлея сложилась одна. Из страстей его всем была известна только одна – неистовая любовь к кровным лошадям. Каждый год он участвовал в скачках, но, естественно, как любитель, а не как продавец-заводчик.

Вот и все, что было известно о человеке, который держал сейчас в руках судьбу Андре и Сабины де Мюсидан.

Войдя в переднюю, он уже собирался задать прислуге стандартный вопрос: «Дома ли...», когда заметил взволнованную Сабину, спускавшуюся по лестнице. Обернувшись к ней, он почтительно поклонился.

Подойдя ближе, она обратилась взволнованным голосом:

– Барон, уделите мне, пожалуйста, несколько минут и желательно наедине.

Барон почтительно склонил голову, стараясь не дать ей заметить, насколько он поражен подобной просьбой.

– Я считаю за честь выслушать все, что вы захотите мне сообщить.

По знаку Сабины слуга распахнул дверь как раз в ту самую комнату, где накануне доктор Ортебиз вел беседу с ее матерью.

Девушка вошла туда первой, вовсе не заботясь о том, что придет в голову слугам. Она предложила барону сесть и, преодолевая сильное волнение, начала:

– Моя просьба, барон, лучше всего доказывает то глубокое уважение и доверие, которое я к вам испытываю.

На лице барона не дрогнул ни один мускул, хотя подобное вступление могло заронить в его голову любые предположения.

– Как друг нашего дома, – продолжала она, – вы легко должны были заметить, что я в собственном доме, при живых родителях, тем не менее, подобна сироте...

Стыд за то, что ей приходилось жаловаться чужому человеку, буквально душил ее и она, скомкав конец фразы, которую так тщательно обдумывала, почти скороговоркой окончила:

– Я умоляю вас взять назад слово относительно ваших намерений по поводу меня.

Эта просьба была для барона настолько неожиданной, что, невзирая на все свое умение держать себя в руках, он никак не смог скрыть своего удивления и горечи.

– Сударыня, – начал было он.

Но Сабина живо прервала его:

– Я прошу вас об этом, как о громадной и великодушной услуге, в ваших руках – возможность избавить меня от горя и неприятностей, тем более, что с вашей стороны это небольшая жертва, мы ведь не настолько знаем друг друга, чтобы я в ваших глазах заслужила что-нибудь больше равнодушия...

Лицо барона, однако, выражало совсем иные чувства.

– В последнем вы ошибаетесь, графиня, если вы думаете, что в моем возрасте я способен жениться без серьезного чувства, внушенного вашими достоинствами.

Сабина хотела что-то сказать, но барон продолжал:

– Мне не известно, чем я мог заслужить ваш отказ, но уверяю, что это такой удар, от которого нелегко оправиться.

Искренность, с которой все это было высказано, глубоко тронула Сабину.

– Поверьте, что мое состояние еще тяжелее вашего, вы ничем не заслужили отказа, и я была бы рада стать вашей женой, если бы...

– Если бы?... – повторил он, ожидая продолжения.

Сабина опустила глаза, чтобы скрыть смущение, и тихо произнесла:

– Если бы мое сердце и рука не были обещаны другому.

Услыхав эту новость, барон многозначительно хмыкнул.

Сабина была возмущена подобной реакцией собеседника. Куда девалось ее смущение!

– Да, милостивый государь, – заговорила она твердо, – сердце мое избрало другого, избрало свободно, без согласия моих родителей, и этот другой заключает в себе весь мир для меня, так же, как и я для него!

Барон молчал.

А она горячо продолжала:

– Мне безразлично, что вы – чистокровный аристократ, а он стоит в самом низу этой лестницы, но этот человек, во-первых, необыкновенно талантлив, во-вторых, сам победил все свои беды и трудности, выпавшие на его долю в детстве и юности. Для того, чтобы добиться известности, он работает подчас как простой ремесленник, так что, если когда-нибудь вам придется пожать ему руку, то вы почувствуете мозоли на ней. А общественное мнение не волнует меня, потому что я люблю его!

Выговорив последнее слово, она умолкла.

Бледная, взволнованная, с пылающими глазами, она была сейчас удивительно хороша.

Барон слушал ее невозмутимый и холодный. На самом деле в нем klokотала страсть, соединенная с ревностью. Он давно любил Сабину. Да, он аристократ, богач... С какой радостью он поменялся бы всем этим с избранником Сабины!

Любой другой на его месте назвал бы все это романтической чепухой, но он понимал ее.

В наше время поголовных интрижек и замужеств, в которых нотариус представляет всю поэзию брака, барон Брюле увидел женщину, способную на истинное чувство.

Эту женщину он уже считал почти своей, но она ускользала от него.

И он решил испить свою горькую чашу до дна.

– Где же вы видите с ним?

– Мы встречаемся иногда на улице, во время моих прогулок, но иногда я захожу к нему, – просто отвечала она.

– Приходите к нему?!

– Да, я нанесла ему пятнадцать визитов, за которые он сделал мой портрет. Мне кажется, что я могу посещать человека, которого я люблю, и не краснея заявить об этом любому.

Барон сконфуженно умолк.

– Теперь, когда вы знаете то, что я не решилась доверить даже матери, я спрашиваю вас, в какой степени я могу рассчитывать на вашу помощь?

Если бы барон узнал о Сабине что-либо подобное со стороны, он мог бы бороться с соперником, но когда она сама прибегла к его помощи... У него не оставалось путей к отступлению.

– Ну, что ж, я поступлю так, как вы того желаете, – произнес он с горечью, – сегодня же вечером я пошлю вашему отцу письмо, в котором возвращу ему данное мне слово. И первый раз в жизни я не сдержу своего собственного... Я, зная нрав вашего отца, даже предположить не могу, какие это повлечет последствия для меня, но вы желаете этого...

Но Сабина уже горячо благодарила барона за ту жертву, которую он собирался принести.

– Вы избавляете меня от таких минут, которые я даже вряд ли смогла бы перенести! Идти против воли моих родителей... Тогда, как с вашей помощью...

Но барон Брюле не разделял ее уверенности, смотрел на дело глубже.

– Хочу спросить, графиня: своевременна ли будет моя жертва? Позвольте мне объяснить вам... До тех пор, пока все уверены, что я ваш жених, мало кто отваживается ухаживать за вами, но как только станет известно, что вы свободны, масса претендентов кинется на мое место.

Сабина только вздохнула. То же самое ей говорил Андре.

– Обдумайте хорошенько, ведь дело не только в ваших личных качествах, вы наследница огромного состояния, оно может соблазнить не одного искателя приданого...

Она грустно заметила:

– Да, к несчастью, говорят, я богата.

– Так что же тогда вы станете говорить новым претендентам?

– Пока еще не знаю, вероятно, найду способ отказать им.

– Если вы позволите, я бы осмелился дать вам дружеский совет.

– Говорите, барон, я прошу вас...

– В таком случае, почему бы нам не оставаться в прежнем положении? До тех пор, пока наш разрыв никому не известен, ваше спокойствие обеспечено. Я же, верьте моему слову, по первому вашему знаку уйду со сцены.

Сабина не дала себе труда задуматься над тем, что скрывалось за этим предложением.

– Нет, нет, барон, это будет слишком, нельзя ведь так злоупотреблять вашим чувством, это будет недостойно меня и вас...

Барон не настаивал. После рыцарского порыва обычное человеческое едкое горе заливало его.

– По крайней мере, позвольте узнать имя счастливица, – грустно произнес он.

– Отчего ж нет, его зовут Андре, он живописец и живет на улице Тур-Доверн...

Имя и адрес живописца тут же отпечатались в память барона.

– Будьте уверены, что мной руководит не только любопытство, я мог бы быть полезен не только вам, но и ему, у меня достаточно влиятельных знакомых...

Бедный барон, он не знал, что женщина, как бы благоразумна она ни была, никогда не потерпит покровительства тому, кого она любит!

– Позвольте поблагодарить вас, барон, но Андре не нуждается в покровительстве, он сам добьется всего...

Сказав это, она тронула шнурок сонетки.

Вошел лакей.

– Докладывали ли вы графине о приезде барона?

– Никак нет, мы получили приказ графини, что сегодня она барона принять не сможет.
– Почему же вы мне этого не сказали в самом начале, – резко спросил тот и, поклонившись Сабине, вышел очень недовольный собой.

«Этот тоже достоин любви», – подумала Сабина, провожая его глазами.

Она поспешила к себе наверх, чтобы, как можно скорее написать Андре, как вдруг в передней раздался голос другого посетителя, который непременно требовал, чтобы его пропустили к графу.

– Черт бы вас побрал, – кричал он, – мне нет дела до его приказаний вам, мне необходимо его видеть, и я увижу его! Сию минуту доложите обо мне или я обойдусь без ваших дурацких докладов!

Посетитель был не кто иной, как сам барон Кленшан, друг юности графа, единственный свидетель трагического случая. Тот самый барон, который имел забавную привычку доверять ежедневно бумаге все, что происходило с ним в жизни. Он был среднего роста, обычного сложения, обычной внешности. Словом, в нем не было ничего выдающегося или даже просто заметного. Одет он был тоже сообразно.

В молодости он был очень методичен, к старости почти помешался. Двадцать лет ежедневно он проверял, так ли бьется у него пульс, в сорок надоедал всем и каждому рассказами о переменах в своем здоровье...

Сейчас он был так взволнован, что забыл даже поздороваться с Сабиной.

– Столько душевных переживаний! – кричал он, – и в довершение я еще и съел сегодня больше, чем мне положено! Разумеется, мне понадобится полгода, чтобы прийти в себя!

При виде графа, который вышел ему навстречу, он бросился к нему и закричал еще громче:

– Октав! Ты должен спасти себя и меня! Если ты не уничтожишь договор о браке своей дочери с...

Быстрым движением руки граф Мюсидан зажал ему рот.

– Ты что, не видишь, Сабина здесь?

Девушка, встретив мрачный взгляд отца, поспешила скрыться.

Но барон Кленшан сказал достаточно, чтобы она инстинктивно почувствовала страх. Уничтожения какого договора требовал этот чужак? С кем? И почему ее союз с кем бы то ни было может мешать ему?

Тут явно крылось что-то недоброе. Иначе с чего бы ее отцу зажимать рот этому добродушному человеку?

Сердце ее сжалось от нехорошего предчувствия, она была почти уверена, что имя, которое не успел произнести Кленшан, сыграет в ее судьбе еще не известную ей, но определенную роль. Она поняла, что просто не сможет оставаться в неведении, она должна была узнать, в чем же тут дело...

Оставалось одно: забиться в угол столовой, которая была отделена от комнаты, где остались мужчины, только тяжелой портьерой.

Удостоверившись в том, что обнаружить ее будет непросто, а она сможет слышать все, что ее интересует, она прислушалась.

Кленшан продолжал жаловаться на здоровье и говорил о том, что волнения могут привести к непоправимому ущербу...

– Ну и денек! – ворчал он, – и ты тоже хорош, встретил меня таким образом, после того, что я перенес! Подумай только, завтрак не в меру, душевное потрясение, быстрая езда, перебранка с твоими лакеями, а затем подобный прием со стороны друга! Да, тут есть от чего расхвораться в мои-то годы!

Но граф Мюсидан, которому давным-давно были известны причуды его приятеля, не собирался его выслушивать.

– Говори прямо, что привело тебя ко мне, – коротко и сухо произнес он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.